Зарубежная фантастика

Вернор Виндж, Джоан Виндж

Наследие

Небесные хроники

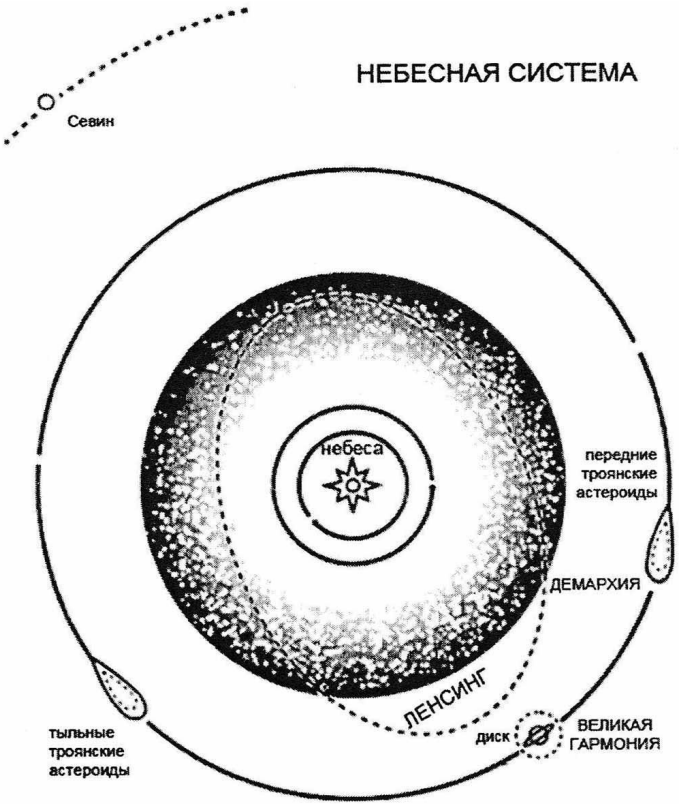
Наследие

Вернор Виндж, Джоан Виндж

Аннотация
Вернор Виндж, Джоан Виндж. Наследие
Джоан Виндж. Наследие
  [illegible]. Журналист
  [illegible]. ИНТЕРЛЮДИЯ
  [illegible]. ЗОЛОТО ДУРАКОВ
Вернор Виндж. Рассказы
  Сухой мартини
  Предварительная оценка параметров уравнения Дрейка: извлечение из мемуаров капитана Ли
Вернор Виндж. Что, если Сингулярность так и НЕ случится?

Аннотация

Роман из цикла «Зоны мысли», цикл «АПП» и эссе. Внутренние иллюстрации Винсента Ди Фейта и Франтишека Шкоды. Перевод Конрада Сташевски. Амбер «Виталион» Тираж 30 экз. 2010 (2018) (прим. OCR) Опечатки исправлены, изображения заменены на оригинальные отредактированные, шкала времени перерисована с нуля.


НЕБЕСНАЯ СИСТЕМА
Севин
небеса
передние троянские астероиды
ДЕМАРХИЯ
ЛЕНСИНГ
диск
ВЕЛИКАЯ ГАРМОНИЯ
тыльные троянские астероиды

Вернор Виндж, Джоан Виндж
Наследие

Джоан Виндж. Наследие

Роман По заметкам Вернора Винджа о Зонах Мысли

MEDIA MAN

VINCENT DI FATE

Посвящается Барб, моей подруге по жизни

Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их. Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего.

Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его

Книга Экклезиаста

⌧. Журналист

Тишина господствовала над серебристым и черным вакуумом мекканских доков, неслышимым эхом перекатывалась среди мерцавших перегонных башен, фосфоресцирующих газовых мешков, громоздких насекомообразных форм грузовых кораблей. Но лишь усилием воли Хаим д'Артаньян позволял ей проникнуть внутрь своего шлема, ведь динамики не переставали отвлекать его болтовней:

— Демарх Сиаманг, демарх Сиаманг!

— … правда ли, что вы направляетесь в…

— А с чем рассчитываете возвратиться?

— … спасти попавшего в…

— Эй, д'Артаньян! Рыжий! У нас уже мозги за тебя кипят!

Д'Артаньян с улыбкой отнял руку от троса и поправил пристежной ремень, крепивший камеру к его плечу. Кусайте себя за локти, дураки. Вы бы мне с охотой ноги переломали, чтоб оказаться на этом месте вместо меня. Он оглянулся на причал — неровная, издырявленная ударами поверхность его местами еще поблескивала. В первых рядах собравшейся за воротами толпы

теснились его коллеги–журналисты, через барьер свешивались камеры; охранник то и дело не без удовольствия осаживал зевак. Всё это были внештатники, все напирали друг на друга, конкурируя за потрясающий сюжет, чаяли привлечь внимание больших шишек в корпорации и заслужить постоянную должность в корпоративном пуле прессы. *При поддержке «Сиаманга и сыновей», и никак иначе, я приступаю к…* Он вытащил короткую соломинку, а заодно свалил от старика Сиаманга; ему выпал уникальный шанс подтвердить на деле свои репортерские и операторские навыки, войти в историю единственным журналистом среди участников (он произнес эти слова про себя подчеркнуто ораторским тоном) Исторического Путешествия, Спасательной Миссии Отважного Наследника Сиамангов, Благородного Предприятия Семьи Филантропов… *Сейчас сгорю от стыда*, подумал д'Артаньян. Парочка корпоративных видеографов записывала, как он удаляется, и цветные повязки на рукавах удостоверяли их принадлежность к сотрудникам Сиамангов. У д'Артаньяна вдруг свело желудок неожиданным спазмом тревоги и несмелой надежды.

Он поднял голову навстречу черной чистоте с

вкраплениями звезд, не замаранной атмосферным слоем. Где–то внизу, за почти сплошным слоем скальной породы многокилометровой толщины, сияла бледная шпинелька солнца Небесной системы. Вскоре, разумеется, он снова ее увидит. Он сосредоточился на гротескной громоздкой конструкции, заякоренной на конце троса; острый астероидный горизонт внезапно обрывался, разделяя ее визуально на неравные доли. Переделанный грузовоз для летучих веществ, на котором предстояло добраться через Основной Пояс ко второй планете Небес, чтобы забрать там человека… и сокровище. Вместо привычных рыхлых мешков с газами виднелись прочно закрепленные цилиндры жилых секций, а на трех длинных утлегарях подальше от них вынесли ЭЯРД. Для спуска на поверхность планеты была предусмотрена ракета на жидком топливе.

Остальные провожавшие собрались под кораблем. Он преодолел последний участок троса, отстегнул камеру, проверил ее герметичность, подключил микрофон к разъему в радиомодуле скафандра. Начал съемку: различать участников помогали яркие цветные геометрические узоры на скафандрах. Вот сам старик Сиаманг, выступавший за универсальную ценность чело-

веческой жизни — нет-де преград в стремлении спасти даже одного этого человека, к тому же сокровище, если его удастся добыть, обогатит всех демархов… Д'Артаньян покачал головой под прикрытием шлема. Демархия — абсолютная демократия, ее философия проста: каждый сам за себя, если только не встанет поперек дороги у слишком многих… или не станет обладателем того, что нужно слишком многим.

Хаиму было известно — это входило в его обязанности, — что при крушении посадочного модуля на Второй планете застрял старатель. Тот начал подавать сигналы бедствия, прекрасно понимая, что, как и в любом ином случае, за ним скорее всего никто не явится, если это не будет сулить значительной выгоды. И намекнул, что ему удалось обнаружить большой клад довоенной эпохи, включавший программные комплексы, при помощи которых-де получится значительно усовершенствовать переработку летучих веществ.

Перегонными заводами управляли те немногие из малых независимых корпораций Демархии, какие могли себе позволить отправку спасательного корабля, и открытие старателя указало им цель. «Сиаманг и сыновья» стремились к той же

цели, что и все прочие, но обладали заметным преимуществом: только у них имелись ракетные двигатели, пригодные для высадки. А если «Сиаманг и сыновья» первыми доберутся до Второй, то и приз должен достаться им.

Старик Сиаманг завершил напутственную речь. Приглашенные делегаты других перегонных компаний откликнулись на нее с энтузиазмом, подпорченным безмолвностью аплодисментов. Сабу Сиаманг, сын главы корпорации и его наследник, добавил несколько слов от себя — вероятно, в той же мере неискренних. *Вылитый папа.* Сиаманг отправлял в экспедицию собственного сына; тому предстояло высадиться на планете с довольно крутым гравитационным колодцем и непредсказуемыми атмосферными условиями. Вероятно, больше никому старик довериться и не мог, но д'Артаньян слыхал, что существовали и другие причины преподать будущему главе корпорации урок ответственности, бросить его на аккуратное столкновение с реальностью. Молодой Сиаманг попрощался с отцом, старательно маскируя недовольство, если даже испытывал такое, за церемониальной вежливостью. Потом простился с женой. Д'Артаньяна удивляло, что женщина такого высокого ранга выбралась на

поверхность, пускай и ненадолго. Голос ее был спокоен и полон самообладания, как и у мужа. Хаим размышлял, показное это или нет. Резкая, требовательная эмоция кольнула его; не будучи уверен, в чем суть такой реакции, он проигнорировал ее.

Он заснял ритуал сердечных поклонов и прощаний, с которыми разворачивались и удалялись через космодром остальные; затем, продолжая снимать и оставаясь героем сюжета, он последовал за Сабу Сиамангом к ожидавшему их кораблю.

* * *

Д'Артаньян выбрался из скафандра в тесном алькове, действуя с неосознанным проворством человека, всю жизнь проведшего на планетоидах, где сила тяжести пренебрежимо мала. Он протолкался через дверной проем в рубку, дал наездом центр управления. Сиаманг беспечно облокотился на одну из консолей, что–то крутя и вертя между рядами экранов.

— Не трогайте тут!.. пожалуйста, демарх Сиаманг.

Мягкий, почти девичий голосок, но в нем чувствовалась резкость, граничащая с раз-

дражительностью, которая, впрочем, быстро затупилась, стоило говорившей вспомнить про служебное положение. Д'Артаньян перевел взгляд мимо Сиаманга и в полумраке рубки увидел пилота, третьего и последнего участника экспедиции. Это оказался подросток, тощий, в темном бесформенном комбинезоне, с короткой стрижкой небесно–черных волос. *Да он же сущий пацан*, подумал он изумленно.

Роста пилот был среднего, как и сам д'Артаньян — метра два. Складки эпикантуса маскировали гнев темных, проницательных глаз мальчишки.

Сиаманг вскинулся на тон, и на лице его проступило недовольно–примирительное выражение.

— О, извините.

Темные волосы, темнее кожи; широкая, немного показушная улыбка. Д'Артаньяну почему–то вспомнились морды животных, виденные на украшавшей древний стол фреске. (Он сам никогда в жизни не видал нечеловеческих существ крупнее насекомого: после Гражданской те стали крайней редкостью.) Хаим не мог точно определить оттенок глаз Сиаманга, но требовательная внимательность их была как прожектор в полумраке. Он увидел, как пилот, чуть побледнев, опускает взгляд. Сиаманг немного расслабился и

глянул на д'Артаньяна. Хаим встретил слепящий взор без затруднений, привычный не видеть лицо, в которое смотрит. Сиамангу было лет тридцать пять, то есть примерно на десять больше, чем самому д'Артаньяну; ослепляли не только его взоры, а и богато расшитая свободная куртка, точно подогнанные узкие бриджи, начищенные ботинки. *Демарх при полном параде*…

— Вы не знакомы с нашим пилотом, да? Это Митили Фукинуки… Митили, знакомьтесь, это журналист, который будет сопровождать нас…

Что–то в голосе Сиаманга придавало имени пилота, если можно так выразиться, двойную неоднозначность.

Д'Артаньян покосился на пилота, и его подозрение переросло в открытие. *О Боже! Женщина?*.. Он, к счастью, удержался от того, чтобы произнести это вслух, поскольку глаза Митили полыхнули враждебностью. Он никогда еще не видел летчиц — те были такими же уникумами, как и живые звери. Он с опозданием осознал, что Сиаманг не представил его и, вероятно, не намеревался. Возможно, Сиаманг уже выбросил из головы имя репортера.

— Гм… меня зовут Хаим д'Артаньян. Но мои друзья называют меня Рыжий.

Он поднял руку, обведя жестом завитки цвета осенней листвы на бледно–коричневой коже.

Летчица смерила его взглядом, которого д'Артаньян вполне ожидал: он к таким привык.

Смешок Сиаманга нарушил неловкое молчание.

— Я и не думал, что у журналиста могут быть друзья.

Д'Артаньян рассмеялся в ответ, подпустив тщательно выверенную нотку самоуничижения.

— Мне следовало сказать *знакомые*.

— Митили, Рыжий здесь представляет масс–медиа. Если справится, папочка его на постоянном контракте оставит. Так что не обижай его, вдруг еще не раз доведется встретиться. — Он подмигнул. Лицо летчицы слегка изменилось. Хаиму показалось, что в помещении похолодало градусов на десять. — Ну что, Рыжий, каково тебе здесь, наверху, после бегства из компании копрофагов и трупоедов?

Д'Артаньян снова рассмеялся, на сей раз от души.

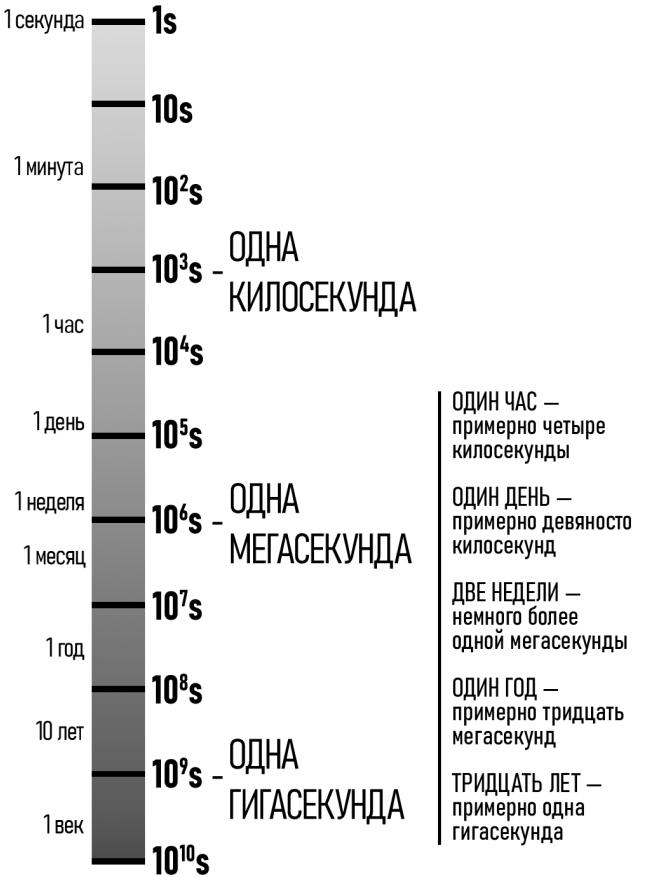
— Мне очень хорошо, начальник. Очень. Я рассчитываю к этому привыкнуть.

— Отбываем через килосекунду, демарх Сиаманг, — сказала летчица. — Вероятно, вы найдете

полезным проверить свою каюту, вдруг забыли что–нибудь. Это сразу там, ниже по коридору.

Она указала на дыру в центре пола, окаймленную алюминиевыми поручнями.

— Отличная мысль. — Сиаманг оттолкнулся от консоли и то ли пролетел, то ли нырнул мимо девушки, направляясь в шахту. — А душевная у вас тут атмосфера, Фукинуки… — Его рука на прощание скользнула по ее ягодицам.



(логарифмическая шкала)

Если бы взгляды могли убивать, мы все давно бы умерли. Д'Артаньян изучал пол, ожидая превращения в каменную статую.

— Ну?

Он поднял старательно расфокусированный взгляд.

— В вашем распоряжении вся спальня для экипажа. Будете проверять багаж или?

Она снова указала в дыру, переместившись подальше от нее.

Он взмахом руки обвел камеру, рюкзак с аппаратурой и полинявшую, без всякой отделки, куртку.

— Это все. Я путешествую налегке.

Он заискивающе улыбнулся в пространство, но реакции не последовало.

— Вы знаете, я, э-э, у меня тоже проблема с именем. Узнав, как меня зовут, все уточняют, а где же мои три мушкетера.

Про себя он мрачно восхищался тем, как даже самые глупые и необразованные люди откуда–то знают про этот загадочный роман из Старого Мира.

— Не понимаю, о чем вы. — Она перелетела к консоли, схватилась за пристежку и углубилась в показания приборов.

— Что…

— И да, прежде чем спросите, что здесь делает такая красотка, как я… я вам отвечу. Я здесь, потому что мне туг нравится. И да, нет, нет и нет. Да, я стерильна. Нет, я такой не родилась. Нет, я не сожалею о своем поступке. И нет, я не потому получила эту работу, что поддавалась приставаниям пассажиров, а потому, что я чертовски классная летчица. Есть еще вопросы, репортер?

— Нет… думаю, все ответы получены.

Он поднял руки в жесте капитуляции.

— На самом деле, — солгал он, — я только хотел уточнить, не будете ли вы против, если я запишу на камеру наш отлет с вашего дисплея.

— Буду против. Пассажирам вход в рубку запрещен.

— Это моя работа…

— А *это* — моя работа. Держите свои стекла подальше от нее.

Он пожал плечами, склонил голову и спустился в шахту.

Припасы и оборудование хранились в каютах экипажа, заполняя их почти полностью, от пола до потолка, от переборки до переборки. Д'Артаньян отыскал оставшуюся свободной койку на полпути вверх по стене и пристегнулся к ней.

Привычная теснота успокаивала. *О Боже, а это ведь происходит на самом деле?..* Он закрыл глаза, заложив руки под голову, и резким, основательным движением расслабил тело, словно какой–то механизм отключил. Воспоминания из времен, когда ему доводилось пилотировать отцовский корабль, замещали в мозгу картины, какие мог бы он сейчас увидеть на обзорном экране по мере почти бесшумного, не дававшего ощутить ускорение, отлета с Мекки. Воображение заиграло еще вольготнее, мысленное око охватило всю Небесную систему, окруженную морем мрака…

Система состояла из четырех планет, обращавшихся вокруг звезды класса G. Два внутренних мира были безымянны и практически непригодны для жизни; один слишком жаркий, другой слишком холодный, атмосферные слои пренебрежимо тонкие. Два внешних мира представляли собой газовые гиганты: Диск напоминал сердоликового скарабея, охваченного двадцатью раздельными ленточками посеребренной солнцем пыли и застывших газов; Севин был тускло–зеленый и со времен Гражданской сделался недостижим. На обоих мирах поселений также не имелось.

Но между Первой и Второй планетами раскинулся астероидный пояс, Небесный Пояс, и там

располагалась человеческая колония, во дни оны превосходившая богатством даже родную Землю. Гражданская война положила этому конец, уничтожила Небесный Пояс, погубила почти все его население — около ста миллионов человек; ныне Пояс представлял собой ржавеющие руины, где выжившие копались в мусоре, доискиваясь артефактов мертвых, дабы продлить свое существование. Из немногих уцелевших островков человеческой цивилизации Демархия выделялась тем, что благодаря своему местоположению практически не пострадала в войну.

Демархия занимала троянские астероиды, сформировавшие группу в форме слезы охватом сто сорок тысяч километров, навеки уловленной в шестидесяти градусах впереди по орбитальному курсу Диска. В Демархии уцелела внутренняя торговля; поддерживались также отношения с другой субкультурой выживших, обитателями глыб смерзшегося мусора, что кружили совсем рядом с кольцами Диска. Кольцевики поставляли необходимые для жизни летучие вещества — кислород, водород, углеводороды. Когда–то они обеспечивали этими товарами весь Небесный Пояс. Сейчас Демархия платила им самородными минералами и очищенными рудами, которые

здесь имелись в изобилии[1].

Еще до войны в экономике и торговле Демархии доминировал корпоративный сектор, склонный к специализации и фрагментации. Эгоистичная природа городских собраний, предпочтительной структуры управления Демархии, отталкивала монополистов, и присущая капитализму конкуренция достигла своих пределов. Мудреная коммуникационная сеть, обеспечивавшая функционирование радикальной демократии Демархии, одновременно являлась идеальной средой для корпоративных соревнований. Как следствие, граждан Демархии без устали омывал поток новостей, замаскированных под рекламу, и рекламы, притворяющейся новостями. Потребность во все более изящной и убедительной технике искажения истины сотворила целую новую эконишу демархического общества, которую

[1] Примечания: 1

Концепция Демархии и Пояса прямо заимствована Аластером Рейнольдсом для романов *Префект* и *Город бездны* из цикла *Пространство Откровения*. Там причиной крушения демархистов стала не гражданская война, а так называемая плавильная чума. См. подробнее о взаимосвязи циклов Рейнольдса и Винджей в автокомментарии Рейнольдса к рассказам сборника *К северу от плоскости Галактики* (*Galactic North*). В принципе ничто не мешало бы считать, что действие циклов происходит в одном и том же варианте реальности, если бы не однозначное авторское соотнесение дилогии Джоан Виндж с романами ее бывшего супруга Вернора Винджа о Зонах Мысли, написанными значительно позже.

занимали наемники пера — журналисты, готовые освещать что угодно, писать о чем угодно и без лишних вопросов продаваться кому угодно на публичных торгах. Не существовало в мире такого, на что они бы не пошли в попытке впечатлить главу концерна.

Д'Артаньян помимо воли напрягся, желудок резанула боль. Он прижал руки к больному месту, вздохнул, припоминая взятки, случаи открытой лжи, скитания по коридорам и офисам, долгие–предолгие мегасекунды, которые ушли на то, чтобы наконец подобраться к уху старика Сиаманга в бане и шепнуть туда нужные слова… показное угодничество ради собеседования, тщательные ракурсы съемок, заискивание. Сабу Сиаманг также присутствовал при этом: легкий в общении, грациозный, чарующий, человек высшего света. Д'Артаньян подкатил к нему в той же манере подхалима, но результатов добился неоднозначных. Сабу уточнил, как его зовут, и удивленно спросил: *А что с вашей троицей мушкетеров?* Д'Артаньян расхохотался, пожалуй, слишком громко.

Он мысленно поморщился, открыл глаза, уставился в переборку. Но, как ни крути, старику Сиамангу понравилось его портфолио, и в качестве вознаграждения тот предложил ему отправиться в удивительную экспедицию: десять мегасекунд вдали от цивилизации, в отрыве от всего, что было ему привычно и необходимо. Однако, если он справится с заданием, это уже не будет иметь значения. Он вернется в Мекку человеком Сиаманга и тем наконец обеспечит свою жизнь.

Он задумался о Митили Фукинуки, девчонке–скауте, демонстративно пуритански обходящейся с пассажирами. Интересно, чем она завоевала темное сердце старикана? Женщина в ранге пилота, о Боже. Она явно ставит свои амбиции и эгоистичные интересы выше биологического долга принести потомство и сберечь будущее расы.

До Гражданской женщинам вовсе не запрещалось работать или путешествовать в космосе, но война изменила очень многое, даже в Демархии. Демархи не потеряли умений запасать человеческую сперму, а вот с яйцеклетками было сложнее. Уровни радиации на кораблях были достаточно высоки (солнечный ветер в сочетании с грязнова-

тыми атомными реакторами), чтобы полностью стерилизовать мужчину, поэтому запас нетронутой спермы хранился на депозите до времени, когда бы тот или иной гражданин пожелал создать семью. У женщин, способных к воспроизводству, не было запасного варианта, так что их поощряли и даже заставляли ограничивать себя относительно безопасными городами, где они жили как за двойной каменной стеной — за барьерами и мужчинами. Но даже в предположительно безопасных городских условиях радиационный фон от неэкологичных послевоенных энергоисточников оставался заметным, и число уродцев от рождения росло. Женщина, способная принести здоровое потомство, считалась в Демархии одним из величайших богатств. Некоторым, судя по всему, такого статуса было недостаточно.

У нее связи. Без связей никому ничего не добиться.

Он услышал какой–то шум уровнем выше, слез с койки, прихватив камеру, и выбрался в коридор. Митили Фукинуки на камбузе разогревала упаковки с едой. Он проплыл у нее за спиной и заглянул через плечо.

— Пора перекусить?

Она вздрогнула и стремительно развернулась. На зубцах вилки в ее руке блеснул свет.

Хаим неловко отстранился, чуть не полетев кубарем. Вернув себе равновесие, примирительно воздел руки:

— Да я только поесть хочу!

Лицо ее искривила насмешливая улыбка. Интересно, над кем она подтрунивает?

— Вон банки, выбирайте что хотите. Но помните, что крышки нужно докручивать плотно. Вот инфракрасная печка, а тут мусорник. Ешьте что хотите, уберите за собой.

Она отвернулась, резким хлопком примагнитила свои контейнеры к подносу и переместилась к столу.

Он последовал за нею со своим подносом, полусидя в воздухе: корабль продолжал ускоряться, и гравитация уже приблизилась к нормальной.

Она слегка нахмурилась, но приступила к еде в молчании.

Он неловко начал:

— Я… впечатлен. Это такой крутой корабль, я…

— Ага, похоже, вы нашли общий язык даже быстрее, чем мог я предполагать, — через дыру в потолке на камбуз проплыл Сиаманг. — Рыжий, замолви за меня словечко, будь другом, если

дальше зайдешь.

Д'Артаньян вскинул голову, ощутив напряжение в голосе Сиаманга, и изобразил усмешку.

— Нет проблем, начальник. Если у меня получится дальше зайти.

Летчица без слов подцепила поднос со стола, метнулась по широкой дуге в обход Сиаманга и пропала в дыре. Хаим услышал, как с лязгом закрывается дверь ее каюты. На сей раз преувеличенно громко расхохотался уже Сиаманг. Обведя взглядом камбуз, опустевший стол и вилку, воткнутую в липкий комок овощей под соусом на полпути ко рту д'Артаньяна, наследник корпорации поднял брови и выразительно загримасничал.

Д'Артаньян опустил вилку, заметив нечто новое, странное, в его глазах.

— Я хотел сказать, начальник, что с удовольствием поделюсь с вами, если… Я без проблем себе разогрею добавки.

Он показал руками приглашающий жест и оттолкнулся от стола.

— Уверен, что без проблем, Рыжий? Впрочем, спасибо. — Сиаманг по–хозяйски устроился за столом на месте, которое освободил Хаим. В голосе наследника появились текучие, маслянистые

нотки. — А я-то полагал, ты наделен качеством, какого сильно недостает мне: умением кадрить женщин. Ну, конечно, ее трудно назвать женщиной, но ты о себе нагородил с три короба, репутация обязывает… — Он поднял вилку. — Ты меня впечатлил, Рыжий. Как вам, журналистам, удается настолько непринужденно о себе врать, м-м? Вы такими рождаетесь?

Хаим полсекунды глядел Сиамангу в глаза, пытаясь осмыслить то, что видит; взгляд Сиаманга, словно прожектором, высветил потаенные закутки его разума. Потом расфокусировал свой взор и отвел его. *Агрессор*. Ни с чем не сообразное слово, как остаточное свечение, словно бы запечатлелось на зрачках. Слишком они яркие, слишком стеклянные, глаза Сиаманга, а зрачки так расширены, что радужки не видать. *Сиаманг чем–то накачался под завязку.* Д'Артаньян не знал, чем, и знать не хотел.

Он льстиво улыбнулся.

— Нет, начальник, такими не рождаются. Это требует практики. Чертовски напряженной практики.

Он непринужденным жестом прикрыл камеру и поплыл в сторону кладовой. Ему явилась внезапная невеселая мысль, что на пути ко Второй

планете предстоит еще много подобных сцен. Он вознес краткую безмолвную молитву (никому в особенности) за то, чтобы Сиаманг по прибытии показал себя на камеру более достойно.

— Рыжий, а ты мне вот еще что скажи… — голос Сиаманга сделался дразнящим, чуть покровительственным, заговорщицким.

Д'Артаньян усмехнулся — не Сиамангу, не кают-е, не кораблю, но лишь звездной пустоте впереди. *Путешествие будет долгим. Я обязан вытерпеть с честью.*

* * *

По прошествии первых нескольких сот килосекунд д'Артаньян перестал носить при себе камеру, как перестал делать и что бы то ни было могущее вовлечь его в контакт с напарниками. Сиаманг проводил время взаперти у себя в каюте, погружаясь в миры, которыми Хаим не интересовался; выходил он оттуда только поесть, поддразнить д'Артаньяна за нерешительность да пролететь с невинной миной мимо девушки. Летчица тоже проводила все время у себя в каюте — д'Артаньян не знал и не интересовался, чем она там занята; она появлялась лишь поесть да свериться с показаниями экранов в рубке, избегая их обоих.

Он, однако, научился пользоваться ее отсутствием и, осмелев, преступил наложенные ею ограничения. Он теперь сам проникал в рубку, снимал виды звезд или просто сидел, глядя на дисплей, в уютной, перемежаемой легкими щелчками тишине, и радовался, что убрался из скучной тесной каюты нижнего уровня с голыми стенами. Глаза его перебегали с центрального экрана к периферийным, изучали проецируемые строчки чисел и филигранные геометрические узоры. Он рассеянно нахмурился при виде проекции солнечной заслонки, которая должна была прикрывать посадочный модуль от прямого света. Вполголоса отдав голосовую команду, он пронаблюдал, как длинная последовательность рисунков на экране изменилась, а потом начала мигать, снова и снова, снова и снова

— Что это вы здесь делаете, а?

Он виновато вскинулся, отлетел от консоли, а в рубку выплыла летчица.

— Мне кажется, один из топливных баков модуля разогревается от солнца, вам стоило бы подъюстировать положение…

— А ну валите отсюда. Я же сказала, в рубку не соваться! Что вы наделали?.. — Она оттолкнулась от поручней, окружавших выходное отверстие

шахты, и проплыла к консоли. — Ничего более идиотского… — Ее взгляд метнулся с экрана, где вспыхивали рисунки, на консоль. Она повторила запрос и получила идентичный результат. — Да, вы правы. — Она снова поглядела на него, но так, как еще ни разу не смотрела. — Откуда вы знаете?

— Журналисты всё знают. — Выражение на ее лице стало возвращаться к норме, и он добавил: — На самом деле… я опытный летчик.

— *Вы?* — поморгала она. — Я и не думала…

— Забавно. А я про женщин и не думал…

Она развернулась к панели и под его взглядом стала перенастраивать заслонку. Затем очень тихо, виновато произнесла:

— Я обычно не допускаю таких промахов. Но я не бываю здесь, наверху, так часто, как мне бы полагалось. Не следовало подпускать его к себе!

— Сиаманга?

Не глядя на него, она кивнула, и мягкие, окон-туренные тенями губы крепко сжались.

— Ага. — Она пожала плечами. — Его непросто полюбить, гм? — *Ну, поверьте, бывают и хуже.* — Он садист! — Голос ее вздрогнул.

Д'Артаньян почувствовал, как сдавливает горло, и сглотнул.

— О чем вы? Вы хотите сказать…

— Нет. О нет, для этого он слишком *цивилизован*. Он психологический садист. С отцом и другими сотрудниками корпорации он обаятелен, привлекателен, *нормален*. Но когда ему попадается человек, которого он не… уважает… — она помедлила, подбирая слово. — Тогда он…

— Начинает его поддразнивать, — кивнул Хаим. — Я покажу вам свои шрамы, если вы покажете мне свои. — Он поколебался. — Зачем вы в это влезли?

— Я люблю свою работу! А он… мало путешествует.

Он услышал внизу шум, и легкая улыбка исполнилась неуверенности. Он бросил взгляд в сторону шахты.

— Выше голову.

Появился Сиаманг и, перелезая через край колодца, пришпилил их обоих взглядом к панели управления.

— О, вот вы где, — преувеличенно радушным голосом заметил он. В руке у него была питьевая груша, и он что–то потягивал через соломинку.

— Здравствуйте, начальник, — поклонился д'Артаньян. — Мы всего лишь делимся впечатлениями о том, как приятно работать на «Сиаманга

и сыновей».

Сиаманг недоверчиво рассмеялся.

— А мне думалось, для общения в непринужденной обстановке существуют уровни ниже.

— Я просто звезды снимаю, для артистических эффектов. С разрешения пилота. — Он извинительно вскинул руки.

— Он как раз собирался уходить, — резко вмешалась Митили.

— Отлично. Мы же не любим нарушать здешних правил, не так ли, Рыжий? — Сиаманг подбросил питьевую грушу в воздух. Хаим проследил, как она, медленно описав дугу, опускается к холодному металлу пола. — Пора подзарядиться. — И следом за грушей он утянулся вниз, чтобы исчезнуть ниже уровня пола. Открылась и закрылась дверца каюты.

— А ты всегда сдаешься, д'Артаньян, так? Все время подхалимничаешь, выворачиваешься…

Д'Артаньян оглянулся на летчицу, поняв по ее напрягшемуся лицу, что его поведение Митили не понравилось. Опустил взгляд на свои руки, все еще выставленные перед собой в воздухе. Неожиданно устыдившись, он почувствовал, как схватило желудок, и свесил их по бокам.

— Ага. — Он принялся вытирать ладони о

куртку. — Все время падаю на спину плашмя, позволяя гребаной Вселенной меня иметь в хвост и в гриву.

С этими словами д'Артаньян полез обратно в шахту.

* * *

Митили Фукинуки ухватилась за потолок, чтобы не уплыть ниже, в каюту. Д'Артаньян не без удивления поднял глаза.

— Ты не против?

— Нет, если не против ты. — Он отодвинул прикрепленную к койке камеру. — Будь как дома. Я тебе зла не причиню.

Она проплыла вниз. Колени слегка согнулись при столкновении с полом, затем положение тела стабилизировалось. Коротко стриженные блестящие волосы плавно переместились по линии лба; кожа ее в ярком свете была как старое золото. Хаим неуверенно отвел взгляд.

Ее темные глаза сканировали пространство, также избегая встречи с ним.

— Зачем ты?..

— Зачем такому славному мальчику сдалась эта работа? — он улыбнулся, как чеширский кот, глядя на нее сверху вниз. Девушка покраснела.

Улыбка исчезла, остался только д'Артаньян. — Кто–то должен ее выполнять.

— Но *тебе–то* с какой стати?.. — Она откинула назад разметавшиеся волосы. — Ты же ее ненавидишь.

По собственному опыту говоришь, что ли? — Он поддразнивал ее, улавливая за паузами неозвученное. — Девчонка–скаут, юная летчица, расскажи–ка нашим зрителям, как ты здесь очутилась. И не вешай мне лапшу на уши, что прошла по конкурсу. Твои связи…

Ее рот сжался.

— Было дело. Мой дядя — пилот грузовоза, а мой отец попросил его использовать свои связи. Но они это сделали потому, что *я сама хотела*.

— Что же, и для тебя, и для них оно обернулось к лучшему, — кисло заметил он. — Хорошо бы у нас у всех так получалось. Если бы да кабы, то я бы оказался на твоем месте вместо своего нынешнего.

— Есть же другие профессии. Тебе не нужны связи, чтобы…

— …чтобы до скончания века удобрения в гидропонный бак швырять? Чтобы камни на очистке раскалывать? Ага, щас. Любая тупиковая работка во Вселенной к моим услугам дома, на Дели. Как

журналист, я по крайней мере получаю шанс заработать, обзавестись контрактами… или, возможно, даже освободиться, снова заполучить когда–нибудь собственный корабль. Я на всё пойду, чтобы этого достичь, на всё.

Она медленно устраивалась на его рундуке.

— А… Что с твоим кораблем произошло? И что это было за судно?

— Да не с моим… С отцовским. Как говорится, он меня научил всему, что я знаю. — Он издал странный смешок. — Он был старателем, а его корабль — летающей мусорной урной. Я впервые его увидел только в восемнадцатилетнем возрасте. Я вообще с ним редко виделся. А моя мать была на контракте.

— О-о. — Прозвучало это почти грустно.

Он кивнул.

— Когда мне исполнилось восемнадцать, папашка свалился мне на голову, как метеор с черного неба, и сообщил, что я стану старателем. Я пятьдесят мегасекунд угрохал, обучаясь управлять кораблем, выскребая артефакты с летающих глыб, о которых в жизни не слышал, и за это время почти ни с кем не встречался, кроме отца… да множества мертвецов. — Он снова рассмеялся, словно не слыша себя. — Я

думал, с ума сойду. Наконец он бросил эту затею и отпустил меня домой. Следующее, что я от него слышал, было заявление, что ему выпала удача всей жизни… а потом сообщили, что он погиб. Он раскокал свой корабль, а вместе с ним и себя, при неуклюжей стыковке. Его добыча досталась какой–то корпорации, а мы ничего не получили. Мне нужно было чем–то заняться, чтобы кормить маму… и я стал тем, кем стал. Я думал, мне понравится работать журналистом после пятидесяти мегасекунд старательства. Но теперь мне даже одиночное заключение показалось бы приятной перспективой.

— А почему мать тебе разрешила? Разве она не знает?..

На ее красивом, но резком лице проступила симпатия, черты слегка разгладились.

— А что ей оставалось делать? Вместо меня удобрения в бак швырять? — Он передернул плечами. — Она отлично выглядит, вышла замуж эдак сотню мегасекунд назад. Я про нее с тех пор мало слышу, ее муж по очевидным причинам меня не привечает. Пока мой отец был жив, она ни разу не законтрактилась на детей. Забавно. Он бывал с нами, по моим прикидкам, от силы семь раз за шестьсот мегасекунд, он ей

ничего ни разу не дарил, кроме меня, и тем не менее она его любила. Надо полагать, она все это время втайне рассчитывала, что он на ней когда–нибудь женится. — Он фыркнул. — Как тебе такой зачин знакомства?.. Прости, но у меня квота спонтанных разговоров за последнюю мегасекунду еще не выбрана. — Взглянув на нее, он внезапно оказался под властью другой потребности, не удовлетворявшейся слишком долго. Она не прилагала ни малейших усилий, чтобы казаться чувственной, и именно это придавало ей неожиданную, необоримую сексуальность. Он расстегнул высокий воротник свободной зеленовато–серой куртки, неловко поёрзал на краю койки, чуть не потеряв равновесие.

— Мой отец, — она глядела вниз и не заметила этого, — хотел сына. Но не мог его зачать… генетический дефект. Поэтому он позволил мне стать летчицей, я ему в этом смысле сына заменяю. Но в том нет ничего плохого… — ее голос зазвучал немного громче, — ведь я всегда и мечтала стать летчицей.

— Правда? Или ты просто хотела порадовать отца?

Он тут же задумался, что подтолкнуло его к таким словам.

Она резко вскинула голову.

— Я к этому стремилась. Если журналист недоволен тем, что ему в жизни светило, отчего я не могу?

Что–то в ее взгляде пробило его публичную маску неуязвимости. Он кивнул.

— Нелегко это, правда? Это никогда не бывает легко.

Она едва заметно улыбнулась.

— Нет, д'Артаньян, никогда. Но ты мне, наверное, чуть–чуть помог.

— Называй меня Хаим.

— Я думала, твои друзья зовут тебя Рыжий.

— Нет у меня друзей.

Она покачала головой, все еще улыбаясь. Оттолкнулась от рундука и взмыла к входному отверстию.

— Да нет же, есть.

Он остался в одиночестве и медитативно глядел на звезды, пока не улеглось возбуждение; в мозгу удержалось приятное тепло, не имевшее ничего общего с сексом. Наслаждаясь им, он слушал, как возится Митили наверху, разогревает еду у него над головой, а потом услышал еще кое–что: голос Сиаманга.

— А мне ты ничего не хочешь разогреть, Ми-

тили?

— Я летчица, демарх Сиаманг, а не кок. Вам придется самому этим заняться.

— Я не это имел в виду.

Д'Артаньян услышал резкий стук магнитного подноса по стойке, сдавленный хрип отвращения.

— И этим тоже сам займись!

Затем, уже тише, стукнула дверь. Хаим позволил себе снова очертить перед глазами ее мысленный образ и печально усмехнулся. *Ну, твоя дружба — лучше, чем ничего, бедняжка–скаут.* Но в течение следующих четырех с половиной мегасекунд они с ней не пересекались, как друзья ли, в ином ли качестве; взаимная неприязнь к Сиамангу и страх его спровоцировать воздвигли между ними непроницаемый барьер.

Так продолжалось, пока на обзорном экране не возникла Вторая планета; чуждая, колоссальная, похожая на палитру в стерильных сероватых оттенках — серо–синяя, серо–зеленая, серо–коричневая. Радостный голос старателя затрещал, перекрывая помехи, из динамиков. Митили, отследив источник его радиосигнала, вывела корабль на полярную орбиту, и гипнотическая текучая серость сменилась ослепительной бе-

лизной полярных шапок. Хаим впервые в жизни увидел облака: бледные метелки замерзшего водяного пара, уловленные высоко в атмосферных слоях Второй планеты. Он все снимал на камеру, испытывая редкостное воодушевление от мысли, что в Небесной системе найдется еще от силы несколько человек, видевших это своими глазами. Ему явилась мысль, что облаков тут, по впечатлению, больше, чем помнилось по картинкам, и он умудрился завести осмысленный разговор на эту тему, зависнув рядом с Митили. А когда настал черед последних приготовлений перед переходом на борт неуклюжего суденышка, в котором предстояло спуститься с орбиты, Митили тихо попросила помочь ей при посадке.

* * *

Он сидел, пристегнувшись к объемистому противоперегрузочному креслу, рядом с летчицей. Помещение теперь казалось тесным даже по его меркам. Сиаманг устроился позади, явно трезвый и непривычно тихий. Хаим следил за движениями Митили, видел в ее лице отражение собственной нервозности, но черты девушки все равно оставались уверенными, а действия — отточенными, словно то была лишь какая–ни-

будь татуировка на черепе. Митили отстыковала модуль из хватки корабля–матки, активировала первую ступень, вывела модуль с орбиты… и приступила к маневру, какого еще не доводилось осуществлять ни ей, ни кому–либо из живущих в Небесной системе пилотов, за исключением подавшего сигнал бедствия человека внизу.

Они вошли в верхние слои атмосферы, и Митили дала второй ракетный импульс торможения. Приходилось поддерживать критически важное равновесие: спускаешься чересчур быстро на верную гибель, но и слишком медленный спуск истощит запасы топлива еще высоко над поверхностью. Более двух миллиардов секунд не конструировали в Небесной системе кораблей, пригодных для торможения об атмосферу планеты — после войны потребность в таких судах отпала. До сегодняшнего дня. Не существовало и ЭЯРД, способных осуществить такой маневр с торможением для посадки на планету. Поэтому их корабль стачали наспех, из того, что было под рукой, и оснастили оборудованием, собранным также второпях, за каких–то две мегасекунды самое большее.

Хаим считывал показания датчиков высоты и скорости по приборам, которые никогда не

калибровались для измерений с секундной точностью, а кораблик выдавал шестьсот метров за секунду. Он потеющими руками хватался за приборную доску, сражался с собственным внезапно увеличившимся, непривычным весом. Митили опускала их, ориентируясь на сигнал радиомаяка, от обзорного экрана толку не было никакого — мешали пламенеющее сияние ракетных двигателей и острый угол спуска. Каждый раз, когда их отклоняло или вовсе сметало с предпочтительной траектории устрашающим противовесом незримой атмосферной турбулентности, Митили испускала сдавленный вздох или хриплое ругательство.

На высоте тысячи метров над планетой она дала финальный импульс. Хаим заговорил громче, чтобы заглушить рычание ракет:

— Шестьсот метров, двадцать метров в секунду. Пятьсот метров… — Тяга еще выросла. — Четыреста метров, восемнадцать метров в секунду. Триста метров… Двести… Сто метров, десять метров в секунду…

Митили снова дала тягу, и тут же скорость спуска стабилизировалась.

— Пятьдесят метров, десять метров в секунду. Сорок метров… Тридцать… Двадцать метров…

Митили, мы…

Она вывела двигатели на полную, и ускорение в десять метров за секунду в квадрате вдавило Хаима в кресло. Обзорный экран был слеп от пыли. Корабль дернулся, шум поглотил слова, вибрация заставила зубы истошно застучать.

— …слишком быстро!

Столкновение — в некотором смысле кульминация навыворот — встряхнуло его. Митили отключила двигатели, и спустя несколько секунд воцарилась тишина. Он поморгал, вглядываясь в экран, где продолжали кружиться серые вихри, поёрзал в кресле, ощущая непривычно сильную хватку гравитации.

— Мои поздравления… — он рассмеялся и тем сбил себе дыхание. — Это… планета… а я… за все время спуска… ни единого снимка!

Опа обмякла в кресле и торжествующе рассмеялась вместе с ним.

— Если б ты снимал вместо того, чтобы мне помогать как штурман, нам бы сейчас беспокоиться было не о чем.

Он покачал головой.

— Как… благородно с твоей…

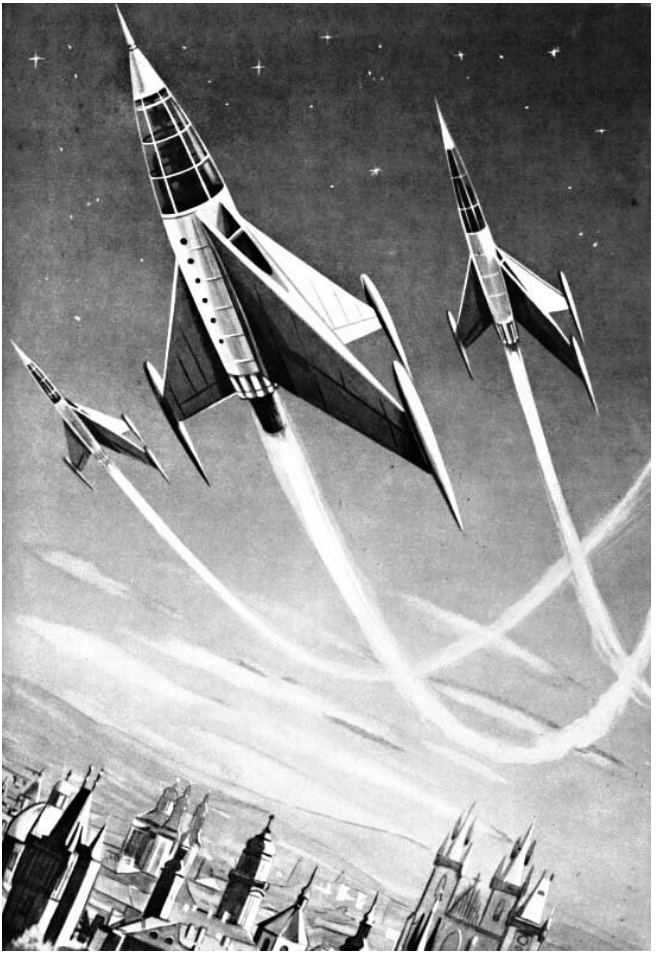
И попытался передать ей прикосновение глазами. Она встретила его взор, продолжая

улыбаться.

* * *

— Это мне кажется или тут и вправду стало холодновато? — Д'Артаньян смотрел, как застывает влага его дыхания следом за сказанными словами. Скафандр его тяготил, движения получались неуклюжими, как в свинцовом фартуке. Позади раздраженно пыхтел Сиаманг.

— Это тебе не кажется; атмосфера похожа на воду в том отношении, что отнимает тепло у корпуса. — Митили массировала руки и глядела на экран. — Инженеры Сиамангов нечто в этом роде и предсказывали.



Хаим увидел купол заброшенной экспериментальной станции — почти в километре от места посадки через приполярную равнину; несколько ближе громоздилась неуклюжая глыба старательского корабля. Нам обоим повезло справиться с посадкой лучше ожидаемого. А там, у невероятно далекого горизонта, что–то вроде запыленного сугроба с широкими неглубокими кратерами: южная полярная шапка Второй планеты. Он задумался о неисчислимых природных ресурсах этого мира, но тут же вспомнил, что все они сложены на дне гравитационного колодца.

— Рыжий, давай. Камеру тащи и ластами шевели. Мы ведь за этим и прибыли, верно? — Голос Сиаманга выражал нетерпеливый оптимизм. Хаиму полегчало; хотелось верить, что деловые переговоры в исполнении Сиаманга на камеру будут выглядеть лучше его частной жизни.

— Иду, начальник. А вы? — Он оглянулся на Мигили. — Выход на поверхность — дело нерядовое, и…

Она кивнула.

— Знаю. Но мне нужно остаться здесь, на корабле; он не очень–то приспособлен к воздействию атмосферы. Придется искусственно поддерживать рубку при достаточно высокой температуре,

чтобы оборудование не замерзло, а из баков не вытекло слишком много топлива. Кроме того, — добавила она тише, — я не хочу иметь касательства к деловым переговорам.

— Гм, ну ладно. Когда вернемся, покажу тебе свои домашние видео, идет?

Он нахлобучил шлем скафандра на голову, застегнул и прицепил камеру. Его аж согнуло под неожиданной тяжестью. Гравитация Второй планеты была колоссальна, раз в сто выше нормальной. Он внезапно пожалел, что не принял предложение корпоративных снабженцев и отказался от легкой довоенной камеры, оставшись верен излюбленной.

— Рыжий, *шевелись*!

Он последовал за Сиамангом в шахту, по ненадежным перекладинам лестницы. Атмосферное давление не позволяло скафандру раздуваться, стискивало его ледяной хваткой.

— Блин!

Сиаманга качнуло, будто под невидимым ударом. Ветер, понял д'Артаньян, и его самого тоже отбросило на корпус корабля. Шлем лязгнул металлом о металл. Когда они садились, приповерхностные слои атмосферы были спокойны, но теперь поднимался ветер, взметая полупро-

зрачные занавеси серовато–синей пыли. Между порывами он ухитрился различить вдали фигурку, движущуюся к ним от купола.

Они с трудом пересекли узкий плоскодонный кратер, выжженный корабельными двигателями при посадке, и выбрались на равнину, заметенную тонким слоем пыли.

— Вот теперь мы точно зачушились, — прокомментировал д'Артаньян веселей, чем чувствовал себя. Пыль скреблась по забралу его шлема, словно наждачная бумага; он начал попеременно потеть и дрожать. Сиаманг не ответил: наследнику явно было трудно передвигаться, лицо его приобрело мрачное, с трудом понятное за стеклом выражение. Д'Артаньян посмотрел в небо: чужое, ультрамариновое, подсвеченное огромной солнечной шпинелью. Ему явилась мысль о сапфире, единственной виденной в жизни вещи сопоставимой чистоты цвета. *Стоило бы им назвать эту планету Голубой, а не Второй. Голубой Преисподней.* Он снова опустил глаза. Купол, стоявший на серо–синей равнине, не слишком увеличился в размерах, но фигура в скафандре, двигавшаяся им навстречу, выросла, удостоверяя, что они идут в нужном направлении. Он позволил камере соскользнуть с затекшего пле-

ча и закрутил ремень вокруг немеющей руки в перчатке.

— Совершенно фантастическое зрелище, бальзам для глаз! — Незнакомец заговорил через динамики своего скафандра. Отщепенец, старатель, единственный участник приветственной процессии. Человек протянул к ним руки, по очереди ухватил и крепко пожал, одновременно кланяясь. Хаим завистливо отметил, как легко и непринужденно он движется.

— Наши глаза в бальзаме не нуждаются, — сказал Сиаманг, от чьего радушия и следа не осталось. — Нам бы убраться под крышу из этой гребаной атмосферы.

— Да, конечно. Позвольте, я помогу вам? — Человек потянулся к камере д'Артаньяна.

Хаим вспомнил о своем долге и жестом отклонил предложение.

— Нет, спасибо. Я журналист… кстати, позвольте снимок сделать… — Он сместился в сторону, вскинул камеру, включил ее, навел фокус и нажал кнопку, чуть не упав с ног от волнения. Исторический момент, героическое спасение, фантастическая сцена — хорош был бы оператор, который в этот миг полетит кубарем. Они двинулись дальше, миновали брошенный старателем

корабль. Раздался голос Сиаманга:

— А щелкни–ка это, Рыжий.

— Слушаюсь, начальник.

Он дал увеличение: на корпусе было начертано имя и оттиснут силуэт насекомого.

— *Пчелка Эссо*?[2] — недоверчиво хмыкнул он. Тут же засмеялись и другие, один с удовлетворением, другой с неприкрытым изумлением.

Д'Артаньян обернулся и взглянул в лицо старателя, остававшееся в тени.

— Я так понимаю, вы не кто иной, как Квайме Секка–Олефин?

Он припоминал подробности того выпуска новостей: старатель, которого они встретили, был наследником целого состояния, однако его корпорация погибла в ходе Гражданской. Секка–Олефин, сокращенно СО или Эссо. А это их секретная экспериментальная станция, восходящая к довоенному периоду.

— Да, и я чертовски рад вас видеть! — Старатель снова рассмеялся. — Боже, счастье–то какое!

— Мы тоже рады, — подхватил Сиаманг, — рады

---

[2] Примечания: 2

Игра слов: Эссо — торговая марка, принадлежащая крупной нефтяной компании ExxonMobil (в прошлом — Standard Oil, SO); esso bee (bee — «пчела») в беглой речи читается как SOB, английское шутливое сокращение от son of a bitch, «сукин сын», и дает популярную у водителей в англоязычных странах наклейку на бампер или лобовое стекло.

стараться не только ради вашего спасения, но и ради перспектив всего человечества.

Наконец они достигли приземистого купола станции. Д'Артаньян заснял величественный вид здания на фоне ветреной пыльно–снежной пустыни, стараясь, чтобы на звуковую дорожку не попадал стук его зубов. Тяжело дыша, он поплелся ко входу — записать прибытие в темный уют убежища. От входа круто вниз уходила лестница; он понял, что большая часть здания размещена под землей, наверняка затем, чтобы поддерживать в помещениях равномерную температуру. Одна из стен была покрыта какими–то странными бороздками. Он медленно попятился к ней, снимая, как двое других входят в зал, и вдруг Секка–Олефин в видоискателе метнулся к нему.

— Смотрите, куда!.. — загремел голос Олефина в его шлеме. Перчатка Олефина схватила его за руку, по сорвалась, и ноги д'Артаньяна ощутили пустоту. Воздух увлек его вниз. Он пересчитал ступени лестницы, ойкнув от изумления. Камера свалилась ему на живот. Д'Артаньян лежал без сил, набив себе основательных синяков при падении. Без труда наблюдая звезды в сумраке пещеры, он ловил ртом воздух. Спустились двое других, каким–то образом умудрившись не насту-

пить на него. Сняли камеру с живота и помогли подняться.

— Рыжий, с тобой все в порядке?

— Вы разве не видели, что тут лестница?..

— Лестница? — промямлил он. — Что вы имеете в… ай! — Правый голеностоп согнулся под тяжестью малой доли массы тела, боль разрядом проскочила вверх по ноге и позвоночнику. — Моя нога… — Он прижался спиной к стене коридора, балансируя на одной ноге. — Болит адски.

— А тут местечко адское, — с отвращением пробормотал Сиаманг. — Камера–то как?

Он вложил камеру в руки д'Артаньяна. Д'Артаньян снова потерял равновесие, Олефину пришлось дернуться вперед и поймать его. Д'Артаньян отряхнул герметичный чехол, оглядел его, перевернул, посмотрел в объектив. Грудь ныла. Он воткнул на место коннектор микрофона.

— Все в порядке, мне кажется… Наверняка при падении получился отличный снимок потолка. — Рассеченная губа кровила. — Эта хреновина будто специально на меня свалилась.

— Хорошо, что она крепче тебя, — заметил Сиаманг, — иначе работы бы ты уже лишился, Рыжий.

Д'Артаньян слабо рассмеялся. Обвел взгля-

дом коридор и вдруг пристыженно осознал предназначение бороздчатой стены: это были ступени, ряд выступов, предназначенных для компенсации импульса при спуске в условиях высокой силы тяжести. *Час от часу не легче, так облажаться.* Он скорчил гримасу. Старатель подставил ему свое плечо, и трое поплелись в главный зал.

* * *

— Как насчет того, чтобы обмыть нашу встречу? Я уже привык пить в одиночестве, а тут вдруг… — Олефин выщепил бутылку из груды хлама в комнатушке, служившей ему домом последние десять мегасекунд. Д'Артаньян заметил и другие бутылки, в основном пустые.

— Отличная мысль. Мне тоже бы не помешал антифриз. Тут смертельно холодно. Насколько низко падает температура на планете, кстати говоря? По ощущениям, до нуля кельвинов… — Сиаманг растирал пальцы, пытаясь восстановить кровообращение. По настоянию Олефина они сняли скафандры. В других обстоятельствах имело бы смысл посетовать, что в помещении очень холодно.

— Нет… нет, всего лишь до двухсот тридцати

кельвинов, и то после заката. Конечно, без поправки на ветер, — добавил Олефин с ухмылкой.

Д'Артаньян сидел на незастеленой койке, подняв ноги, и чувствовал, как распухает голеностоп в ботинке. Олефин обернулся и с вопросительной усмешкой посмотрел на него. У старателя были зеленые глаза с карими пятнышками и тяжелые, как горные хребты, кустистые брови. Волосы косматые, нестриженные, редеющие и серебрящиеся на висках — от этого возникали неожиданные светлые пятна на коричневой коже. *Полноправный наследник старых богачей… интересно, эти люди вообще существовали в реальности?* Д'Артаньян помотал головой.

— Нет, спасибо. Я трезвенник.

Сиаманга это заявление явно удивило.

— А в медицинских целях? — не отступал Олефин, жестикулируя бутылью.

— Именно поэтому и трезвенник. — Он опять помотал головой, придав лицу выражение искренней скорби. — Я не могу пить. Язва.

Он утер кровь с рассеченной губы.

Удивление Сиаманга прорвалось хохотом.

— Язва? А *тебе–то* с какой стати психовать, Рыжий?

Д'Артаньян вздохнул.

— Я переживаю, что бесплатная выпивка мимо проходит. Она бы мне ой как пригодилась.

Олефин разлил водку в полусферические бокалы. Поверхность жидкости оставалась неподвижна и вверх по стенкам не уползала. Д'Артаньян полез за камерой, гоня приступ жалости к самому себе.

— Вы явно счастливчик, демарх Секка–Олефин, раз обнаружили здесь столько неповрежденного оборудования. Похоже, все системы жизнеобеспечения работают нормально. Это и спасло вам жизнь, не так ли? А что произошло с учеными, работавшими здесь до войны?

После мегасекунд принужденного молчания он почти наслаждался своим шансом.

Олефин подался вперед на стуле; казалось, ему также доставляет наслаждение звук собственного голоса.

— О да, мне невероятно повезло! На борту *Пчелки Эссо* я бы окочурился как пить дать. А со станцией в Гражданскую ничего серьезного не случилось, ведь никто, кроме Эссо, не знал о ее существовании. После войны же ни у кого не было возможности сюда добраться… Судя по всему, расквартированные на станции исследователи умерли от голода.

Д'Артаньян сглотнул слюну. *Боже, публика будет в полном экстазе.*

— Но… гм… как насчет ценных находок, которые вы сделали? Разве не означает это, что гибель ученых не была напрасна? Открытия помогут живущим…

— Да, да! И так, как я даже не рассчитывал. — В голосе Олефина появилась нотка сдерживаемого фанатизма. — Знаете ли вы, что…

Сиаманг нетерпеливо поёрзал и поставил бокал на столик.

— Демарх Секка–Олефин, Рыжий, если вам это не покажется грубым… — в его голосе не было издевки, — я попросил бы отложить интервью до обсуждения более актуальных вопросов.

— Да, разумеется… — прервался Олефин, которого вдруг словно бы порадовало вмешательство. — Помогу, чем смогу, учитывая сделанное вами для меня.

Д'Артаньян повернул камеру к Сиамангу, и тот принял официальную позу.

— Разумеется, самым важным из этих вопросов, основным поводом для моего путешествия за четыреста миллионов километров, стала…

Жажда наживы, подумал д'Артаньян.

— …потребность вытащить вас с этой адски

унылой планетки. — Он извлек из тонкой папки, которую прихватил с собой, что–то запечатанное в пеноматериал. — Это запчасть вместе с инструкциями. Замена компонента, пострадавшего в ходе посадки вашего корабля на Вторую планету.

Олефин просиял, как ребенок, получивший подарок на день рождения, но д'Артаньян заметил, что в орехово–зеленых глазах его сверкнул темный проблеск более мрачного юмора.

— Оттого что в кузнице не было чипа! Подумайте, сколько времени и денег я вложил, совершенствуя *Пчелку Эссо* и ее ЭЯРД, способный утащить за собой половину этой планеты, отшлифовал ее дизайн до блеска — и все это пропало втуне только потому, что один–единственный электронный модуль разместили снаружи, а не внутри, как полагалось бы… Спасибо, демарх Сиаманг. Не знаю, как вас и отблагодарить, но постараюсь. — Он встал и потянулся к Сиамангу, сердечно потряс его руку и снова сел. Налил себе новую порцию водки, воздел бокал в молчаливом салюте, осушил и поставил обратно.

— О, вы вполне можете нас отблагодарить, в известном смысле… — Сиаманг помедлил, обезоруживающе элегантный и вежливый. — Если предоставите «Сиамангу и сыновьям» право про-

вести первую ночь с программами, которые вы, по собственным заверениям, здесь обнаружили.

Олефин быстрым, едва уловимым движением склонил голову, но на кивок согласия это мало походило.

Сиаманг не обратил внимания:

— Как вам, вне всякого сомнения, известно, ваша находка будет неоценимо полезна для наших перегонных…

— И не только ваших, — перебил Олефин с неожиданной непринужденностью. — Демарх Сиаманг, я намеревался по возвращении в Демархию выставить свою находку на публичные торги, а вам, или тем, кто явился бы мне на выручку вместо вас, предложить существенный процент от суммы, за которую она уйдет.

Лицо Сиаманга едва ощутимо напряглось.

— А мы, демарх Секка–Олефин, имели в виду что–то вроде выкупа за фиксированную сумму. Остальные ваши находки нас не интересуют, можете торговать ими, сколько душа пожелает. Но для нас — само собой — крайне важно, чтобы именно «Сиамангу и сыновьям» достались эти программы.

Публичный же аукцион вам этого не гарантирует, подумал д'Артаньян, пряча усмешку

за камерой. И вдруг понял, почему «Сиаманг и сыновья» так настаивали на отредактированном сюжете вместо прямой трансляции: детали деловых переговоров не предназначаются для общего просмотра.

— Сиаманг, я понимаю, чем вы руководствуетесь. Я сам выходец из семьи владельцев перегонных заводов. Но меня снедает подозрение, что такая договоренность с одной–единственной фирмой, монополистичная по природе своей, расходится с демархическими традициями свободного предпринимательства. К тому же, если откровенно, у меня свои планы, как распорядиться выручкой, и я намерен сторговать свои находки по максимальной цене. Программы, безусловно, составляют наиболее ценную часть клада.

— Ясно. — Глаза Сиаманга метнулись к запчасти, которую Олефин баюкал на коленях. Хаим без труда догадался, о чем он сейчас сожалеет. — Гм, что же, если вы не против, я отправлюсь в приятную прогулку обратно к нашему кораблю, чтобы еще раз связаться по радио с главным офисом компании и обсудить очерченную вами позицию по этим сокровищам. — Он улыбнулся солнечной улыбкой, но в голосе его проступил

холодок. — Возможно, мне разрешат проявить большую гибкость в переговорах. — Он поклонился.

Хаим встал, подгоняемый неясным чувством беспокойства, но тут же сел, когда Сиаманг, застегивая скафандр, оглянулся на него:

— Рыжий, останься здесь. Заканчивай интервью. Ты меня только тормозить будешь. Я не хотел бы проводить на здешнем открытом воздухе больше времени, чем необходимо.

Он еще раз вежливо поклонился Секке–Олефину и покинул помещение.

Д'Артаньян прислушивался к неуклюжему шарканью ног наверху и чертыхался про себя от боли и фрустрации. Рефлекторным защитным движением он вскинул камеру, словно хамелеонский костюм накинул. Через видоискатель было заметно, как Олефин качает головой, поднимает руку и наливает себе еще выпивки. Хаим опустил камеру, несколько раздраженный, но порадовался, что старатель не стал допивать до дна эту порцию, в отличие от предыдущих. Времени для интервью полно. Учитывая задержку на время передачи–приема сигналов, Сиаманга еще килосекунды три ожидать не приходится.

Олефин усмехнулся.

— Слегка развязывает язык и упрощает жизнь, насколько возможно; а еще разжижает мозги, так что гам ад кромешный… Пытаюсь соблюдать баланс. Падение оказалось тяжелей, чем вы делаете вид, гм? Болит где–нибудь?.. Может, я ваш голеностоп посмотрю?

Он поднялся.

Д'Артаньян откинулся к холодной стене и позволил себе смешок.

— Вы лучше спросите, где у меня *не* болит! Я весь синий, зеленый и черный под одеждой… Спасибо, спасибо, но вам сначала придется разрезать мой ботинок, а запасного у меня нет. Неважно. Вскоре мы вернемся к нормальной силе тяжести, и мои проблемы закончатся. Просто нужно работу довершить, и… — Он поморщился от прикосновения пальцев Олефина к голеностопу.

— Работа превыше всего, э? Значит, вы человек корпорации… — Олефин постучал кулаком по подошве его ботинка. — Человек Сиаманга?

— Я… надеюсь им стать, — пробормотал д'Артаньян сквозь сжатые зубы. — Поэтому, когда мне приказывают прыгнуть, я не спрашиваю, куда и зачем. Я просто уточняю, достаточно ли тут высоко.

— В ближайшее время вам ниоткуда и ни для

кого прыгать не доведется. У вас растяжение, а то и перелом. — Зеленовато–карие глаза насмешливо–удивленно изучали его. Он задумался, что именно так позабавило Олефина. Старатель вернулся к пыльной полке и снял с нее бокал. — Вряд ли я мог бы сейчас вернуться к работе на дядю. Наверное, сказывается мое детство в неге и богатстве…

— Для этого не нужно богатство, уж поверьте.

Д'Артаньян оперся на локоть, койка скрипнула.

Олефин посмотрел на него, вскинув кустистые брови.

Д'Артаньян автоматически улыбнулся.

— Мой отец был старателем, бедным как церковная мышь… до последнего дня своей жизни, когда он наконец наткнулся на что–то стоящее. По крайней мере, он утверждал это.

Установить эмоциональный контакт с субъектом — залог хорошего интервью.

— Да? А как его звали? — На лице Олефина возник обнадеживающий интерес.

— Д'Артаньян. Гамаль д'Артаньян.

— Угу, знавал я его. — Олефин кивнул своим мыслям и водке. — Не знал, однако, что у него есть сын. Мы с ним от силы четыре–пять раз

пересекались.

— Как и мы с ним. Но он брал меня с собой. Не взял в тот последний полет.

— Да, все правильно… я припоминаю тот несчастный случай. Мне ужасно жаль.

Хаим переместил свой вес по койке.

— *Считается*, что это был несчастный случай.

Олефин откинулся на стуле и осторожно уточнил:

— Вы так не думаете?

Он пожал плечами.

— Мой отец долго работал старателем. Он был чересчур опытен для такой тупой ошибки. И кажется слишком уж удачным совпадением, что люди корпорации как раз в это время оказались там, чтобы истребовать его находку за долги.

— Но кто–то же должен был… — покачал головой Секка–Олефин. — Я понимаю, у вас работа такая, что вы с недоверием относитесь к корпоративной политике. Но не до такой же степени. Если бы вдруг что выплыло, это конец всем причастным. Возможно, у него бортовая аппаратура заглючила. Несчастные случаи происходят, люди ошибаются… космос второго шанса не дает.

Д'Артаньян кивнул, не глядя на него.

— Может. Может, так и было. Надо полагать,

если кто и знает правду, то это вы. Вы за обе команды успели сыграть. А он ту гребаную кучу хлама, именуемую кораблем, иногда скреплял замерзшей слюной.

Олефин без всякого выражения потягивал остаток выпивки.

— Что побудило вас оставить старательство и податься в журналисты?

Д'Артаньян вдруг растерялся, кто кого интервьюирует.

— Старательство… Возможно, я не понимал, что теряю, пока не бросил.

— Но ведь еще не поздно.

Он не был уверен, вопрос это или суждение моралиста.

— Не в том случае, если я проявлю себя на этом задании.

Олефин кивнул каким–то своим мыслям.

— А как бы вам понравилась другая работа?..

Хаим сел на койке, не скрывая интереса.

— Какая? Старательство?

— Рекламная кампания в средствах массовой информации.

Д'Артаньян снова обмяк, испытывая странное разочарование.

— Это… чертовски приятно слышать от незна-

комца, но вы уверены?.. Какая именно кампания? Что вы намерены продавать?

— Вторую планету.

Д'Артаньян снова выпрямился на койке.

— Что-о?

— Колонизацию Второй планеты силами Демархии.

Иисусе–Аллах, кажется, меня хочет нанять маньяк. И богатый маньяк…

Он потянулся за камерой.

По крайней мере, скучно не будет.

— Пока не надо, — покачал головой Олефин. — Я наговорю все, что вам понадобится для сюжета, но лишь после вашего согласия. Сперва выслушайте меня, а потом уж беритесь судить, безумец ли я.

Хаим послушно улыбнулся.

— Как вам будет угодно.

Он повозился с объективом и отложил его на прежнее место, незаметно нажав при этом кнопку активации. В левом ухе прозвучал еле слышный даже для самого д'Артаньяна сигнал — экстремально высокочастотный. Он полагал, что у Олефина слух недостаточно тонкий, чтобы различить его.

Хороший интервьюер даже из предложения

конкурентов достойный сюжет сварганит. Два в одном.

— Ну ладно. Вы уж потрудитесь разъяснить, какой, блин, смысл обустраивать колонию в такой дыре, как эта адская Вторая?

Он откинулся на койке, массируя руками больную ногу.

Олефин засмеялся совсем трезвым смехом.

— Как вы думаете, сколько мегасекунд осталось Небесному Поясу?

Д'Артаньян непонимающе посмотрел на него.

— До чего?

— До полного коллапса цивилизации. Тогда мы присоединимся к сотне миллионов жертв Гражданской войны.

Д'Артаньяну вспомнился город Мекка, рукотворная жеода в толще скалы, и его башни, переливающиеся всевозможными оттенками драгоценных камней подобно сталагмитам. Он попытался вообразить его обителью мертвых и не сумел.

— Не знаю, как там в Небесном Поясе поживают падальщики, но не вижу никакой причины Демархии прекращать существование.

— Не видите?.. Да, возможно, не видите. Никто не видит. Не хочет мириться с неизбежностью

смерти. И кто я такой, чтобы винить их?

— Все мы смертны.

— Но кто в это верит по–настоящему? Возможно, тут дело в том, что Эссо была уничтожена войной, что я выжимаю последние крохи из семейных капиталов. Быть может, поэтому я все вижу так четко: человечество здесь обречено, и конец его недалек. Если говорить об ошибках, которые совершают люди, то у нас у всех на совести огромная ошибка — Гражданская война. Еще одна ошибка, и Небеса примут нас навеки. Блаженны гребаные мертвые… Существование Пояса всецело определяется искусственными экосистемами. Все, что имеет жизненную важность, мы вынуждены перерабатывать или производить самостоятельно — воздух, воду, еду, вообще все. И, как любая другая экосистема, даже в большей мере, наша уязвима перед кризисами избыточной эксплуатации. В таком случае никто не продержится долго. У жителей Солнечного Пояса был запасной вариант: Земля. Если нужно, всегда можно вернуться туда, где все необходимое для жизни возникает само собой. Но к моменту колонизации Небесной системы такой потребности еще не возникало, поэтому они на нее и не закладывались. Когда Поясники

древности колонизировали эту систему, им казалось, что здесь всего вдоволь — руд и самородных минералов, замерзших газов в окрестностях Диска и так далее. Они даже не задумались о том, как быть, если возможность перерабатывать их по какой–то причине отпадет. Именно это и произошло! Большая часть тяжелой промышленности в Небесах уничтожена войной. То, что уцелело, едва пригодно для возлагаемых на него задач, и у нас нет никаких шансов заменить или починить его. Блин, Кольцевики и сами едва держатся, а если им придет конец, откуда мы возьмем летучие вещества, а?.. Вы еще долго собираетесь задерживать дыхание?

Д'Артаньян неуверенно рассмеялся.

— Но… — Он хотел что–то возразить, но в голове было пусто, и пустота эта вдруг показалась ему видением будущего. — Но… Ну хорошо. Возможно, вы правы, и мы катимся по наклонной. Если мы ничего не можем сделать для спасения, то к чему вообще беспокоиться? Просто берем от жизни лучшее, пока удается.

— Но именно в этом и загвоздка! Мы кое–что можем сделать. Например, заложить колонию здесь, на Второй планете, в предчувствии времен, когда технология совсем откажет, и Демархии не

по силам будет нас поддерживать.

— Не вижу смысла, — помотал головой д'Артаньян. — Выживать здесь не легче, чем в космосе. Даже в скафандре можно замерзнуть насмерть! Атмосфера высасывает из нас тепло жизни даже сейчас, когда солнце еще не зашло. А гравитация!

— Гравитация здесь не превышает четверти допустимой для человека. Что касается холода, то ваше оборудование попросту не предназначено для борьбы с ним, но адаптироваться несложно. Всего–то теплоизоляцию улучшить. Тут не хуже, чем в некоторых регионах Древней Земли. Например, в Антарктиде. Там не теплее было, чем здесь, и снега столько же, но их это не беспокоило. Величайший актив человечества — приспособляемость! Если те грязееды на такое сподобились, то что уж про Поясников говорить. — Олефин оживленно жестикулировал, подчеркивая свои тезисы, глаза его светились изнутри огнем мечты, словно агаты. — Фактически, в рамках задуманной мною медиакампании эту планету предложим назвать Антарктикой. Возврат к природе, отказ от ограничений искусственной среды, жизнь, какой достоин человек!

— Не знаю… — снова отрицательно помотал

головой д'Артаньян. — Вы уверены, что здесь не холоднее, чем на Земле? К тому же атмосфера все равно непригодна для дыхания.

— Да нет же, нет! Об этом в первую очередь и надлежит рассказать публике. В рамках одного из экспериментальных проектов мы изучали здешние атмосферные условия и выяснили, что атмосфера этой планеты значительно уплотнилась в сравнении с эпохой, когда систему только заселяли. Вероятно, иррегулярности орбиты вынуждают полярные шапки сейчас таять и высвобождать связанные газы. Атмосфера здесь сухая и тонкая против привычной нам, но ею можно дышать. Я знаю. Я пробовал.

— Как долго? — Д'Артаньяна внезапно пробила паника, от одной мысли о том, чтобы вдохнуть инопланетный воздух, его руки сами подскочили к горлу. — Да как такое вообще возможно? Откуда тут свободный кислород в таком количестве?

— Не знаю. Но он тут есть. Я проводил снаружи по две–три килосекунды за раз.

Д'Артаньян опустил голову и принялся полировать уже полированные от долгой носки ботинки.

— Надо думать, жить придется под землей, чтобы тепло не пропадало. Но мы это и так делаем.

А солнечная энергия? Этот мир намного ближе к солнцу…

— Вот видите! — энергично закивал Олефин. — Вы начинаете понимать, какие возможности перед нами открываются. Вот он, ответ, который мы искали. Вы сделаете карьеру! За деньги от продажи клада мы профинансируем рекламную кампанию, которая всю Демархию в наших сторонников обратит. Что скажете, д'Артаньян?

Хаим прекратил чистить ботинки, но лица не поднял.

— Я бы хотел сначала обдумать сказанное вами, демарх Секка–Олефин. Мне все еще не удается увидеть за этим местом контуры райского сада Аллаха… Я вам дам ответ, прежде чем мы улетим, ладно?

Он понимал, что в действительности ищет ответа на вопрос, а этому ли стоит посвятить остаток дней своих… и есть ли у него выбор в принципе. Однако пустоту, созданную внутри описанием будущего по Олефину, заполняли возбуждение и понимание, что, продайся он Секке–Олефину, на самом деле ничем не пожертвует.

— Честный ответ, — улыбнулся Олефин с таким видом, словно предвидел его. — Думается, мои многочисленные родственнички–кровососы все

как один проблемы с простатой заимеют, когда до них дойдет новость, что именно я намерен сделать с вырученными на торгах деньгами. Они не одобряли и того, как я тратил остатки фамильного состояния. Например, имени своему кораблю я не давал, это сделали за меня они… — Он рассмеялся собственной шутке. — А мой корабль–матка на орбите не просто так именуется *Мать*.

Д'Артаньян начал улыбаться, но тут раздались шаги в соседнем зале, и на лице Хаима снова возникла маска бесстрастия. Он спустил с койки ноющую ногу и аккуратно поставил ее на пол. Встал, испытав неожиданный страх при мысли о движении.

Олефин рядом наклонился, вытащил из–за койки длинный шест с Т–образным наконечником и передал его гостю. Д'Артаньян заметил, что концы шеста обмотаны тряпками.

— Возьмите мой костыль, — сказал Олефин. — Когда в первый раз сюда попал, тоже с той проклятой лестницы свалился в темноте.

На этот раз Хаим не скрывал начатой улыбки, ведь на пороге появился Сиаманг со шлемом скафандра под мышкой. Взгляд д'Артаньяна сместился от Олефина к Сиамангу. Он вдруг осознал, что уже принял решение, и поклонился.

Сиаманг ответил таким же поклоном, глаза его были непроницаемыми, демонстративно вежливыми.

— Надеюсь, что не побеспокоил вас попусту, демарх Секка–Олефин. Уверен, что теперь вы бы хотели поскорей заняться ремонтом своего судна и покинуть эту проклятую планетку. — Он потер руки о скафандр. — Пилот сообщает, что нам придется улететь еще до заката; заряд резервных батарей падает из–за необходимости поддерживать на корабле нормальную температуру. Но у меня для вас хорошие вести. Я получил разрешение вести переговоры с вами насчет этого программного обеспечения, как сочту нужным. — В глазах его на миг сверкнула льдистая искра. Д'Артаньян попытался разглядеть, расширены ли зрачки, и не смог.

— Отлично, — кивнул Олефин. — Может, обсудим тогда эти деловые вопросы?

— Я также на это рассчитываю. Но сперва, если вы не против, я бы хотел взглянуть на предмет торга.

У Олефина сделался слегка удивленный вид. Д'Артаньян задумался, а что, собственно, Сиаманг надеется выяснить по внешнему виду программных носителей.

Олефин пожал плечами.

Хорошо, демарх Сиаманг, если вы не против снова прогуляться в такую *погодку*. Они на борту *Пчелки Эссо*.

Сиаманг скорчил гримасу.

— Я этого и боялся. Но да, я бы хотел все же посмотреть на них.

* * *

Они пробирались к кораблю Олефина по меняющемуся ландшафту гранитно–серой пыли. Д'Артаньян остановился передохнуть, глядя на трап, поднимающийся вдоль корпуса твердотопливного модуля между выступавшими шасси. Мышцы его ныли от натуги, голеностоп посылал по коридорам нервной системы отчаянные вопли.

Сиаманг посмотрел ему в забрало скафандра сверху вниз.

— Рыжий, тебе туда ни за что не забраться.

Голос Сиаманга в аудиосистеме скафандра звучал на удивление спокойно, а язык у наследника почти не заплетался.

— Но не переживай, у тебя и так достаточно материала для фильма. Ограничься аудио. И подумай лучше о том, как будешь залезать на борт

нашего собственного корабля.

С неожиданным участием Сиаманг потрепал его перчаткой по плечу. Д'Артаньян удивленно пронаблюдал, как двое взбираются по трапу и исчезают внутри.

Потом устроился на ступеньке трапа, возблагодарив небеса за то, что атмосферная хватка хоть немного ослабла. Солнце катилось к горизонту из зенита по ультрамариновой чаше небес. Он отметил, как нерушимая чистота сапфира высоко над головой кое–где замарывается чем–то похожим на ленточки белой ажурной ткани, и сообразил, что это облака. Он видел их снизу. Д'Артаньян вздрогнул. Интересно, когда напарники закончат разбираться с делами на борту? Успеет ли он до того времени замерзнуть насмерть? Двое продолжали осторожно переговариваться в его наушниках, и анестезирующее воздействие холода постепенно уносило д'Артаньяна в сон под этот бубнеж.

Внезапно он что было силы потряс головой и вскочил, разом придя в себя от болевой вспышки. Он осознал, что монотонные переговоры призраков в его шлеме перестали быть монотонными и лишились даже намека на вежливость. Сиаманг угрожал собеседнику:

— Олефин, это мое последнее предложение. Я советую вам принять его, или…

— Сиаманг, со мной ваши штучки не сработают. Я тут слишком долго…

Д'Артаньян услышал слабый далекий невнятный шум, затем крик и удар. Наконец вступил голос Сиаманга:

— Олефин? Олефин?

Хаим оцепенел от холода иного рода, но навел камеру на выходное отверстие шлюза и стал ждать.

Появился Сиаманг. Наследник тащил за собой обмякшее, недвижимое тело Олефина. Подойдя к выходу, Сиаманг отвесил Олефину пинка. Д'Артаньян отшатнулся; тело Олефина пролетело мимо него, как снаряд, и приземлилось в пыли, где и осталось лежать, скрюченное и безжизненное. У д'Артаньяна отнялся язык. Он продолжал снимать труп, спуск Сиаманга по трапу и смерть мечты.

Сиаманг подошел к нему, ступая по опаленной выхлопами пыли, и вырвал камеру из онемевших рук. Вытащил из слота кассету размером с ноготь и зашвырнул ее куда глаза глядят. Д'Артаньян увидел, как накопитель описывает изящную арку и приземляется где–то в неопределимом месте бескрайней голубовато–серой равнины. Его личное будущее, будущее человечества, последняя воля и завещание Секки–Олефина — все ушло навеки, все потеряно для людей.

— В любом случае, — заметил Сиаманг, — этот материал получился бы не слишком хорошего качества.

Он бросил камеру на землю и наступил ботинком на хрупкий объектив. Раздавил, поднял и вернул д'Артаньяну.

— Какая жалость. Твоя камера разбилась при том падении. Но мы не станем винить человека за подобный несчастный случай, если он проявит готовность к дальнейшему сотрудничеству. Могу ли я положиться на такую готовность, разумеется, при достойном вознаграждении?

Д'Артаньян с трудом выговорил:

— Он… он правда мертв?

А Олефин–то говорил, что корпорация не решится на убийство…

Сиаманг кивнул, рука его чуть заметно шевельнулась. Д'Артаньян увидел блеск металла. Сиаманг был вооружен дротикометом. Неотслеживаемый яд.

— Я же *могу* положиться на тебя, Рыжий? Мне бы не хотелось усложнять ситуацию.

— Я ваш человек, начальник, — прошептал д'Артаньян. — Душой и телом.

Если даже больше я в жизни ничего не сделаю, подумал он, то буду счастлив, когда отправлю тебя в ад.

— Я так и думал. Произошел несчастный случай. Бедняга упал. Он был чертовски хрупок и

слаб. Слишком много времени провел в космосе. Я не собирался его убивать, честное слово. Но, впрочем, это и неважно, учитывая наши обстоятельства. Думаю, достаточно будет заявить, что, когда мы улетали, он был жив. Тело замерзнет здесь, и никто не сможет доказать, что он не упал с трапа уже после нашего отлета — если расследованием вообще кто–нибудь заморочится. Не составит труда выяснить, что он выпил лишнего.

— Да… кто–нибудь.

Поднимался ветер. Его порывы стегали тело д'Артаньяна, пыль шевелилась под ногами, выводя из равновесия.

— Я не сомневаюсь, что тебе по силам сконструировать правдоподобный отчет о нашем путешествии даже без этой записи. Ты опишешь, как благодарен нам был отважный старик, как успешно завершились наши деловые переговоры… — Сиаманг погладил пальцами пристегнутый к поясу скафандра металлический футляр. — Если поработаешь как следует, поработаешь на совесть, я очень достойно вознагражу тебя. — Д'Артаньян чувствовал на себе взгляд агрессора через стекло визора шлема Сиаманга и понимал больше, чем было высказано на словах. — Какое

твое заветное желание, Рыжий? Возглавить наш отдел по связям с общественностью? Стать пилотом компании? А может, ты хочешь собственный корабль? Выбирай что хочешь, я исполню.

— Корабль, — пристыженно промямлил он. — Я хочу корабль.

Успешный предприниматель знает свою клиентуру, пронеслось в его голове.

— Заметано, — Сиаманг вежливо поклонился и протянул руку в перчатке. Хаим принял руку и пожал ее.

Одновременно Сиаманг ударом тяжелого ботинка приложился по его костылю и вывел из равновесия. Д'Артаньян упал на спину в пыли.

— Но помни свое место, Рыжий, и чтобы мне без дурацких идей.

Сиаманг развернулся и пошел через безжизненную равнину обратно к своему кораблю.

* * *

Д'Артаньян пропол через воздушный шлюз на животе и полежал, долгие секунды восстанавливая дыхание, прежде чем сумел подняться и накачать тамбур воздухом. Снял шлем, подобрал костыль и поплелся следом за Сиамангом в рубку. Образ Митили Фукинуки распускался хрупким

цветком в пустыне его разума. Он придал лицу принужденно равнодушное выражение, понадеявшись, что это сработает и в тот миг, когда мысленная картинка совпадет с реальностью.

Она стояла у консоли, сложив руки на груди, и вполуха слушала гладкую ложь Сиаманга. Хаим втиснулся в тесную каюту. Она бросила на него взгляд. Сиаманг протянул:

— В общем, это все, да, Рыжий?

— Думаю, да, начальник. — Он кивнул, не вполне уверенный в своем ответе. Остановился и с трудом сохранил равновесие, опершись на костыль: ее взгляд был как пощечина.

— Боюсь, что это еще не все, демарх Сиаманг. — Митили оттолкнулась от консоли, встретив непроницаемый взгляд Сиаманга собственным, исполненным жаркой ненависти. В ее руке внезапно сверкнул ножик. — Речь идет об убийстве. — Она с наслаждением пронаблюдала, как трескается броня уверенности Сиаманга. — Мне не понравился ваш разговор с отцом, так что я позволила себе подслушивать через приемник вашего скафандра. Я все слышала. — Она бросила еще один взгляд на д'Артаньяна и отвернулась. — И я намерена об этом рассказать во всеуслышание, как только мы возвратимся в Демархию. Вам это

так не пройдет.

— Никогда не позволяй себе недооценивать женщин, — кисло протянул Сиаманг, разминая пальцы. — Едва ли стоит оговаривать в явном виде, что, выдав меня, ты потеряешь работу, а если согласишься сотрудничать, то можешь рассчитывать на любую должность по своему выбору.

— Нет, не стоит, — ответила летчица. — Не все продаются.

— Ну, я на это и не рассчитывал. Фукинуки, тебе ведь доставило бы немалое удовольствие меня предать, гм? К сожалению, ты не учла другой старинной поговорки: никогда не позволяй себе недооценивать противника. Митили, ты уволена. И шанса заговорить ты не получишь.

Сиаманг выхватил дротикомет и вскинул его.

Она напряглась, но примирительно подняла руку.

— Ты меня не убьешь, идиот. Я твоя летчица. Без меня корабль никуда не полетит.

— Это не так. Как ты сама дала мне понять, Рыжий вполне квалифицированный пилот. Учитывая это, мы больше не нуждаемся в твоих услугах. Ты своими руками себя списала в расход. Митили, бросай нож. — Рука его застыла. — Бросай. Или я тебя на месте убью.

Ее пальцы медленно разошлись, нож лязгнул о пол. Сиаманг подобрал его.

Д'Артаньян сдавленно чертыхнулся.

— Но, начальник, у меня квалификация не та, чтобы управлять такими…

— Корабль есть корабль, — нахмурился Сиаманг. — Ты справишься.

— Хаим! — умоляюще развернулась к нему девушка. — Помоги! Он не убьет нас обоих, пока не доберется до Демархии! Вместе мы можем его остановить. Не позволяй ему выйти сухим из…

— Если понадобится, я убью вас обоих и поведу корабль сам.

В глазах Сиаманга была смерть. Д'Артаньян посмотрел в четко различимые расширенные зрачки и поверил ему.

— Он блефует, — сказала Митили.

Хаим перехватил ее умоляющий взор.

— Митили, ради Бога, измени свое решение. Скажи, что будешь молчать. Соглашайся. Оно того не стоит. Оно не стоит твоей жизни.

Она отвернулась, глухая и слепая к его мольбам.

— Рыжий, не сотрясай воздух попусту. Я ей все равно не доверяю. Она слишком целеустремленная. Она слишком меня ненавидит. Она ни за что

не передумает. Она только и выжидала подобного шанса — ты на нее глянь. — В голосе Сиаманга прозвучала ярость. — Не–ет. Я предложил бы попросту вышнырнуть ее из корабля на полпути отсюда к Демархии. Пускай пешкодралом домой добирается. А тем временем… — он внезапно скользнул к ней, — мы немного повеселимся.

Он перекрыл ей пути к отступлению, отбросил спиной на консоль и рванул застежки комбинезона.

— Нет! — крикнул д'Артаньян.

Сиаманг развернулся, не переставая прижимать к консоли сопротивляющуюся летчицу. Д'Артаньян увидел ее лицо, искаженное ненавистью и новым, неожиданным чувством — ужасом. Увидел блестящую золотистую кожу. Сиаманг оттянул ее от консоли, выкрутил руку за спину.

— Ладно, Рыжий, если сам хочешь сливки снять, я не против. Она и без того была к тебе неравнодушна, м-м?

Он толкнул девушку через рубку к д'Артаньяну.

Хаим поймал ее, уронив костыль, и завозился, чтобы удержать равновесие.

— Митили…

Она плюнула ему в лицо и поспешно застегнула

комбинезон. Сиаманг расхохотался.

Хаим с прорвавшимся гневом бросил:

— Забудь. Меня это не интересует.

— Не нужно мне твоего снисхождения, журналюга!

Она была как трут, готовый вспыхнуть от искры огнива. Ненависть Митили опаляла.

Он отпустил ее, вытер лицо и огрызнулся:

— Я не испытываю к тебе снисхождения, поверь.

Но, если будет на то воля Божья, я постараюсь спасти тебе жизнь. А заодно и себе.

Он перевел взгляд на Сиаманга, наклонился, подбирая костыль, и его вдруг осенило.

— У меня идея получше появилась. Солнце садится. Она либо задохнется снаружи, либо замерзнет. А мы проследим, как она умирает, для пущей уверенности. Трагический несчастный случай, что поделать.

Он чувствовал ее бессильную ярость. Желудок свело острым приступом жаркой колющей боли.

Сиаманг ухмыльнулся, оценивая открывшиеся возможности.

— Ага, мне нравится… Хорошо, Рыжий, сделаем по–твоему. Но я не вижу причин, почему бы мне до этого времени не позабавиться с малышкой

Фукинуки…

Он потянулся расстегнуть куртку.

— Есть причина.

— Какая? — взглянул на него Сиаманг.

— Поздно уже. Бортовые батареи разряжаются. К тому же ветер усилился. Если нужно, чтобы мы отсюда улетели без проблем, то ждать больше нельзя. Разве недостаточное удовольствие вы получите, глядя, как она там умирает?!..

Д'Артаньян заговорил громче, чем намеревался.

Сиаманг снова ухмыльнулся, но медленней.

— Ладно, Рыжий, твоя взяла… Митили, лезь в скафандр, пока я не передумал.

Она молча прошла мимо д'Артаньяна, цепляясь за обрывки своего достоинства. Он смотрел, как Митили облачается в скафандр. Ей это нелегко давалось, мешали нервы и сила тяжести. Хаиму хотелось ей помочь, но он остался стоять неподвижно, словно каменная статуя.

Опа в последний раз обернулась, взяв шлем под мышку, и посмотрела на них.

— Ну ладно, — пробормотала она чуть слышно. — Я готова…

Сиаманг пересек каюту и потянулся к рычагу, управлявшему воздушным шлюзом, у нее за

спиной. Она вздрогнула от его прикосновения. Д'Артаньян наблюдал, как он блокирует поток кислорода, напрягшись всем телом, чтобы передвинуть рычаг.

— Теперь надевай шлем.

Она глубоко вздохнула и надела шлем. Сиаманг затянул крепления и толкнул девушку к тамбуру.

Она шагнула внутрь, двигаясь неловко, словно поломанная кукла.

— Рыжий, твой выход, — жестом пригласил Сиаманг.

Д'Артаньян болезненно поплелся к панели управления шлюзом, считая в уме остававшиеся секунды. Он едва различал ее лицо по ту сторону, но видел, что она смотрит на него, а губы безмолвно шевелятся: *Будь ты проклят, проклят, проклят!* Ему показалось, что у нее на глазах выступают слезы, но он не был уверен.

Он кивнул ей и прошептал:

— Пока, девчонка–скаут. Удачи тебе.

Рука его дрожала, когда он потянулся отпирать воздушный шлюз.

Вместе с Сиамангом он пошел к панели управления и стал наблюдать за происходящим на обзорном экране. Шли секунды, откачивался

шлюз. Внезапно на экране появилась Митили. Споткнулась под порывами ветра… упала, поднялась, снова упала, попытавшись было пуститься бежать в направлении купола, к слишком далекому укрытию. Изменчивая гранитно–голубая пыль проскальзывала у нее под ногами, она снова поднялась, снова упала и снова попыталась подняться, но неудачно. Наконец он увидел, как она в последний раз пытается разблокировать покрытую изморозью кремальеру… и сбрасывает шлем. Она вскинула голову — на таком расстоянии лица не было заметно. В его собственные истерзанные легкие с трудом заполз вдох. Она опять потянулась за шлемом, засучила конечностями… повалилась в пыли и осталась лежать там, неподвижная, свернувшись в позе эмбриона.

Д'Артаньян позволил себе перевести взгляд на Сиаманга и тут же отвел. Ему стало тошно. Он обмяк в пилотском кресле, цепляясь за пристежные ремни. Сиаманг отвернулся от экрана. Непристойное наслаждение на его лице сменилось сдерживаемым отвращением.

— Давай, убираемся с этого кладбища.

Он пошел мимо Хаима к своему противоперегрузочному креслу, но на полпути оглянулся.

— Кстати, на сей раз убийство было совершено

по предварительному умыслу, и убийцей стал ты, Рыжий. Держи это на уме.

Д'Артаньян не отвечал. Он глядел на экран. Потом опустил голову и уставился на пустое кресло рядом.

* * *

Он успешно вывел корабль за пределы атмосферы. Подниматься с поверхности планеты оказалось намного легче, нежели спускаться туда. Подвел облегченный посадочный модуль к основному кораблю и наконец состыковался с его вытянутыми, как паучьи лапы, захватами. Все это время он слышал призрачный голос отца — тот направлял, наставлял, указывал... и д'Артаньян испытывал определенную уверенность, что после всего, виденного на планете внизу, он просто не может совершить ошибки.

Снова перейдя на борт корабля–матки, он поднялся по ярусам в рубку и обнаружил, что координаты полета уже заданы компьютеру. Механически стартовал с орбиты, едва осознавая, что делает. Отвернулся от консоли выслушать поздравления Сиаманга; тот, казалось, был искренен. Д'Артаньян молча протолкался мимо него и нырнул в шахту. Спустился по металлическим

кольцам трапа к каюте Митили Фукинуки, полез было ниже, но затем, влекомый внезапным импульсом мазохизма, остановился, отпер дверь и пролетел внутрь. Закрылся, пробрался к койке, снял куртку и рубашку, стянул один ботинок. С трудом, преодолевая болевые вспышки в ноющем теле, забрался в спальный мешок, устроился как мог уютно и пробормотал:

— Спокойной ночи, девчонка–скаут.

И наконец, слава Богу, заснул.

Проснувшись, он ощутил, что щека на ощупь горячая, а голеностоп в ботинке распух и пышет теплом. Он сполз на камбуз, принудил себя поесть, нашел антибиотики и бездумно заглотал пригоршню таблеток. Потом вернулся в каюту, заперся и снова заснул.

Этот цикл повторился еще четырежды. Он избегал встреч с Сиамангом, пока лихорадка не спала, а потом вспомнил, что нужно бы проверить курс корабля. Он внес некоторые поправки и долгие секунды просидел перед экраном, ища во мраке что–то недостижимое. Попробовал радио, и статика помех оглушила его. Он сообразил, что за время его беспамятства Сиаманг каким–то образом испортил антенну дальней связи. До возвращения в Демархию шансов выйти на

радиоконтакт не будет. Д'Артаньян сверился с хронометром: миновало менее половины мегасекунды полета. Даже учитывая, что баки с топливом теперь тащить на себе нет нужды… остается более трех мегасекунд.

— Как мы продвигаемся?

Он развернулся и увидел Сиаманга.

— Насколько я могу судить, все в порядке.

Он удивился испугу, какой испытал, услышав собственный голос.

— А как твоя совесть?

Д'Артаньян издал нервический хохоток.

— Что еще за совесть?

Сиаманг усмехнулся. Д'Артаньян рискнул посмотреть ему прямо в глаза. Ясные, зрачки не расширены. Он задумался, к добру то или к худу.

— Я размышлял, не страдаешь ли ты от угрызений совести. Вид у тебя скверный.

Легкая издевка, легкое неодобрение… смешанные с четкой подозрительностью.

Хаим поскреб небритую щеку и, стараясь, чтобы лицо ничего не выражало, ответил:

— Я страдаю только от последствий падения по лестнице.

Он покосился на свою расстегнутую куртку, дешевую рубашку с фальшбахромой, выбившу-

юся из штанов. Потом поднял глаза на Сиаманга. Наследник был своеобычно безупречен.

Он вскинул руки.

— Пойду приведу себя в порядок, — пробормотал он и убрался восвояси.

Секунды стекали по колбе песочных часов времени; корабль перемещался во мраке, постепенно разгоняясь. Сиаманг, как и на пути к планете, источал презрительную враждебность, но теперь она стала более расчетливой и досаждала сильнее; д'Артаньяну казалось, что Сиаманг существует лишь как его личный демон, вылезший из персонального ада для пыток. Он жил на одном соевом молоке, поскольку от хронического нервного напряжения его язва обострилась; он плохо спал — насмешки Сиаманга бередили затягивающиеся раны его вины. Он чувствовал, как истончается тщательно воздвигнутая вокруг себя броня безразличия, и задумывался, на сколько еще его хватит. Интересно, что за патологией терзаем Сиаманг, раз находит нужным методично подтачивать лояльность единственного свидетеля, теоретически способного подтвердить его слова?

В какой–то момент д'Артаньян внезапно понял, что это совсем не патология, а холодная,

рациональная проверка. Вопреки всему, что он совершил, всему, на что повелся, Сиаманг не доверял ему. И пока Сиаманг полностью не уверится в том, что подчинил его себе, пока не убедится, что д'Артаньяном движут лишь аморальные, эгоистичные интересы, нельзя исключать, что история их Одиссеи Лжи и Смерти пополнится третьим Трагическим Несчастным Случаем. Траектория корабля должна была безопасно привести их домой; от д'Артаньяна теперь снова не составляло труда избавиться. Три смерти объяснить будет сложновато, однако Сиаманг, с его возможностями манипулировать общественным мнением, наверняка выйдет сухим из воды на любом процессе, если против него не найдется прямых улик.

Неожиданно осознав эту опасность, д'Артаньян утвердил себя на канате, протянутом над метафорической пропастью его отчаяния. Он поклялся вынести всё и сделать всё, что должен, ведь теперь значение имеют лишь две вещи. Во–первых, его собственная жизнь, во–вторых, награда, которая ему тысячекратно причитается. Не корабль и не свобода, а знание, что «Сиаманг и сыновья» заплатят за все. Они заплатят за то, чтобы привезти Митили Фукинуки назад в Демархию, заплатят

за смерть Секки–Олефина… но за то, что они сделали с будущим Небесной системы, они никогда не смогут расплатиться полностью.

Он терпел: подчинялся, заискивал, улыбался — все время улыбался. Он существовал ради будущего. Он стал канатоходцем над звездной пустотой, раскинувшейся между прошлым и целью. Находя уединение в своей каюте, он погружался в частный мир Митили Фукинуки. Рылся в ее шкафчике, в книгах и документах. Сперва он чувствовал некоторое смущение, но затем стал копаться все настойчивей. Были тут идеально безликие руководства по астронавигации, книги поэтического и философского содержания, и не только современные, а и переведенные на англо труды всех ценившихся здесь культур Древней Земли. Абзацы были отмечены скобками, вопросительными знаками, восклицательными; заметки самой Митили уже не умещались на полях блестящих пластиковых страниц, а выплескивались за их пределы, в блокноты.

Он начал читать их, как читала она, заполняя пустоту времени. Он ощущал ее присутствие во всем читаемом, в каждом из маленьких открытий; это даровало ему спокойствие и силу среди тоски и гнева. И наконец он постиг, почему стара-

тельская его карьера не задалась: он ненавидел одиночество, а проводить время с отцом было все равно что проводить его в одиночестве. Но ему грезился собственный корабль, с Митили Фукинуки в команде. Им больше никто не понадобится, больше ничто, они станут единым целым. Он раскрыл книгу стихотворений, за которую, по всему судя, часто брались, и увидел на полях комментарий, написанный ее незатейливым почерком с обратным наклоном:

Смерть настанет в одиночестве; но не может нее это одиночество быть сильнее, чем при жизни?

Он отыскал в своем рюкзаке восковой карандаш и медленно, будто в его руках не осталось силы, написал: *Да, да, да…* Видение недвижимого тела Митили в крутящейся пыли Второй планеты заставило его задохнуться; он захлопнул книгу.

Нет. Я не ошибся!

Он аккуратно уложил книгу в рюкзак, но читать после этого забросил.

А если он ошибся? В этом случае он такой же преступник, как и сам Сиаманг. Если Митили Фукинуки погибла по его вине, тогда… пускай даже он останется в живых, чтобы выступить в суде, этого может оказаться недостаточным против

слова Сиаманга. Сиаманг влиятелен, а он беспомощен. Без Митили ему нечем будет подтвердить свои заявления.

Если она погибла, нужно как–то гарантировать осуждение Сиаманга. Надо отыскать какой–нибудь способ, чтобы Сиаманг сам себя выдал. Камера разбита, радио не работает, даже диктофона нет… но постойте…

Он тихо поднялся и выскользнул из каюты.

* * *

Они уже достаточно углубились в пространство Демархии; до высадки в Мекке оставалась сотня килосекунд. Д'Артаньяну наконец удалось выйти на связь по радио. Под присмотром Сиаманга он договорился о пресс–конференции по случаю их возвращения. Сто килосекунд. А улик по–прежнему нет.

— Рыжий, хватит. Отпразднуй же наше близкое возвращение к цивилизации! — Сиаманг добродушно, без признаков сарказма, улыбался и широко жестикулировал. — Господи, какое счастье вернуться к настоящей жизни! Я ничего не хочу, только бы забыть эту проклятую переделку.

— Я тоже, начальник. Чем скорее, тем лучше.

Д'Артаньян последовал за Сиамангом вниз, подделываясь под вроде бы хорошее настроение другого. Хаим пил соевое молоко, разбавленное водой: пытался заглушить хронические желудочные спазмы. Сиаманг предпочел что–то другое, но явно крепкое. Впрочем, настроение у Сиаманга не изменилось, он оставался весел и дружелюбен, болтал на невинные темы, перескакивая с одной на другую, острил, лишь изредка проявляя ироничную снисходительность.

— …ну хоть одну со мной выпей, Рыжий?

Сиаманг толкнул к нему по металлической столешнице питьевую грушу с намагниченной вставкой на дне.

— Неужели тебе такая малость повредит?

— Уж поверьте, начальник, еще как повредит. Я бы с радостью выпил, но я просто не могу употреблять алкоголь.

— А это не водка. — Голос Сиаманга сделался заговорщицким и слегка ожесточился. — Я хочу, чтобы ты со мной выпил, Рыжий. Отказ не принимается.

— Нет. Извините.

— Выпей сейчас же. — Сиаманг рассмеялся. У Хаима свело живот. — Окажи мне услугу.

Д'Артаньян поколебался. Сидя с отсутствующим

видом, он теребил пальцами металлическую полоску под высоким воротником куртки.

— Ну хорошо, начальник, но только по одной. Если вы мне тоже услугу окажете.

Сиаманг удивленно посмотрел на него.

— О чем это ты?

— Я хочу, чтобы вы расплатились со мной. Я попросил бы предоставить мне корпоративный кредит в размере стоимости изыскательского корабля.

Сиаманг нахмурился.

— Я переведу средства на твой банковский счет.

Он помотал головой.

— Иногда прямые переводы не… регистрируются вовремя. Я хочу, чтобы вы заверили ваучер своей подписью прежде, чем я отмажу вас от этих убийств.

Сиаманг нахмурился еще сильней, потом медленно поднял брови.

— Ну что ж, Рыжий, уважим твою просьбу. Впрочем, не думаю, чтобы ты меня сдал, если вдруг. Ты увяз в этом дерьме так же глубоко, как и я. Ты и себя вместе со мной утащишь.

Он поднялся и покинул каюту.

Д'Артаньян тревожно разглядывал чашку. *С*

Сиамангом ведь ничего не произошло. Он медленно повернул металлическую полоску вокруг шеи.

Ну и хрен с ним. Оно стоит боли в желудке. Оно стоит чего угодно, лишь бы помогло мне добиться желаемого.

Вернулся Сиаманг и толкнул через стол ваучер.

— Этой суммы достаточно?

Д'Артаньян схватился за ваучер, как голодный за еду. На секунду ему стало дурно от осознания, что может сделать эта сумма для его будущего.

— Да, как раз достаточно, — хрипло ответил он. Сложил листок и засунул в ботинок. Поднял со столика питьевую грушу. — Выпью за это.

Он вытянул соломинку и стал потягивать напиток. Вопреки ожиданиям, он ничего не ощутил, лишь деликатную сладость грушевого сока. Удивленный, он продолжал пить, пока не осушил грушу.

Сиаманг тоже выпил и улыбнулся.

— А для чего тебе корабль, Рыжий? Не собираешься же в мусорщики на благо человечества податься?

— Я сыт по горло мусором, начальник. Я переработал почти весь мусор, какой был способен…

Он прищурился. Свет, отражаемый столешницей, резал ему глаза. Да полно тебе, это невозможно. Внезапно его пробил испуг, что таки возможно.

— Хочешь стать старателем, как Секка–Олефин?

Он посмотрел на Сиаманга.

— Не таким, как Секка–Олефин. Он… совершил ошибку.

От голоса Сиаманга у него зубы заныли, а по коже побежали мурашки. Ему мерещилось, что тело подвешено на веревках.

— И не таким, как мой старик… я не собираюсь повторять ошибки.

Заткнись! Он помотал головой. Свет разбивался на призмы.

— Что за ошибка, Рыжий? Какая такая ошибка, что человек твоей профессии еще не совершал ее?

Хаим едва не выкрикнул ответа, его затрясло от неконтролируемой ярости. Задохнулся словами в приступе внезапного омерзения к себе.

Почему Сиаманг ничего не чувствует?

Потом он понял, что Сиаманг ничего не пил, кроме (фруктового сока. Сиаманг совершенно трезв, а его самого подвергают последнему ис-

пытанию…

* * *

Город Мекка раскрылся перед ним и облек, подобно красочному трепетному иномирскому цветку, в мозгу раздалось пение хора, пение городских голосов, пение жизни вечной. Он поднял жизнь на руки и пригубил… жизнь заструилась по его призматическим пальцам светозарными дождевыми струйками. Он был вечен. Он смеялся, вдыхая ароматы городских звуков, аккорды корицы и гвоздики с лейтмотивами гардении… коррупция… аромат прорастал, оглушал его, бил по ушам, раскалывал душу, подобно кристаллу, раскалывал городской кристалл… Вонь распада забивала ноздри и рот, следом легкие, она была как гранитная пыль, а хрупкие башни выцветали, скукоживались и оседали кругом, подобные распадающимся телам жертв предательства… смерть вечна, только смерть… ее лицо, все лица разворачивались к нему, обращались в прах, становились добычей червей, гнили и разлагались… *Я тебя знаю… Митили, я тебя знаю… голос отказал ему… Я знаю, ты не!.. Я знаю…* Он услышал ее всхлипы, подобные цветам и кристаллическим каплям, кислотой выедавшие ему внутренно-

сти, словно посмертный распад… *Я не хочу! Не хочу умирать… хочу жить… Я должен… Я хочу жить…* Уловленный в лапы смерти, пожираемый червями заживо, он наблюдал за гниением собственной плоти, видел, как та отваливается от его костей… настал конец, конец света…

* * *

Д'Артаньян очнулся. Он слабо пошевелился на полу душевой кабинки в своей каюте, пытаясь припомнить, как сюда попал и почему наелся раскаленных углей. Почему плакал… Он лежал ничком, слишком измотанный, чтобы двинуться с места, и слушал скрежет вентилятора, работающего на вы–нос воздуха. Он вспомнил, как ему было плохо — до мозга костей. Он потрогал свое лицо: то было влажным от пота, слез и… рвоты. Да, не слишком чистая работка. О Боже! Он поднялся и переместился к панночке, чтобы выключить вентилятор. По пути он увидел себя в зеркало, мгновенно зажмурился и чертыхнулся от унижения.

Сиаманг.

Он опустил руку, стянул ботинок и снова чертыхнулся, неудачно вывернув все еще распухший голеностоп. Но затем удовлетворенно рассмеялся,

когда пальцы сомкнулись на мятой, ускользающей из ботинка добыче — кредитном ваучере. *На месте.* Он тщетно старался припомнить, что случилось помимо этого. Сиаманг ведь опоил его не без причины: под кайфом он мог сболтнуть что угодно, и наверняка сболтнул — не исключено, что–нибудь лишнее. Но ваучер на месте, а он сам все еще жив. Его сотрясла остаточная вспышка кошмара, в припадке паники от этого несоответствия он ощупал руками собственное тело. Да, он точно жив. И металлическая полоска все еще охватывает шею; он получил желаемое. Возможно, в кои–то веки его замысел сработает.

* * *

Он разделся, полез в душ, заперевшись в кающе вместе с погубленной одеждой, и включил воду. Не считаясь с экономией, он принял три полных цикла душа, провел в кабинке целую килосекунду и только после этого начал чувствовать относительное очищение. Он снова ощутил себя живым и даже исполнился некоего самоуважения. Это чувство неловко ёрзало внутри, пока инфракрасная сушилка удаляла с кожи водяную пленку, а стыд и остатки парализующей усталости выпаривала из тела и разума. Он побрился,

как мог выстирал липкую одежду и натянул последнюю чистую рубашку, припасенную для возвращения в Мекку. Внешний вид решает всё. Нужно предстать перед глазами камер в наилучшем возможном виде.

Он обследовал ногу. На коричневой коже все еще виднелись уродливые ссадины, но голеностоп понемногу заживал. Время лечит.

Он втиснул ногу обратно в ботинок и начистил обувь тряпкой, переделанной из грязной рубашки. Подумав о других ранах, он задался вопросом, сколько еще времени пройдет, прежде чем затягиваться начнут они.

— Д'Артаньян?

Он услышал тихий, затем более громкий стук Сиаманга по двери каюты. Он подплыл к ней и отпер, стараясь владеть своим лицом. Сиаманг уставился на него. Интересно, на что он смотрит? На чистую одежду или изможденную физиономию?

— Чего тебе?

Сиаманг почти извинительным жестом выставил перед собой питьевую грушу. Д'Артаньян скорчил гримасу.

— Это всего лишь молоко, можешь поверить. Послушай, Рыжий, мне жаль, что все так получи-

лось. Не нужно было тебе такую большую дозу… Я не подумал, что ты не привык, и…

Черта с два ты не подумал, тварь, сказал себе д'Артаньян.

— …хочу знать, что ты… Извини. Ты как?

— Я буду рад обо всем этом позабыть. Сколько еще примени до Мекки?

— Я потому и постучал. Всего пять килосекунд. Ты справишься?..

Д'Артаньян едва не ухмыльнулся, осознав причину внезапной общительности Сиаманга.

— Думаю, да. Надеюсь, что так.

Он выплыл в коридор, помедлил, обернулся и добавил по возможности обыденным тоном:

— Надеюсь, я не… сболтнул ничего лишнего, начальник. Я… мало что помню об этом.

— Ты сказал, Рыжий, что ненавидишь меня по самые мои вонючие потроха.

Он замер.

— Простите, начальник. Я не это хотел сказать. Не знаю, что на меня…

Сиаманг примирительно улыбнулся.

— Да ладно, Рыжий, все нормально. Я тебя не виню. Я именно это, кстати, и хотел услышать… узнать, что ты на самом деле обо мне думаешь, хотя бы раз. Еще ты сказал, что получил от меня

все желаемое, а больше ничто не имеет значения. Теперь я уверен, что могу тебе доверять, Рыжий, и мы друг друга поняли. Разве не так?

В словах Сиаманга проскользнула легкая насмешка. Он ненавязчиво стиснул плечо Хаима.

Д'Артаньян улыбнулся в ответ.

— Конечно, начальник. Все будет, как прикажете.

* * *

Д'Артаньян смотрел, как удлиненный полумесяц Мекканского астероида увеличивается на обзорном экране, и начинается затмение: корабль очутился в его тени. Сиаманг парил сзади, наблюдая. Хаим, отрешившись от его присутствия, следил только за сложным, постепенно расширявшимся узором странно знакомых огней внизу. Он уже различал корабли: танкеры, подобные исполинским клещам, насосавшимся груза или пустым; маленькие, расцветавшие красными огоньками буксиры. Прислушивался к бестелым, разобщенным переговорам по радио, и ему чудилось, что он слышит, как корабли уступают им дорогу. Он спокойно пообщался со службой контроля полетов, объяснил, кто они, и увеличил громкость, чтобы Сиамангу был слы-

шен ответ; их поздравляли и звали скорей на посадку, а фоном шли отрывистые тревожные реплики диспетчеров, указывавших неопытному летчику путь к яркой, испещренной шрамами и ямами, поверхности причала. Корабль соприкоснулся с реальным миром; д'Артаньян ощутил, как прокатилась по всей длине корпуса легкая тряска после идеально удачной посадки. Мысленно он сравнивал медленную плавную стыковку с доками и устрашающе поспешную высадку на Второй планете. Он вспомнил, как тогда тоже радовался успешно проделанной работе совместной. На полсекунды его лицо озарила улыбка.

* * *

На космодроме было удивительно пустынно, а в аудиосистемах скафандров господствовала тишина. Они наконец выбрались из корабля и стали продвигаться к выходу с причала вдоль стыковочного кабеля. Их приветствовал одинокий охранник, почтительно пригласив Сиаманга вниз, через воздушный шлюз, к сердцу астероида.

— Рыжий, а где, блин, все? — в голосе Сиаманга звучало недовольство. — Тут мой отец должен быть, журналисты… Я думал, ты отправил по

радио весточку о нашем приближении.

— Я так и сделал, начальник, вы же меня слышали. Наверняка нас ожидают внутри.

Должны.

Так и было. Д'Артаньян последовал за Сиамангом по коридору, ведущему вниз и внутрь; сломанная камера плавала за плечом. Его коллеги–журналисты сгрудились в ожидании на платформе городской окраины. На удивление, среди них мало было зевак, держались они тихо, осторожно дрейфовали и изредка сталкивались друг с другом. *Восхищены?* подумал он. Интересно, не приказало ли руководство соперничавших с Сиамангами корпораций своим работникам держаться подальше отсюда. Ирония ситуации его забавляла, но Сиаманга явно нет.

Он смотрел, как выплывают навстречу журналисты и зеваки, окружают их.

— Демарх Сиаманг? Демарх Сиаманг? Эй, Рыжий!

Он оглядывал город — мимо толпы и сквозь нее… километрового диаметра, башни едва заметно дрожат, посверкивают в изменчивых потоках воздуха, цветастые слои пластика на уязвимых опорах покрывают каждый квадратный метр потолков, полов, стен, ведь гравитация здесь бы-

ла почти абстрактным понятием. Рукотворный памятник величественной щедрости природы и красоте Небесного Пояса. Красота эта стала бесплодна, ибо природа отвернулась от человека, предателя, предавшего самого себя. Хаиму примерещилось будущее по версии Секки–Олефина, внезапное кошмарное видение стробирующими вспышками наложилось на грани кристаллических стен и лица незнакомцев, паривших совсем рядом. *О Боже, о Боже, и я ведь единственный, кто знает!* Он выпрямился, вдохнул пряный воздух, собираясь с силами и мыслями.

Потом поднял руки и возвысил голос, перекрикивая привычный репортерский галдеж.

— Дамы и господа… сограждане демархи!

Гам понемногу улегся.

— Уверен, все присутствующие хорошо знают демарха Сиаманга и узнали его. Однако есть в этом человеке сторона, о которой никому из вас не было ведомо… — он растягивал паузу, пока тишина не стала абсолютной, пока все глаза и все безжалостные объективы камер не нацелились на него там, где стоял он рядом с самодовольным Сиамангом. Он глубоко вздохнул.

— …Этот человек — убийца. Он преодолел четыреста миллионов километров до Второй

планеты с миссией спасти Квайме Секку–Олефина и вместо этого убил его, чтобы завладеть… краденными… программами — в футляре, который видите вы сейчас у него в руках.

Он развернулся, сделав обличительный жест, и увидел перед собой лицо Сиаманга. Оно могло служить образцовой моделью предельного изумления.

Глаза Сиаманга сделались пустыми — от ярости, которая была понятна лишь Хаиму.

— Этот человек — псих. Я понятия не имею, о чем он говорит. Я получил эти программы от Секки–Олефина после совершенно легальной сделки, и тот был в добром здравии, когда мы…

Вперед протолкался незнакомец и тронул д'Артаньяна за руку; спокойные золотисто–карие глаза его выдавали аналитический склад ума и требовали внимания.

— Вы Хаим д'Артаньян?

Хаим отвлеченно кивнул.

Сиаманг внезапно заткнулся.

— А кто вы?

— Меня зовут Абдиамаль, я правительственный посредник… Демарх Д'Артаньян, какими доказательствами своего утверждения вы располагаете?

— Абдиамаль, а теперь послушайте, — влез Сиаманг негодующе. — Правительство не должно влезать в…

— Слово предоставлено демарху д'Артаньяну, — спокойно проговорил Абдиамаль, не сводя глаз с лица Хаима. — Вы также получите возможность высказаться. Итак, д'Артаньян?

Д'Артаньян с трудом сдержал припадок торжествующего смеха; от всепоглощающей благодарности ему аж дурно стало. Он сфокусировал взгляд на камерах журналистов — своем проклятии, своем спасении, своем оружии.

— Он выхватил у меня камеру. Записи убийства не осталось. Но он подкупил меня, чтобы скрыть это дело. Вот корпоративный кредитный ваучер, который он… — Он выставил его напоказ перед тысячами жадных глаз за каждой камерой.

— Это подделка!

— А вот… — д'Артаньян оттянул воротник куртки, — запись момента сделки.

Он крутанул регулятор самодельного диктофона, который выдрал из аудиосистемы скафандра, и услышал собственный голос:

— …хочу, чтобы вы заверили ваучер своей подписью прежде, чем я отмажу вас от этих убийств.

А потом голос Сиаманга:

— Ну что ж, Рыжий, уважим твою просьбу.

— Это был несчастный случай! — завизжал Сиаманг, теряя контроль над собой. — Я не хотел убивать Олефина, это был несчастный… Вы его про Мигили Фукинуки спросите, про нашу летчицу! Уж там–то точно не случайность. Он убил ее хладнокровно, а я ничем не мог ему помешать. Он безумец! Маньяк!

— Митили Фукинуки не мертва. — Д'Артаньян снова обернулся понаблюдать за лицом Сиаманга и выждал секунду, прежде чем переменится выражение. Улыбнулся. Повернулся обратно к Абдиамалю и удивился тому, какое в янтарных глазах другого сквозит изумление. — По крайней мере… не думаю, что мертва. Когда мы остались наедине с СеккойОлефином, он взялся утверждать, что человек способен выжить в атмосфере Второй планеты; он заявлял, что сам дышал ею. Сиаманг хотел вышвырнуть ее в космос, она подслушала момент убийства Олефина… я ему сказал, лучше на поверхности планеты ее оставить. Он накачался наркотиками, я никак не мог ему помешать, иначе он бы и меня убил. Я ничего больше не успел придумать. — Он пристыженно потупился, уводя мысленное око от видения ее

лица: *Будь ты проклят, будь ты проклят…*

— Если я просчитался, она умерла, и в таком случае я не меньший преступник, чем он; Демархия пусть со мной поступит, как захочет, я это заслужил. Мне важно лишь, чтобы кто–нибудь вернулся туда узнать правду. И еще мне важно, чтобы это путешествие оплатили «Сиаманг и сыновья»… потому что я не верю в ее… гибель… — У него вдруг отнялся язык. — А вы не… — договорил он, овладев собой, — не принимали никаких радиосигналов оттуда? Есть какая–то весточка?

— Даже лучше, если вам от этого полегчает, — улыбнулся Абдиамаль, не удивленный. — Митили Фукинуки опередила вас и вернулась в Демархию на корабле старателя. Она доложила обо всем случившемся. Правда, она не упомянула, что вы, д'Артаньян, в действительности не пытались убить ее.

Д'Артаньян недоверчиво рассмеялся.

— Еще бы, еще бы!

Абдиамаль, что–то увидев на лице д'Артаньяна, улыбнулся опять.

— Насколько может судить Демархия, ваши показания оставляют ей право отозвать заявление о вашем покушении на ее жизнь. Однако, располагая вашим признанием, а также ее и вашими показаниями по другим вопросам, я полагаю, что дело против демарха Сиаманга заслуживает несколько большего внимания. Видите ли, демарх Сиаманг… — Он оглянулся. — Это не пресс–конференция, а скорей предварительные слушания. Демархии еще до вашего прибытия были представлены показания демархини Фукинуки. Ваш отец обвиняется в пособничестве преступлению и временно помещен под арест. Нам нужно было лишь выслушать вашу версию событий. Теперь у нас она имеется.

Никогда не позволяй себе недооценивать женщин. Д'Артаньян улыбнулся, чувствуя, как подкосились колени. Он отметил, что Сиаманга окружили кольцом мнимых зевак: дружинников, вызвавшихся по такому случаю в конвоиры. Сиаманг презрительно оглядывал их.

— Это неслыханно. Меня подставили… — Он посмотрел обратно в камеры. — Люди Демархии, неужели вы останетесь в стороне, когда права

такого же демарха, как вы, нагло ущемляются правительством?

— Люди попросили меня явиться сюда, Сиаманг. Риторику приберегите для судебного процесса. А пока считайте себя находящимся под домашним арестом. Я же позабочусь о программах.

Абдиамаль протянул руку. Хаим уловил проблеск наслаждения на лице правительственного посредника; за маской спокойствия и уверенности Абдиамаль, немногим старше его, был похож на д'Артаньяна. В Демархии правительственным агентам уделяли еще меньше уважения, чем журналистам, а влияния у них было намного меньше.

Сиаманг передал ему футляр, еще раз сумев полностью овладеть собой. Они с д'Артаньяном снова встретились взглядами. Д'Артаньян попытался прочесть выражение его глаз и не сумел. Вдруг Сиаманг протянул руку, схватил д'Артаньяна за кисть и вырвал из его пальцев ваучер. Хаим увидел, как Сиаманг разрывает его и отпускает обрывки в медленное плавание по линиям гравитационного взаимодействия.

— Корабля тебе никогда не получить, Рыжий. — В глазах Сиаманга проявилась знакомая насмешка, подчеркнутая тоном голоса. — Но я

надеюсь, что ты никогда не перестанешь о нем мечтать и ненавидеть себя за это.

Д'Артаньян усмехнулся. Его наполняла чрезвычайная гордость. Он усмехался с искренностью, какой и не думал в себе найти.

Он покачал головой и напоследок встретил взгляд агрессора.

— Поверь, начальник, не нужен был мне корабль, ничего мне не было нужно. Я только хотел увидеть, как это происходит. Как правда в кои–то веки торжествует над уловками нечистоплотных бизнесюков — благодаря мне.

Не переставая улыбаться, он перевел взгляд на камеры и людей за ними.

Конвоиры Сиаманга увели наследника на край платформы, к ожидавшему их аэробусу. За ними устремились журналисты, кто в бусах, кто в авиатакси. Д'Артаньян наблюдал за продвижением колышущейся массы полосатых зонтов и слушал жужжание пропеллеров. Немногочисленные оставшиеся зеваки утягивались обратно в город. Д'Артаньян оказался на платформе один, если не считать Абдиамаля.

— Как со мной поступят?

Абдиамаль пожал плечами.

— Вы ведь никуда в особенности не собира-

етесь? Когда начнется процесс, вас вызовут свидетелем. Мне почему–то кажется, вы и сами этого хотите. Мне ненавистна мысль, что Сиаманг умудрится выкрутиться.

Д'Артаньян нахмурился.

— А он не?..

— Едва ли. Против него слишком долго настраивали общественное мнение, к тому же его отец, не зная ничего об этой ситуации, ничем не мог ему помочь. Видите ли, ваших коллег–журналистов явно больше интересует персона убийцы, нежели ваше участие в раскрытии его вины на публику, — закончил Абдиамаль, взглянув на него.

Д'Артаньян слабо улыбнулся.

— Все сходится… Я только что нанес им самое тяжкое оскорбление, какое можно представить. Вдобавок репортеры чуют, где власть… она пахнет деньгами, если вам интересно. — Он наклонился и подобрал уголок разорванного кредитного ваучера. Вся тяжесть случившегося обрушилась на него, как удар. — Легко пришли, легко ушли. — Он болезненно, пристыженно рассмеялся. — Я тут вспомнил… Как насчет программ, этого клада… что теперь будет с деньгами Секки–Олефина?

— Артефакты продадут с публичных торгов. Разумеется, «Сиаманг и сыновья» к ним не будут

допущены. Родственники Секки–Олефина заявили свои права на них; деньги распределят среди наследников первой очереди, поскольку он не оставил завещания.

— Оставил! Он мне рассказал, что хочет сделать с этими деньгами. Он не хотел делиться с родственниками. Он мечтал основать колонию на Второй планете — как страховку для времени, когда Демархия перестанет быть пригодна для жизни… — Хаим осекся, осознав, как это звучит.

Абдиамаль с вежливым сочувствием поглядел на него.

— У вас имеются какие–либо доказательства этого?

— Да. Каждое слово, на записи… на дне колодца. Гравитационного колодца. — Он выругался. — Гребаные родственнички не прислушаются, это уж точно. Он был прав! И все пошло наперекосяк из–за Сиаманга. — Он увидел хрустальный город в дымке смерти. Он понимал, что обречен теперь видеть его таким до конца дней своих: башни разваливаются, уязвимая сеть жизненных связей разрывается. — Мерзкий подонок!.. Надеюсь, его выбросят в космос но решению суда. Вот что он сделал с их будущим, а они никогда не узнают… — Его голос упал от горя и усталости.

— По крайней мере, ты попытался как–то выполнить его волю.

Этот голос не принадлежал Абдиамалю.

Он недоверчиво развернулся.

— Митили?

Она стояла рядом с ним, материализовавшись из рассеявшейся толпы; Абдиамаль отошел в сторону.

— Митили…

Он рванулся к ней. Она отскочила вне пределов его досягаемости. Он замер, протянул к ней руки.

— Извини, я… просто обрадовался. Я рад тебя видеть. — Он отметил розоватые пятна молодой кожи на ее щеках и носу. — С тобой все нормально?

Она кивнула.

— Обморожение. Некоторое время я была в скверной форме. Но теперь уже все в порядке.

Он тоже кивнул, не в силах ни о чем думать.

— Я рад. Старик был прав… Секка–Олефин. Он говорил, там можно жить…

— Знаю. — Она внезапно опустила голову, потерла глаза тыльной стороной руки. — Я вас слышала.

— Ты в это веришь?

Она не поднимала глаз.

— Да… да, теперь я верю тебе, Хаим. Но почему ты *так* поступил? Мы бы его могли остановить… ты…

— …позволил бы ему убить нас обоих? — Стыд сменился гневом. — А почему ты просто не держала рот на замке, как я? Все бы прошло нормально.

Ее глаза сверкнули.

— Да потому, что я не такая, как ты!.. Да, понимаю, это была глупость. Я теперь понимаю… Но я бы в любом случае не утаила, он бы понял. Я не умею скрывать своих чувств… — Она закусила губу. — Я не такая, как ты, д'Артаньян.

Он медленно выдохнул и остался стоять, как дурак.

— Я… только обрадовался, что с тобой все в порядке. Я видел тебя на экране, видел, как ты снимаешь шлем. А потом подумал, что ошибся, что ты…

— Я тоже так подумала. — Она задрожала при этом воспоминании. — Воздух был такой разреженый и холодный, что мне показалось, я сейчас задохнусь. Я запаниковала и отключилась. Шум и жар вашего старта меня спасли, я пришла в себя, а иначе бы замерзла насмерть. Я едва и не замерзла… думала, мне уже конец.

— Ты починила корабль Олефина?

— Да… Это хороший корабль, а *Мать* — потрясающий. Он наверняка целое состояние на него истратил.

— Да. В буквальном смысле. На свою мечту.

— Я привезла его труп с собой. Хорошенький попутчик на три с лишним мегасекунды. — Она содрогнулась. — Три с четвертью мегасекунды наедине с мертвецом и воспоминаниями, дышала обмороженными легкими… Господи-и, как же я ненавидела тебя, Хаим! Как я ненавидела тебя… и все же…

Она по–прежнему не смотрела на него.

— Я знаю, — ответил он. — Я знаю. Три с половиной мегасекунды наедине с Сиамангом. Я жаждал убить его и боялся, что он убьет меня. Но там была ты. Я чувствовал твое присутствие, оно помогало мне держаться. Помогло выжить и все сделать правильно. Я все это время планировал рассказать правду, Митили. Я ни о чем другом не думал.

— И что же, конечный результат оправдывает средства? — Ее голос дрожал, она с трудом сдерживала себя.

Он не ответил. Не мог.

— Я снимаю обвинения в твой адрес.

Она развернулась.

— Митили… Постой…

Она снова посмотрела на него. Он запинался, подыскивая слова.

— Что… чем ты займешься? Ты все еще работаешь на «Сиаманга и сыновей»?

— Нет. Сиаманг, старший, уволил меня после того, как я выдвинула обвинения. — Она подавила улыбку. — Надеюсь получить работу от кого–нибудь из его конкурентов… — Прозвучало это беспомощно. — И что, своего корабля у тебя теперь тоже не будет?

— Нет. — Он опустил глаза. Оторванный уголок ваучера продолжал трепыхаться в его пальцах. — Не сейчас… но когда–нибудь появится. И когда я получу его, то предложу тебе стать моей спутницей. Я хочу, чтобы ты… ты… — *Осталась со мной*, закончил он без толку, мысленно и показав глазами.

— Пока–пока, скаут, — прошептала она, покачав головой. Ее глаза стали зеркалами памяти, и отражалось в них лицо человека, покушавшегося на ее жизнь, человека, слишком искусного во лжи. — Я тебя, может, и простила бы… но как я могу забыть все, что произошло?

Гневный свет посеребрил зеркала ее глаз, и она

снова отвернулась.

— Митили, подожди! — Он порылся в своем рюкзаке и вытащил книгу стихов. — Подожди. Это твое.

Он протянул ей томик. Она вернулась и выхватила книгу из его руки, не касаясь пальцев. На ее лице при виде названия возникли смятение и ярость.

— А что оно у тебя делает? — обвинила она болезненно. — О Шива! Да прекратишь ты совать свой нос куда ни попадя или?! Никогда ты не получишь своего корабля, так и будешь всю жизнь подвизаться журналюгой: тебе это на роду написано. — Таким же тоном она могла бы сказать *журнашлюхой*.

— Я добуду корабль. Пускай я на это остаток своей долбаной жизни угрохаю, но добуду. И тогда я найду тебя! Митили…

На сей раз она не стала оборачиваться. Он увидел, как она ловит такси у края платформы, садится и исчезает в бездонных просторах городского воздуха внизу. Боль скрутила ему кишки, да так, что он сжал зубы.

— Д'Артаньян? — Рядом возник Абдиамаль, в его глазах читались интерес и сочувствие. — Нет?

— Нет. — Хаим поспешно нацепил улыбку. —

Но такова жизнь. За честность вознаграждают… честностью. Да и черт с ним. — Он поднял рюкзак и поправил ремень камеры. — В моем деле такого себе позволить нельзя. Хорошо, что моя камера уже разбита, не то среди моих добрых друзей наверняка нашелся бы желающий отобрать ее у меня и как следует вмазать по башке, когда я попытаюсь вернуться к работе. Честных репортеров не любят: им нельзя доверять.

Абдиамаль усмехнулся.

— Я иного мнения.

Д'Артаньян рассмеялся, продолжая смотреть на город.

— Ну да, все знают, что только идиот пойдет работать на правительство.

У него разболелись глаза.

— Похоже, — сказал Абдиамаль, указывая на город, — вам не помешает опрокинуть стаканчик. За мой счет?

— Почему бы и нет? — Д'Артаньян кивнул, массируя рукой живот. — Да уж, именно этого мне и не хватает.

⌧. ИНТЕРЛЮДИЯ

— Простите… извините…

— Не лезь без очереди, парень. У нас полно работы. Для всех.

Клерк сноровисто подхватил дрейфующие в воздухе бланки разрешений на работу: внезапное появление незнакомца выбило стопку из слабых захватов гравитации. Потом запихал бланки в сетчатую корзинку на захламленном столе. Взгляд его, казалось, оставлял дыры в аморфной массе проплывавших по очереди лиц; теперь стальные глаза клерка сосредоточились на злостном нарушителе равновесного состояния.

— Меня зовут Вади Абдиамаль. Я правительственный переговорщик.

— Неудивительно, что вы торопитесь. Но вам придется подождать своей очереди, как и всем остальным.

— Я здесь с официальным заданием.

Абдиамаль не повышал голоса, но впечатление сложилось именно такое.

— Я разыскиваю человека по имени д'Артаньян.

— Ну так забирайте его.

Клерк нахмурился при виде богато расшитой куртки Абдиамаля, контрастировавшей с его непримечательным гладким лицом.

— Мне сообщили, что он здесь, но это не так. Куда он мог отправиться?

Нетерпение Абдиамаля заставило клерка нервно потеребить свою собственную, не застегнутую на пуговицы куртку.

— Наверное, скафандр получить ушел. Вот туда.

Клерк с демонстративной небрежностью махнул левой рукой.

Абдиамаль оттолкнулся от стола, разметав опустившихся представителей Небесного человечества, как ранее — стопку бумаг. Траектория увела его к указанному клерком входу в коридор. Он схватился за поручень и подкорректировал курс, оттолкнулся снова, с бесцеремонной силой.

Туннель вел в новое помещение, столь же безликое, как до того приемная клерка, и под завязку забитое людьми. Абдиамаль проталкивался сквозь толпу, выглядывая знакомые черты — рыжие волосы и коричневое лицо Хаима д'Артаньяна. Он выцепил взглядом около дюжины незнакомцев со шлемами в руках, уже облаченных в скафандры; те парили перед

небольшим люком в солидной стальной стене. За нею, осознал он внезапно, простирается куда более широкий выход — в неведомое. Впрочем, здесь все были ему незнакомы. Попалась одна женщина, и у Абдиамаля скрутило кишки при мысли о том, чего она ждет… чего все тут ждут.

Он продолжал оглядывать комнату, держась подальше от люка, в толпе полуоблаченных в скафандры работников следующей смены. Им заинтересовался человек, которого Абдиамаль инстинктивно определил как администратора: он явно обитал в этой комнате, а за люк никогда не совался. Этот другой встретил взгляд Абдиамаля, прерываемый движениями толпы. А рядом…

— Д'Артаньян! — Абдиамаль вскинул руку, его вскрик эхом раскатился по комнате. Далекая фигура подняла голову, тело ее вдруг оцепенело. Затем она начала движение в его сторону. Д'Артаньян пересек обширное помещение, волоча за собой герметичный скафандр; лицо его затуманила неуверенность.

— Абдиамаль?

Он ухватился за стенный поручень рядом с Абдиамалем и посмотрел на правительственного агента. Коротко засмеялся, потер рукой лоб.

— Какого черта?.. Это тебя работка на прави-

тельство до такого довела?

Абдиамаль изучал его лицо, стараясь не привлекать к этому внимания. Д'Артаньян похудел, стал крепче, жилистее… старше. Они с Хаимом д'Артаньяном едва шесть мегасекунд знакомы; за это время Абдиамаль успел стать свидетелем того, как д'Артаньян расстался с шансами на достойное будущее, потерял всё, что имел, под безжалостными пристальными взглядами камер, и сделал это во имя торжества чести и справедливости над эгоистичными интересами. Правосудие слепо, и у общества не нашлось никакой награды для этого человека, кроме руки Абдиамаля, пожавшей его руку.

— Да уж, моя работенка и то лучше, чем эта. Я за тобой. У меня к тебе официальное дело. В связи с процессом Сиаманга.

Д'Артаньян разом спал с лица еще сильней.

— Но зачем? — Он окинул взглядом стальные стены зала ожидания, снова посмотрел на другого. — Процесс завершен, приговор вынесен. Я думал, все закончилось. Или она решила вновь выдвинуть обвинения… в смысле, Митили?

Его руки схватились за живот; скафандр поплыл в сторону, выскользнув из хватки д'Артаньяна.

— Нет. Она не изменила своего решения. С этим

покончено.

— Покончено. — Рот Д'Артаньяна сжался. — Тогда что?

— Слушай, какого черта ты вообще здесь делаешь? — вырвалось у Абдиамаля. — Бога ради, человече…

Д'Артаньян пожал плечами и снова отвел взгляд.

— Работы на час, а денег как за год.

— И радиации как за всю жизнь! — не сдержал отвращения Абдиамаль. — Ты прекрасно знаешь, почему эта работа так хорошо оплачивается.

Он ткнул рукой в сторону стальной стены и дверцы.

— Конечно, знаю. — Д'Артаньян перегнулся через поручень, зацепившись ногами, и поймал уплывающий скафандр. — Потому–то и шумиха такая. Дистанционные манипуляторы накрылись, а без этой фабрики на всю Демархию останется только один работающий завод по производству атомных батарей. Они пытаются починить роботов, а пока тут много работы, с которой может справиться только человек. Патриотизм просто зашкаливает. — Глаза его были мрачнее смерти. — И кто–то должен выполнить эту работу.

Абдиамаль неловко заёрзал.

— Но ты не обязан. Это для неудачников. А ты здоровый крепкий мужик.

Д'Артаньян снова рассмеялся, и смех его был как липкий деготь. Абдиамаль не понял, что его так рассмешило.

— Я уже проходил через такие разговоры. Что мне еще остается? У меня ни единого шанса снова получить работу корпоративного журналиста после того, как я сдал с потрохами Сиаманга и…

— После того, — перебил Абдиамаль, — как ты привлек к ответственности убийцу.

Д'Артаньян фыркнул.

— Это как посмотреть. Впрочем, я не гожусь в журналисты. Если что я и понял со всей ясностью за те мегасекунды, так это… И больше ни на что другое тоже не гожусь, ни на что, требующее мозгов, сердца или таланта…

Скафандр изогнулся в его руках. Отражение лица в визоре разорвалось пополам. Абдиамаль что было силы хватил кулаком по гладкой стене.

— Д'Артаньян, если ты так терзаешься, почему бы тебе голову о стену не раскокать? Это имело бы ровно столько же смысла.

Д'Артаньян посмотрел на него снизу вверх без всякого выражения.

— За это не заплатят так же хорошо.

— По крайней мере, если бы ты перестал себя есть поедом, твое тело не вынуждено было б отвечать за твои поступки остаток жизни.

— Слишком поздно.

Руки д'Артаньяна снова уперлись в живот. Он наблюдал, как на другой стороне комнаты группа рабочих надевает шлемы своих скафандров, как распахивается люк, выпускает облако отработанных незнакомцев и готовится принять новые жертвы. Начала выстраиваться очередь: его очередь. За многометровой толщей стальной стены, на мертвой и смертельно опасной поверхности планетоида Калькутта, находилась промзона. Со времен Гражданской войны производственные показатели фабрики неуклонно снижались, а утечки радиации в окружающее пространство так же неуклонно возрастали. Война разрушила ключевой симбиоз технологий, необходимый для производства сложных микропроцессоров и запчастей к таким фабрикам; приходилось довольствоваться наскоро стачанными заменителями, которые дополнительно снижали эффективность производства.

— Абдиамаль, чего тебе от меня надо? — Д'Артаньян нетерпеливо, нервно завозился с застежка-

ми своего скафандра. — Или ты просто приперся отвесить мне пинка под зад на прощание?..

Абдиамаль потянулся к нему и помешал облачиться в скафандр.

— Я пришел с предложением получше, чем это. Я говорил с родственниками Квайме Секки–Олефина о судьбе его наследства.

Д'Артаньян перестал сопротивляться. Часто заморгав, он произнес:

— И?

— И они сочли, что ты достоин определенного вознаграждения за помощь в изобличении его убийцы. Поскольку мне было известно, что ты интересуешься старательством...

— *Мать?* Они хотят подарить мне его корабль?

Д'Артаньян так разволновался, что выбил их обоих из равновесия. Абдиамаль уцепился за поручень.

— Нет, — мягко ответил он и позволил д'Артаньяну отплыть на некоторое расстояние. — Не совсем так. Тебе предоставлено первоочередное право выкупа.

— *Выкупа?* — Д'Артаньян сжал свободную руку в кулак, и на миг Абдиамалю показалось, что сейчас его ударят в лицо. Однако что–то в его выражении, видимо, остановило д'Артаньяна.

Тот обмяк. — Спасибо, что дал знать.

— Они знают, что ты без денег, д'Артаньян. Вот почему они не просят тебя о немедленном внесении средств.

Голова д'Артаньяна медленно поднялась.

— Они согласны на половину реальной стоимости судна. Кроме того, тебе предоставят отсрочку первого платежа. Это время ты можешь использовать для изысканий. Если ты что–то собой представляешь как старатель, то добычи тебе должно хватить для выкупа корабля.

Он попытался преподнести предложение как можно выгодней, опираясь на свой многолетний опыт работы правительственного посредника. Он не стал упоминать, каких трудов ему стоило уговорить родственников покойного Секки–Олефина даже на такую форму концессии.

Д'Артаньян снова выпустил радиопротекторный скафандр и отвел глаза. Казалось, он снова задумался о том, что его ждет вне пределов узкого конуса их контакта, ощутил тяжкое отчаяние проносящихся по комнате шепотков. Он некоторое время смотрел, как формируется очередь, и затем отшвырнул скафандр прочь.

— Валим отсюда.

⌧. ЗОЛОТО ДУРАКОВ

Митили Фукинуки стояла перед консолью управления в рубке *Матери*, и в слабой гравитации планетоида Мекка ее ноги едва касались пола. Она старалась полностью сосредоточиться на диагностике бортовых систем, подавляя воспоминания, вызванные присутствием в рубке. Не в первый раз она работала за этой консолью — и не в первый, безмолвная и одинокая, скользила по уровням просторного чрева пауколапого корабля. Но в последний раз она оказалась здесь не совсем одна…

Она конвульсивно моргнула, и это помогло рассеять сверкающую пелену видения. Сцепленные руки так напряглись, что на костяшках пальцев побелела золотистая кожа. Ей до конца жизни не забыть, как делила она этот корабль с мертвым Секкой–Олефином на пути со Второй планеты. Она не могла выбросить из головы предшествовавший тому кошмар или мрачные стоп–кадры последовавшего судебного разбирательства. Неважно, что Сабу Сиаманга признали виновным и сослали на необитаемый астероид; он все равно разрушил ее карьеру и испоганил жизнь, и

никакого наказания не будет достаточно, чтоб это искупить.

Или искупить то, как разорвал он хрупкую сеть ее доверия и (неловко было даже думать) *чувств*, оформлявшуюся между Митили и Хаимом д'Артаньяном. Мысленным оком она внезапно увидела д'Артаньяна, его поднятые в примирительном жесте руки, мольбу о прощении, искреннем, какого не могла она ему обещать. Она крепко зажмурилась, представляя, как его образ вспыхивает и пеплом отлетает прочь. Сиаманг избавил ее от иллюзий насчет этого персонажа и доказал, что, поскреби д'Артаньяна, обнажится натура трусливого эгоиста, который на все пойдет ради спасения собственной жизни. И хотя д'Артаньян приложил максимум усилий, чтобы привлечь Сиаманга к суду, она не сумела его простить. И не сумеет никогда.

Она резко вскинула голову от мерцающих экранов, когда внизу раздался какой–то звук: на борту появились посторонние. Она поспешно придала лицу уместно непроницаемое выражение и вытерла руки о ткань утилитарного комбинезона. Наверное, это Вади Абдиамаль пришел. Они условились встретиться здесь, чтобы обсудить, на каких конкретно условиях она могла бы по-

лучить корабль в свою собственность. *Неужели просто подарить не в состоянии?..* Она с омерзением поморщилась. Ее уволили с должности летчицы Сиамангов, поскольку она выступила на процессе против Сабу, и всё, чем родственнички Секки–Олефина согласны ее отблагодарить, это призрак почти невозможной мечты. Она не считала себя годной для старательской работы — и тем не менее придется каким–то образом научиться, если она хочет заполучить корабль себе на их условиях. А без корабля у нее никаких шансов на достойную свободную жизнь, ведь работу летчицы она потеряла навеки. В этом больном, извращенном обществе ей никто не позволит заняться работой, которую она умеет делать; она бесплодна и не замужем, так что альтернатив немного — либо смертоносные занятия, либо способствующие деградации личности. Она обязана преуспеть. *Обязана…* Она переплела пальцы.

— Демархиня Фукинуки? — Вади Абдиамаль возник неожиданно, поднявшись по концентрическим поручням межъярусной шахты в рубку. Скафандр он оставил внизу, а оделся, как всегда, безукоризненно. — Рад, что вы пунктуальны.

Митили кивнула, выдавив напряженно–приветственную улыбку.

— А вы припозднились, демарх Абдиамаль.

Ее улыбка стала шире, но тут же увяла, когда она заметила, что гость не один.

Абдиамаль оттолкнулся от поручня, уплыл в сторону и остановился там, освобождая проход. Она наблюдала, как материализуется в выходном отверстии колодца еще одна голова, за нею плечи, руки, тело… *Д'Артаньян.* Слово вновь и вновь эхом отдавалось в ее мозгу, пока она пыталась осмыслить увиденное.

— Д'Артаньян! — В ее голосе прозвучали удивление, гнев и обида на предательство, которое явно и послужило причиной его визита. — Что он здесь де–лает? — Она яростно развернулась к Абдиамалю, уже зная ответ, и постаралась, чтобы вопрос прозвучал обвинительно.

— Митили?

Хаим схватился за поручень и затормозил.

Она покосилась на него. Крайнее изумление, на миг отобразившееся в его лице, подсказало, что д'Артаньян такая же, как и она сама, жертва. Она снова посмотрела на Абдиамаля, прежде чем Хаим мог бы перехватить ее взгляд и задержать.

— Вы не имеете права так… так с нами поступать! Я не стану работать с ним… с этим…

Она ожесточенно махнула рукой.

— Боюсь, что придется, если хотите получить этот корабль.

Она слышала в голосе Абдиамаля легкие покровительственные нотки, неизменно присутствовавшие при разговорах с нею.

— Родственники Секки–Олефина постановили, что корабль должен принадлежать вам совместно, поскольку вы приняли равное участие в привлечении к ответственности его убийцы.

— Равное? — выплюнула она, задыхаясь и чувствуя, что клетка снова смыкается вокруг нее. Она переводила взгляд с одного лица на другое и обратно. — А чья это идея?.. Надо полагать, Абдиамаль, вы считаете себя ужасно умным человеком, раз подставили…

— Постойте, постойте, — Хаим поднял руки ладонями вперед, в примирительном жесте, который ее чуть не доконал. Он закончил взбираться в рубку. Он был в унылом бело–сером комбинезоне, вроде ее собственного, а репортерской камеры за плечом не наблюдалось. — Абдиамаль, что это вообще такое? Вы хотите сказать, что мы поделим?..

Он обвел жестом корабль вокруг, но глаза задержал на ее лице.

— Какого черта вы меня не предупредили?

Абдиамаль усмехнулся наглой усмешкой всезнайки.

— Если бы предупредил, вы бы оба сюда явились?

— Да.

— Нет. — Ее отказ был адресован д'Артаньяну.

— Вот поэтому я ничего и не сообщал. — Абдиамаль едва заметно пожал плечами и заправил выбившуюся кайму куртки обратно за пояс. — Но послушайте, вы оба пытались совершить достойный поступок. Вас за него никто не вознаградил, только наказал. Я всего лишь пытаюсь довести до конца свою работу, а именно — уладить все по справедливости. Лучшего я предложить не могу. Придется с чего–то начинать.

— Спасибо, Абдиамаль, — сказал Хаим с явной искренностью. — Если даже корабль выкупить не получится, я всегда буду за это признателен. — И он снова посмотрел на нее.

Абдиамаль кивнул.

— Я ценю твою признательность.

— Надеюсь, Абдиамаль, вы окажете нам еще одну услугу? — Митили крепко сцепила руки, избегая взглядов обоих. — Немедленно убирайтесь и оставьте нас наедине…

Абдиамаль с готовностью кивнул, поклонился

на прощание, а когда поднял голову, выражение лица его совершенно не изменилось. Он двинулся к шахте.

Хаим извинительно глянул ему вслед.

— Еще раз спасибо, Абдиамаль.

— Дай мне знать о своем решении.

Абдиамаль исчез в колодце.

Митили развернулась к панели управления, прислушалась, как затихает эхо на корабле, и внезапно испытала приступ клаустрофобии. Остаться тут наедине с мужчиной — определенным мужчиной — означало почувствовать, как переборки смыкаются вокруг нее, зажимают. Когда гостей было двое, это чувство не проявлялось. Она отстучала на консоли последовательность команд и поспешно откинула сегмент переборки, обнажив иллюминатор над обзорным экраном.

Она бросила быстрый взгляд на космодром. Неуклюжие насекомообразные танкеры цеплялись паучьими лапами за обвисшие мешки, в которых на перегонные заводы Демархии перевозили полупродукты и конечные продукты процесса очистки летучих веществ. Колоссальные баки кольцом окружали вечно пребывающий в тени причал, затмевали покрытый светлым маревом горизонт Мекки. За пределами ВПП, залитой искусственным светом, во все стороны тянулась звездная чернота, уходила в бесконечность, и там–то она перестанет чувствовать себя узницей…

Д'Артаньян приблизился к ней из центра рубки; она не столько услышала его, как ощутила, и повернулась ему навстречу.

— Не приближайся. Пожалуйста.

Она нервно отвела назад черные, как ночь, короткие волосы. Он остановился, покачался из стороны в сторону, восстанавливая равновесие, и в пространстве, разделившем их, она почувствовала его разочарование.

— Митили, я не знал…

— Знаю, что не знал.

Она жестом заткнула его. Перед ее глазами мельтешили забытые картинки; что–то среднее

между страхом и омерзением мешало осознать их смысл.

— Не надо мне одолжение делать, Хаим. Я больше не сотрудница корпорации. И ты тоже, судя по всему, на вольные хлеба ушел.

— Нет.

Он не смотрел на нее, а только на свою длиннопалую коричневую руку, которой держался за откидной подголовник кресла перед консолью.

— Извини, — произнес он прежним примирительным тоном. И что–то бессловесное, импульсивное, вырвалось у него при этом. — Но… может, Митили, мы таки достигли дна и начнем обратный подъем? Может, нам улыбнулась удача?

Он медленно поднял голову.

— Ты только посмотри, что за корабль! И он наш. Нам выпал шанс все начать сначала, доказать, что мы достойны существования по нашим собственным законам. Мечта, ставшая реальностью! — Его широкий рот растягивался в полной надежды улыбке.

— Твоя мечта, а не моя!

Она взбунтовалась против того, как он включил ее в свои планы, не спросясь, и против того, как часть ее самой, похоже, порывалась ответить согласием.

— Я никогда не хотела быть старательницей, я ни хрена об этом не знаю! Не хочу остаток жизни по мусоркам копаться, перебиваясь с хлеба на воду. Не хочу остаток жизни делить этот корабль с тобой, д'Артаньян!

Его тело свела явственная судорога.

— Ясно.

Он обмяк, словно незримое напряжение тут же оставило его, но еще более бесформенным и вялым, чем прежде. Глаза перестали смотреть примирительно или с надеждой.

— Значит, не твоя это мечта. А тебе есть что ставить на кон? Нет. Иначе бы тебя здесь не было. Ты ничего не знаешь о старательстве? Зато я знаю. Я не могу управлять таким большим кораблем там, куда занесет судьба старателя. Зато это можешь ты. Возможно, мы и не хотим друг друга, — добавил он тоном странно удовлетворенного примирения с неизбежным, — но мы, несомненно, *нужны друг другу.* Я хочу корабль. Я хочу получить шанс на достойную жизнь. А ты, если даже не хочешь, тоже надеешься на какую-то другую жизнь, и этот шанс может оказаться для тебя последним. Если ты выдержишь, то и я выдержу.

Он ухватился свободной рукой за ту, какой

держался у кресла.

Митили кусала губы до тех пор, пока не ощутила резкую боль и не задавила поспешные слова, готовые вырваться изо рта.

— Ладно. Я согласна со всеми твоими доводами. Я буду с тобой сотрудничать, у меня нет иного выбора. Добычу поделим поровну. Но на большее не рассчитывай, — добавила она, не сдержавшись.

— Отлично. Большего я и не ожидал.

Хаим шевельнул губами в кислой ухмылке.

— Но думаю, что еще кое в чем мы вполне можем сойтись. Абдиамаль нас обоих конкретно наколол.

* * *

В разгорающейся искусственной заре нового дня Митили покинула тесную съемную комнату и села в авиатакси на другой конец вакуоли в километр шириной, вмещавшей город Мекку. Городские башни теснились с обеих сторон, цветастые поверхности слегка подрагивали под ее блуждавшим взад–вперед взглядом. Зрелище это больше не завораживало ее, как некогда; сейчас она едва обращала на них внимание. Она согласилась разделить корабль и ставку на кону с Хаимом д'Артаньяном, сняла со счета остаток сбережений

и направлялась теперь на закупы — за оборудованием и провиантом, необходимым в полете. Безумный поступок… ну а что им остается–то? Она вдруг почувствовала напряжение, рывком смахнувшее обрывки сна на антидепрессантах; в груди снова начала стягиваться пружина. Она со вздохом сглотнула слюну, но напряжение не ушло. Такси неумолимо сближалось с пунктом назначения.

Она опускалась, как перышко, на дно мелкого гравитационного колодца, который являло собой здание делового центра «Абраксис». Стены тут были золотистыми, и она продолжала задыхаться, представляя себя ползущей в меду. Мимо двигались сотрудники и клиенты, отталкиваясь от стен, словно пловцы. Она пропускала их, продолжая медленное падение в прежнем темпе.

Контора нужного им поставщика выделялась широкими витринами и занимала два придонных уровня. Митили мрачно раздвинула двери вестибюля на верхнем из них и оказалась в катакомбах закрепленных ящиков и запертых контейнеров из металлической сетки. Осторожно пробираясь по узким проходам, она встречала группки незнакомцев, которые с кислыми лицами обследовали навигационную аппаратуру

— ее Митили узнавала с первого взгляда, — и старательское снаряжение, вовсе девушке не знакомое. Они провожали ее глазами — женщина в этом мужском хозяйстве была чрезвычайной, не поддающейся классификации редкостью.

Наконец Митили очутилась в более просторном и не столь захламленном помещении. Хаим показывал поставщику какие–то пункты в списке оборудования, у его ног громоздилась куча потенциальных покупок. Он поднял глаза, словно напряжение Митили дохнуло на него холодом, и прервал разговор с торговцем. Лицо его при этом, в отличие от ее собственного, не изменило выражения — таков был его талант профессионального лжеца.

— Вот моя напарница. Она пояснит вам то, о чем я мог запамятовать.

Она переместилась к мужчинам за стойку, где на маленьком дисплее отображалась растущая сумма расходов. Торговец оглядывал ее со смешанными чувствами, она старалась его игнорировать, согнувшись над кучей покупок. Потом снова посмотрела на дисплей и мысленно пробежалась по списку, почувствовав недовольство, укорененное глубже простого невежественного равнодушия к потребностям старательской экс-

педиции.

— Гм, д'Артаньян, а нам и вправду столько всего нужно?

— И даже больше. Но мы не можем себе этого позволить.

Он неловко покосился на торговца.

— А как насчет этого спектроскопа? На корабле такой прибор уже есть.

Она коснулась непослушными пальцами единственного пункта на экране, который был ей понятен.

— Он недостаточно хорош. Секка–Олефин заранее знал, чего ищет и где. Не так с нами. Нам нужна любая помощь.

Она пожала плечами, скорчив унылую гримасу.

— Ну ладно.

— А что с навигационной аппаратурой?

— Я еще раз проверила состояние корабельных систем. Все в порядке. Нет смысла чем–нибудь их дооснащать, принципиальной разницы не будет.

Он посмотрел на нее с облегчением — первая настоящая эмоция.

— Тогда, наверное, мы все же сможем позволить себе затариться провизией.

— Оформлять счет на остальное? — спросил у Хаима торговец.

— Да. — Хаим передал ему список и глянул в ее сторону. — Вперед.

Она отвела глаза, внезапно осознав присутствие другого человека в потрепанной одежде — тот, прислушиваясь к разговору, ожидал на периферии ее поля зрения. Под ее взглядом он приблизился, вторгаясь в сферу осознанного восприятия. Она догадывалась, что это тоже старатель, притом не слишком удачливый: человек крупного сложения, на вид пожилой и наверняка выглядящий старше своих лет — перманентное облучение на борту здоровью не способствовало. Темно–каштановые седеющие волосы были коротко острижены на висках, макушка облысела, а широкое морщинистое лицо некогда, возможно, носило оптимистичное выражение. Словно желая это подтвердить, он улыбнулся, перехватив ее взор. Она не вернула улыбки. Не смутившись этим, старатель проломил барьер их приватности.

Хаим с недовольным удивлением обернулся.

Старатель прищурился и посмотрел на него.

— Вы случайно не… наверняка! Вы сынок Гамаля д'Артаньяна? Черт побери! Надо же, спустя

столько лет наткнуться на вас.

Удивление Хаима стало слегка недоверчивым.

— Вы знали мою ма… моего отца? — как мог вежливо выкрутился он.

— Ну да, уверен, что так. Мы были добрыми друзьями, мы с ним. Почти партнерами.

У Митили аж глаз дернулся от фальшивости тона. Лицо Хаима снова сделалось бесстрастным: защитная реакция, но непонятно, на что именно.

— Как вас зовут?

— Фитч. Он наверняка…

— Нет. — Хаим потыкал ногой груду покупок, контейнеры колыхнулись и снова застыли. — Откуда вы меня знаете? Мы с отцом не слишком похожи.

Фитч рассмеялся, по–прежнему ничуть не смущенный их неприветливостью.

— Волосы. Всем памятны эти волосы. И потом, он про вас все время рассказывал.

Лицо Хаима стало еще бесстрастней.

— К тому же, понимаете ли, вы тут знамениты стали, когда в прессе поднялась шумиха насчет убийства Секки–Олефина — это же вы, при содействии присутствующей здесь малышки, помогли привлечь убийцу к суду.

Митили не ответила, но задумалась, почему ирония (девушка была почти на полголовы выше Фитча) до нее совершенно не доходит. Неужели чувство юмора полностью изменило ей?

— А теперь прошел слух, что вам достался корабль Секки–Олефина. Слух этот наверняка верен, иначе бы вы тут не закупали снаряжение. Решили пуститься по следам старика, да? И корабль чертовски хорош, судя по тому, что я слышал… Вы–то разбираетесь в старательстве?

— Я знаю лишь то, чему научил меня мой старик, — отвечал Хаим с тщательно дозированным сарказмом.

— Да? — Фитч снова рассмеялся, но на сей раз с ноткой самодовольства. — Ну, он был на диво практичным человеком. Но вы в любом случае не можете себе позволить провести там много времени. Всю жизнь опыта набираться придется…

— Можно подумать, моему старику не хватило жизни, чтобы покончить с собой? — Хаим нахмурился. Митили, наблюдавшая за Фитчем, заметила, что тот начинает терять надежду, но все еще цепляется за нее. — Фитч, чего вам нужно? Вам ведь что–то от нас нужно.

— Я просто хотел встретиться с вами, сыном Гамаля д'Артаньяна. Гамаль был человек с большим

сердцем и грандиозными идеями, я и подумал, что, вероятно, и вам они могут быть интересны… Я хотел предложить свою помощь. — Он произнес эти слова чересчур напористо, чтобы они прозвучали искренними. — В смысле, у меня свой корабль есть и вся аппаратура — я всю жизнь старательствую. Но ваш гораздо лучше, моя лохань не рассчитана на такие дали. Я совсем как ваш старик — будь у него корабль получше, он бы нажил миллион, уверен, уверен! Я предлагаю вам свой опыт, я знаю, куда смотреть… Я хочу стать вашим партнером.

Он выжидательно подался вперед.

— У него есть партнер, — отрезала Митили. — Мы не можем себе позволить больше их набирать.

— Она права. Мне и ее одной многовато, честно говоря. — Хаим скорчил гримасу. — Фитч, корабль принадлежит нам обоим. Мы либо наживем что–то сами, либо вообще не преуспеем. Нам не нужна больше ничья *помощь*. Мы по уши в этом увязли.

Его рука рубанула воздух, как топорище палача, кладя конец беседе.

Фитч поник, сдулся, отступил.

— Что ж… Наверное, я моту вас понять, хотя мне

жаль, — хрипло проговорил он. — Старательство — дело одиночек. Вы прежде всего о себе думайте и свои шансы оптимизируйте. Но я хотел бы продемонстрировать свою искренность. Возьмите этот анализатор сигналов. — Он протянул им какой–то груз в пенопластовой оплетке. — Он увеличит дальность работы вашей аппаратуры. Как знать, вдруг он принесет вам удачу? Я собирался установить его к себе на корабль, но моих дел это не поправит. Может, когда снова увидимся, вы вспомните, что это я вам его подарил, и согласитесь взять меня в напарники…

Митили открыла было рот для отказа — в его напускном унынии искренности чувствовалось не больше, чем до того в энергичном напоре. Но Хаим опередил ее и принял пакет у Фитча, отвесив сдержанный, напряженный, как если б у него свело живот, поклон благодарности.

— Спасибо. Мы ценим ваш подарок.

Враждебность исчезла из его взгляда, и улыбнулся он вроде бы искренне. Митили закрыла рот, так ничего и не сказав, и погрузилась в удивленное молчание.

— И может… может, вы это тоже возьмете?..

Фитч полез за спину и вытащил еще какой–то предмет — проволочный ящичек.

Ага, подумала она с неожиданным облегчением. *Это не всё, это и не могло быть всё. Тут какая–то хитрость.*

Но предмет, который он вложил в ее неохотно подставленные руки, выглядел совсем не так, как можно было ожидать. Это была небольшая клетка с живым зверьком внутри. Митили изумленно уставилась на животное. Она никогда не бывала так близко к живым зверям, никогда не держала животных в руках, даже сидящих в клетке.

— Что это?.. — пробормотала она, подавив импульс оттолкнуть клетку.

— Какая–то ящерка, — пожал плечами Фитч. — Я этого зверька в карты выиграл. Он ест только насекомых. Я больше не могу его прокормить… — Он опустил глаза на клетку, и в них появилась, насколько могла судить девушка, искренняя тоска. — Я к нему и правда привязался… Вы тоже привяжетесь, уверяю. Видите? Он меняет окраску. Реагирует на свет и тепло. — Он указал на существо в клетке. — Я прозвал его Счастливчик.

Митили глядела на ящерку, чувствуя, как упрямое желание отказаться от подарка слабеет; животное смотрело на нее в ответ одним скептическим глазом из складок плоти, словно бисером отделанной. Безволосая плоть, будто усыпан-

ная камушками, зеленая кожа. Цвет менялся на глазах, кожа, подобно фотографии, отображала пятнистый узор света и тени. Митили глядела во все глаза и не могла отвернуться.

— Конечно, — сказал Хаим. — Мы хорошо о нем позаботимся.

— Я вам признателен.

Фитч вежливо покачался в воздухе и пропал в лабиринте стеллажей склада так же неожиданно, как перед тем возник.

Торговец повел головой из стороны в сторону, придерживая в одной руке кассовый терминал.

— Кто их поймет, этих нищебродов с мусорки? Сигнальный анализатор — первое, что он у меня купил за половину гигасекунды, а потом взял и отдал вам. — Его густые черные усы дернулись в кривой усмешке. — Кстати, о насекомых. Я проверю, нет ли там жучков, если вы понимаете, о чем я.

Он постриг рукой воздух.

— Да, это бы неплохо.

Митили оглянулась на Хаима, который все еще держал в руках сигнальный анализатор. Потом снова посмотрела на ящерку. *Хамелеон*, вот как они называются. Она однажды про них читала. Интересно, а в какую сумму Хаиму обойдется

корм? Они и себе–то провиант с трудом могут позволить. Насекомые обитали исключительно в гидропонных садах, их там явно не особенно много, и стоят они недешево.

— Почему ты принял эту штуку от такого скользкого типа, как Фитч? — спросила она, испытывая равные интерес и неодобрение. — У него такой вид, словно он и на стакан воды мусора не соберет. Почему ты позволил ему отдать нам эту хреновину?

Она мотнула головой в сторону анализатора. *Или эту*, но взгляд ее снова приковала недвижимая фигурка ящерки, и Митили почувствовала невольное восхищение. Хамелеон с изяществом танцора балансировал на единственной веточке своей клетки. Чужеродная и обескураживающая красота существа завораживала.

— Потому что сигнальный анализатор нам пригодится. Первое правило старателя. — Хаим бросил на нее резкий взгляд, подчеркивая сказанное. — И еще потому, что, если нам не улыбнется удача, через гигасекунду мы станем такими же лузерами, как и он.

Он выпустил сигнальный анализатор и понаблюдал, как устройство, медленно опускаясь на груду покупок, глухо ударяется о нее. Потом

отвернулся.

* * *

— Поднимаемся.

Митили щелкнула последним тумблером и почувствовала едва заметную перемену в поведении корабля — за стазисом последовала дрожь начинающегося движения. Они начали медленное, словно в торжественной процессии, перемещение за пределы космодрома и наружу. Наблюдая за происходящим в иллюминатор без заслонок, она ощущала, как спадают оковы тюрьмы, в которую для нее превратилась за последние мегасекунды Мекка. Неожиданно девушку охватило возбуждение — неслышимым взрывом грянула внутри музыка ударов сердца, кровь бодрее заструилась в венах при виде бесконечной ночи впереди, где обещанием нового начала вставала из–за умалявшегося горизонта Мекки центральная Небесная звезда системы.

Она огляделась на звук чьего–то слабого вздоха и увидела, как Хаим д'Артаньян прижимается к консоли совсем рядом — рукой подать. Ее восторг немедленно улегся, сжался, стал давящим напряжением. Свобода иллюзорна, неуверенна, так же эфемерна, как жизнь насекомых, которыми

будет питаться в пути новый любимчик. Если в этом путешествии удача не улыбнется им, другого может и не случиться. И независимо от того, суждена ли им удача, придется терпеть *его* присутствие; темные неспокойные воды забурлили в ее подсознании, взметаясь при каждом взгляде на него. Перед ее мысленным оком промелькнули сцены прошлого, как мелькали снова и снова на голых стенах съемной комнаты… сцены предыдущего полета на корабле с д'Артаньяном в качестве пассажира; унижения, страдания, смерть Секки–Олефина — смерть, которая едва не погубила и ее саму, потому что Хаим д'Артаньян оказался слабаком.

Хаим посмотрел на нее, отведя глаза от ширящейся черноты небосклона, как если бы почувствовал на себе ее пронзительный взор. Едва заметно покачал головой, вряд ли отдавая себе в том отчет. Она не поняла, возвращает он так себя к реальности или что–нибудь отрицает.

Мекка полностью исчезла из виду позади; далекий алмазный осколок солнца расположился в центре иллюминатора и обзорного экрана. Она молча оглядела консоль. Трудноуловимая тяга ЭЯРД медленно, но верно разгоняла их в дальний путь к опустошенному тору дрейфующих

в пустоте микромирков — Основному Поясу. До Гражданской войны там обитало подавляющее большинство населения Небесной системы, и там же почти все они приняли смерть.

Гражданская война обратила Основной Пояс в просторное кладбище, а его планетоиды сделала надгробными памятниками для сотни миллионов. Демархия как могла выживала после войны — почти все технологические артефакты Пояса уже были эвакуированы, но одинокие искатели сокровищ продолжали рыскать среди руин в надежде, что им повезет наткнуться на клад, который проглядели раньше, или, по крайней мере, повезет найти себе очередную цель поисков.

— А когда мы достигнем Пояса, тогда что? — неохотно, стараясь не выдать этого голосом, спросила она. — С чего начать?

— Мы начнем поиски, как только подлетим к первой встречной скале. Мой старик ничего не пропускал, даже если объектов не было на картах. Все старатели Основного Пояса используют тот же самый атлас, какой у нас сейчас, а они потратили на поиски пару наших с тобой жизней совместно, если не больше. — Он забарабанил по консоли почти грубо, вводя команды, и на срединном экране возникла карта. — Конечно, толку

с этого ни разу не вышло, по крайней мере за то время, что я с ним летал. У него, как справедливо заметил Фитч, было полно грандиозных идей — и больше ничего. Он всегда сохранял уверенность, что найдет какой–нибудь пропавший во время войны завод по производству батарей или потерянный звездолет на околосолнечной орбите — или счастье всей жизни в гидропонном баке. Он только жаловался, что вот бы ему корабль получше или припасов побольше, или хотя бы отдохнуть подольше… Все они одинаковы. Дураки они. Искатели золота дураков.

Он стукнул по другой клавише, и экран померк. Вздохнув, он с трудом расслабился.

— Но… одна из его безумных идей, в самом конце, таки сработала.

Она удивленно полуобернулась.

— Да?! Так почему ты не…

— … не разбогател? — Он рассмеялся с тем же настроением, с каким вводил команды. — Потому что несчастный случай погубил его прежде, чем он успел добыть клад. Он был неудачник по жизни, неудачником и погиб. Корпоративные изыскатели заявили претензии на все его имущество, сграбастали и были таковы.

— А что пошло не так? Что с ним случилось?

— спросила она с невольным любопытством.

— Не знаю.

Хаим сомкнул руки на животе и принялся без устали теребить складки одежды. У Митили тоже свело живот при воспоминании о Секке–Олефине.

— Но для него это уже не имеет значения. И, скорее всего, не будет иметь значения ни для кого еще очень долго. Даже для меня.

Он оттолкнулся от консоли, проплыл к ведущему на нижние уровни корабля колодцу и нырнул в него.

Она неуверенно наблюдала за его уходом. Невысказанные слова галькой колотились о ее зубы изнутри, тяжелые и холодные. Но она развернулась обратно к панели управления и вперилась в хронометр, который отсчитывал секунды, словно вел перепись звезд на небе.

* * *

Перепись продолжалась. По мере того, как секунды наслаивались на килосекунды, а те на мегасекунды, Митили вырабатывала модель поведения, позволявшую ей как можно меньше общаться с Хаимом д'Артаньяном и как можно тщательнее избегать самих мыслей о его

присутствии на борту, словно пустой корабль принадлежал ей одной.

Но даже пустота эта поворачивалась против нее; спокойствия она ей не приносила, лишь освобождала место для воспоминаний, а те становились все горше, ершистей и бесконтрольней. Она могла отрицать настоящее или сбежать от прошлого, но не в состоянии оказалась проделать и то, и другое одновременно; чем дальше, тем отчетливей выглядело сходство между этим путешествием и предыдущим их совместным полетом, когда д'Артаньян еще был журналистом, а Сабу Сиаманг выступал убийцей. Молчание не приносило утешения, ибо негде ей было укрыться от серого чистилища собственного разума.

Она принуждала себя заниматься рутинными действиями по обслуживанию корабля, хотя до прибытия в Основной Пояс такие процедуры с необходимостью были редкими и необременительными. Она даже начала неосознанно конкурировать с д'Артаньяном за нехитрое развлечение покормить питомца, пока однажды кто–то из них двоих, непривычных к насекомым, не выпустил случайно всех кузнечиков на волю. Те разбежались по кораблю, попрятались во все щелки, наполнили тесные металлические

пространства нежданным веселым стрекотом. Пришлось и Счастливчика отпустить из клетки, чтобы сам добывал себе пищу языком немыслимой длины и ловкости.

Время от времени она замечала краткие случайные колебания уровней энергии корабля, но спорадические попытки установить причину этого явления ни к чему не привели. Она проверила сигнальный анализатор, полученный от Фитча, прогнала все мыслимые тесты, пока не убедилась, что никаких неприятных сюрпризов устройство не таит. Больше искать источник глюка было решительно негде, и она снова выбросила эту задачу из головы. Она не потрудилась и упомянуть ее в кратких разговорах с Хаимом, поскольку обращалась к нему только тогда, когда избежать этого было невозможно.

Она ела без аппетита, одна в тесной каюте, и плохо спала; обрывки кошмаров липли к ней даже после пробуждения. Пыталась читать книги, прихваченные с собой в багаж, книги, всегда спасавшие ее, но и они казались ей осквернеными, искаженными прикосновением рук д'Артанья-на, его разума, нарушившего тайну страниц и личных мыслей, записаннных там. Она снова уложила книги в багаж, полная ненависти к

нему и ко всем мужчинам. Даже к своему отцу, который, терзаясь виной за свою неспособность зачать сына, подарил ей эти книги и подбил занять мужскую роль в обществе, которое упорствовало в нежелании признавать за женщиной подобные права. Она чувствовала, как соскальзывает все ниже и ниже по какому–то желобу в бескрайнюю черноту, где все лишалось какого бы то ни было смысла; она знала — ей что–то нужно, что угодно, какая–нибудь опора, но не имела сил ни найти ее, ни дотянуться.

* * *

Она с трудом, превозмогая усталость, приступила к выполнению очередного функционального акта приема пищи, хотя ее желудок сжался и затвердел в ком от обуревавшего самоотрицания. Она выскользнула из каюты, проверила, нет ли Хаима в коридоре рядом с его обиталищем, и позволила себе упасть вниз, в столовую. Жилая палуба *Матери* была вполне просторна для двух человек, поскольку корабль изначально проектировался на команду из восьми; после безопасной утробной тесноты ее собственной каюты здесь показалось пустынно и неуютно.

Но, присмотревшись внимательней, она

осознала, что на сей раз очутилась здесь не в одиночестве. Хаим с легкостью балансировал на стуле с ближней стороны широкого, тускло отливающего металлом стола в центре помещения. Услышав ее приближение, он развернулся, и на лице его возникло что–то близкое гневу. Она быстро отвела взгляд, но недостаточно быстро. Ноги со щелчком стукнулись о зеркальный пол.

— Митили…

Она упрямо отворачивалась, пробираясь к шкафчикам с провизией на камбуз. Вытащила банку кон–сервов и, даже не взглянув на этикетку, поставила разогреваться.

— Что ты здесь делаешь? — с отвращением проговорила она. Почти бессознательно Митили сдвинула циркадные ритмы так, чтобы спать и принимать пищу в совсем нетипичное время, но не пересекаться с ним.

— Я тебя жду.

— Зачем? С кораблем какие–то проблемы? — Она почти обернулась, потому что ей явилось воспоминание о той небольшой, но ускользавшей от объяснения флуктуации энергопитания.

— Да, — он выпрямился, облокотился о стол, поискал взглядом ее лицо. — С экипажем проблемы, черт подери!

— О чем это ты?

Ярость в его голосе заставила ее вздрогнуть.

— О *ком* я. О нас! Бога ради, а что, на корабле кто–нибудь еще есть? — Он сделал широкий жест и едва не потерял равновесие. — Так не пойдет. Не получится у нас работать вместе, делая вид, что на борту больше никого. В смысле, я так не могу, а ты как знаешь. Мы партнеры, нравится тебе то или нет; мы должны смириться с этим, иначе не выживем. Так не пойдет.

— Знаю, — пробормотала она едва слышно. Разогревшаяся банка подскочила в фиксаторе, и Митили дернулась от неожиданности.

— Ты что, провала нам желаешь? Тебе совсем наплевать, справимся мы или нет?

— Не знаю.

— Чего? — спросил он требовательно.

Она закусила внезапно скривившиеся губы, прижала тело и лицо к стойке.

— Мне не наплевать, не наплевать.

Частью себя она в тот же миг безмолвно кричала, что это вранье. *Боже, нет. Мне начхать. Все напрасно…* Рука ее ухватила воздух, протянувшись за чем–то безымянным.

— Митили… с тобой все хорошо? — Гнев покинул его так же внезапно, как проявился, голос

стал спокойнее, словно ласковое прикосновение к ноющим кончикам пальцев.

— Я могу тебе помочь? Я помогу, чем сумею, если ты позволишь…

Она отдернула руку, собралась с силами.

— Я в порядке!

Прошлое и настоящее окружали ее клеткой из раскаленного металла, откуда не было выхода.

Его молчание, казалось, не уступало громкостью прежним словам в пространстве между ними.

— Нет, не в порядке, — проговорил он наконец, в некотором отчаянии признавая за собой слабость, на какую не имел права. — Такое впечатление, что я на этом корабле все время один! — Она не понимала, отчего слова эти звучат так настойчиво — не хотела понимать. — Я чаще с этой гребаной ящеркой вижусь, чем с тобой! Я понимаю, ты меня избегаешь. Но черт же побери, я тебе не давал к тому никаких поводов, разве нет?

— Никаких поводов? А какие мне еще нужны поводы, кроме твоего лица?

Она наконец обернулась и посмотрела на него, пригладив рукой взъерошенные волосы.

— Какого?.. Что это должно означать, Бога ради?

Лицо его дернулось, как от удара.

— Это должно означать, что каждый раз, как я тебя вижу, мне вспоминается происходившее на Второй. — Грубые рывки Сиаманга, вцепившегося в ее одежду, и то, что он хотел с ней сделать, почти успел сделать перед тем, как они выбросили ее на безжизненную поверхность планеты. — Это все случилось оттого, что ты не захотел мне помочь, оттого, что у тебя духу не хватило встать лицом к лицу с Сиамангом. Ты прикрылся мной ради

спасения собственной шкуры, и каждый раз, как я тебя вижу, твое лицо мне о том напоминает!

— Ну и что, блин, мне теперь с этим делать? — Он выставил руки перед собой — ладони сжаты в кулаки. — Ты хочешь, чтоб я себя искалечил, а тебе больше не пришлось этого видеть? — Одна рука метнулась к лицу, вцепилась в него, словно он намеревался прорвать пальцами плоть. — Хочешь, я тебе палку дам, которой ты будешь меня избивать? Тебе это нужно? Господи, Митили, ты думаешь, что способна причинить мне больше страданий в мыслях, на словах и делом, чем я сам уже себе доставил? — Руки его упали. — Но это ничего не меняет. Что случилось на Второй, то случилось. Да, я был испуган, я не хотел умирать. Я сделал лучшее, что на тот момент пришло мне в голову, но этого оказалось недостаточно. Я все сделал, чтобы потом искупить свой проступок, но я никак не могу его отменить! Я молил Бога, чтоб ты не снимала обвинений в мой адрес, чтоб я понес наказание!

— Не знаю, почему я так сделала! — Ее голос задрожал от собственной *лжи*, ведь на самом деле ей было прекрасно известно, почему она не дала делу хода — и никогда не сможет дать. Она помотала головой. — Не сделала. А раз так,

то мне… мне придется, наверное, жить дальше с последствиями этого. Придется смириться с тем, что мы на этом корабле одни — и вместе. — Она обхватила руками банку так, словно в той была какая–то жертвенная пища: бессмысленная молитва о взаимопонимании. Потом скованным движением поставила на поднос, услышала, как донышко со щелчком притянулось к намагниченной поверхности, и возжелала всем сердцем, чтобы кто–нибудь так же поступил с ее жизнью, взявшись за нее и наконец зафиксировав в устойчивости. — А что бы ты хотел изменить?

Его губы заходили ходуном.

— Мне нужно… нужно… хотя бы изредка видеть другого человека, в данном случае тебя, потому что здесь больше никого нет. Я не прошу доступа к твоему телу, о нет, Господи… — поспешно добавил он, увидев, как ее рот протестующе приоткрылся, — только есть вместе с тобой. Больше ничего. Если не находишь, что бы мне сказать, просто молчи.

— Ну ладно.

Она кивнула, удивленная внезапно нахлынувшим неописуемым облегчением.

— Наверное, это достаточно честно, — добавила она, зная, что это одновременно правда и

неправда. Унесла к столу разогретую еду и устроилась там, не слишком близко от Хаима, но и не подчеркнуто поодаль. Оторвала пластиковую мембрану: зеленые бобы без специй, и только–то. Молча поела, чувствуя на себе его взгляд при каждом глотке. Где–то, подзадоренный тишиной, застрекотал кузнечик. Ее охватила бессловесная тоска. Доев, она унесла банку в контейнер для мусора. Больше ничего разогревать не хотелось. Кивнув в большей мере собственным мыслям, чем Хаиму, она оттолкнулась от стойки и взмыла, как птица, что ищет свободы в полете.

— Увидимся за обедом.

Они увиделись за обедом — и виделись с тех пор по три раза за каждые условные сутки, иногда и чаще, когда Хаим присоединялся к ней в рубке, где Митили выверяла курс на сцену плавного космического балета астероидов Основного Пояса. Она приносила с собой книгу, защищаясь ее присутствием от разговоров, но в основном смотрела на страницы невидяще, а готовила в спешке, не чувствуя вкуса пищи. Д'Артаньян часто брал с собой хамелеона — носил его, как ювелирное украшение, позволял зверьку медленно, с невероятной ловкостью ползать по своей рубашке. Она пыталась не глядеть на ящерку, чтобы не уделять

спутнику ненужного внимания.

Но в какой–то момент она предложила ему книгу, принесенную с собой, устав от того, как он на нее пялится, а потом, по необходимости, стала обсуждать содержание — занудные эссе об экологической адаптации с Древней Земли. Она не была уверена, интересен ли ему этот предмет сколько–нибудь сильней, но аппетит к Митили понемногу вернулся, а с ним и нечто напоминающее прежнюю способность к ведению непринужденной беседы.

Тем не менее ни энтузиазма, ни радости по поводу чего бы то ни было она так и не испытала — лишь усталое привыкание к тому, чего нельзя изменить. Аппетит д'Артаньяна между тем становился все хуже, постепенно Хаим перешел на диету из соевого молока и начал глотать какие–то подозрительные таблетки. Он похудел, в уголках рта проявились грустные жесткие черточки. Митили размышляла, не болен ли он, однако каждый раз, как собиралась спросить, ей мешало некое непреодолимое чувство. Она так и не спросила, но прониклась к нему новой неприязнью.

Наконец они достигли внешних окраин Основного Пояса, и она поменяла траекторию так, чтобы вывести судно на орбиту первого из

ближайших планетоидов. Сканирование не выявило там ничего примечательного — вряд ли когда–либо ступала нога человека на эту безжизненную, озаренную солнечным светом скалу. И на следующую, и еще на одну — они продолжали углубляться в каменный поток, но нигде не наблюдалось признаков жизни или ценной добычи. Они снова изменили курс, сближаясь с первым планетоидом этого района, у которого имелось собственное название и, предположительно, население. На его месте дрейфовала куча опаленного, фонившего радиацией мусора.

Они продолжили движение против потока, обследуя полосу опустошения Основного Пояса, удаляясь от источника разрушений и своей конечной цели. Все больше мирков попадалось им, безымянных и носящих имена, и в каждом случае приходилось смириться с неудачей.

Но они не прекращали поисков, полагаясь на возможности корабля, хотя запасы пищи и энтузиазма таяли. Наконец, после очередного рутинного сканирования безымянной бесструктурной скалы на присутствие следов человека, проявился обнадеживающий след. Они молча наблюдали, как прокручиваются по экрану признаки жизни; Митили чувствовала, что Хаим

тоже опасается разрушить словами очарование момента. Не заговаривая с ним, она перебралась к основной консоли по хваталкам и начала менять курс, чтобы вывести корабль на орбиту объекта № 5359. У лица Митили в воздухе дрейфовал хамелеон, ухватясь цепким хвостом за поручень над консолью. Счастливчик… подумала она и покосилась на животное. Скрытые в складках плоти глазки–бусинки прекратили блуждать вокруг да около и тоже уставились на нее. Она не позволила себе закончить мысли.

Шли килосекунды, Митили кропотливо перемещала *Мат*ь в нужную позицию над серебристой, искусственно сглаженной поверхностью астероидного космодрома. Уравняв движение корабля с равномерным вращением планетоида, она проследила, как дырчатый антисилуэт застыл в кажущейся неподвижности прямо под ними, пока Вселенная продолжала вращаться на другом плане бытия. Затем осторожным импульсом двигателей покрыла финальный километр. Корабль опустился на каменное ложе с изяществом садящейся на воду хрупкой стрекозы.

Хаим рядом с девушкой улыбнулся в неосознанном восторге, не чуждом зависти — поучаствовать в этой работе она ему не позволила, дав

понять, что невысокого мнения о его пилотских талантах применительно к такому кораблю. Ей это требовалось, чтобы как–то уравняться с ним психологически, ведь сама она мало что смыслила в старательстве. Отказываясь от обмена знаниями с ним, она предпочитала избегать потенциальных уязвимостей и сейчас наслаждалась, сколь ни мимолетным, личным триумфом. Руки Хаима, не знавшие покоя, скользнули под пояс, но глаз он не сводил с Митили, а та продолжала упрямо пялиться в дисплей, на звезды и каменную крошку.

— Отличная работа, — проговорил он наконец, пытаясь не выдавать своих чувств. Пояс его съехал на талии.

— Грубоватая. — Она солгала: никто не справился бы с посадкой лучше нее. И он тоже это понимал.

Они молча натянули вакуумные скафандры. Она задумалась о разновидностях молчания, которым научилась за мегасекунды тишины в его обществе, о том, что не было среди них легкой, а эта конкретная тишина стягивала ее, будто незримой пружиной, в предвкушении лежащей впереди загадки. Митили резким движением нахлобучила шлем на голову и почти поспешно

завозилась с фиксаторами, стремясь поскорей услышать, как хлынет внутрь из рюкзачного баллона кислород, изолируя ее в личной самодостаточной микровселенной. И все равно ей вспоминался Сиаманг: грубый хлопок клапана, отрезавший ее от воздуха корабля, затем — падение из шлюза на синюю пыльную равнину Второй планеты, навстречу удушью и смерти… Всякий раз, забираясь в скафандр, она открывала себя этим навязчивым, исподволь выползающим воспоминаниям. Но вот воздух спокойно полился в ее скафандр, охладил потное лицо, и она последовала за Хаимом в тамбур. Молчание растягивалось. Вокруг формировался вакуум.

Они опустились по неторопливой дуге на сияющую под солнцем гальку, придерживаясь за страховочный трос; поднятая при посадке корабля каменная пурга еще не полностью осела. Насколько могла судить Митили, тут никого не было с самой Гражданской, три гигасекунды, даже больше. Но если даже сюда не добрались стервятники, никто не гарантирует, что на астероиде найдется хоть какая–то ценность. Скорее следовало ожидать, что эта скала окажется очередным указателем на дороге к неминуемому провалу. Желание и надежда глушили мрачный

глас рационального разума, вопили солнцу и звездам, что на этот раз, уж *на этот–то раз*...

Они отыскали запертый люк, за которым лежала миниатюрная мировакуоль этого планетоида: точно так же устроены были астероидные города, в которых Митили прожила всю жизнь. Хаим надавил на панель, управлявшую механизмом. Реакции не последовало. Индикаторные огоньки не блеснули ни красным, ни зеленым, а остались слепыми, безжизненно–тусклыми, как мертвые глаза. Хаим что–то проворчал, зацепился ботинками за хваталки у двери и склонился к другому механизму, позволявшему открыть люк вручную. Кремальера напоминала торчащий под слепыми глазами рот.

Наконец люк подался, испустив последний, давно сдерживаемый вздох законсервированного внутри воздуха. Хаим покосился на девушку. Она слышала, как тяжело дышит он в своем скафандре, продолжая отклонять люк наружу, но, закончив с этим, д'Артаньян не сказал ничего, а лишь полез в каменную пасть. Митили еще раз подняла голову и обозрела медленное великолепие звездной карусели, потом спустилась за ним.

Они с трудом загерметизировали люк, накача-

ли новую порцию воздуха изнутри в клаустрофобически тесное и темное пространство шлюза. Наконец давление уравнялось, они откинули внутренний люк и выбрались в туннель за ним. Там царила непроглядная тьма.

— Шива, да здесь света нет! — ляпнула она, не успев подумать. Ей никогда прежде не доводилось бывать в неосвещенной жилой вакуоли. Никогда раньше она не задумывалась, каково тут без искусственного света…

Хаим включил фонарь скафандра и осветил длинную трубу сиянием неуверенного торжества технологии.

— Атомные источники энергии, наверное, давно отключились. Тут сейчас почти везде так.

— Я ни разу не… ни разу не задумывалась, как оно на самом деле… выглядит, — промямлила девушка, осознав, что ей еще только предстоит свыкнуться с масштабом жутких разрушений и погибели, понесенных в Гражданскую войну Основным Поясом.

— Так и будет. Ты смотришь не в прошлое, а в будущее. Это мы — прошлое. Наше время истекает.

— Ты о чем? — бросила она, пытаясь успокоить нервы. — Тут все закончилось еще до нашего с

тобой рождения.

— И обрекло нас на гибель, всех нас! Секка—Олефин это понимал. Вот почему он хотел единолично распоряжаться деньгами от тех программ на Второй планете. Он знал, что наш мир гибнет, поскольку мы не в состоянии нормально поддерживать свою технологию, а без нее нам не обойтись. Застряв на Второй, он обнаружил, что атмосфера там пригодна для дыхания, и пришел к выводу, что необходимо начать рекламную кампанию. Переселить людей на планету, пока еще не поздно.

— Переселиться *туда*? — Разум ее метнулся во времени и пространстве к последнему мгновению, когда она содрала с головы удушающий шлем и пала на колени в голубовато–серую пыль, когда вдохнула полной грудью невероятно тонкую и опаляюще холодную атмосферу Второй… тот вдох, она подумала, окажется для нее последним. — Он с ума сошел. И ты тоже!

Хаим нахмурился.

— Тогда объясни, чем здесь занимаемся мы, копаясь в костях мертвецов. И объясни, что намерена предпринять Демархия, когда здесь ничего не останется.

Она вдруг почувствовала, как его мрачные про-

рочества цепляются за душу ледяной хваткой, и отбрыкалась в приступе гнева:

— Такое впечатление, что ты боишься темноты?

— Ты чертовски права, — пробормотал он. Но Митили понимала, что боится он не темноты.

Он собрался с духом и стал проталкиваться вперед по туннелю. Луч фонаря метался между стен и нехотя дырявил тьму. Она уныло двинулась за ним, перекрывая свет его фонаря собственным.

* * *

— Иисусе–Аллах! — чертыхнулся д'Артаньян, и Митили нагнала его у выхода из туннеля. — Что ж это за место такое?

Заглянув через его плечо, она увидела не расширение прохода до комнаты или комнат, а баррикаду из какого–то бороздчатого материала. Коридор в этом месте резко сужался, превращаясь в натуральную кротовую нору. Она протянула руку и ощупала стену из неидентифицируемого вещества. Твердая масса противодействовала нажатию, однако индивидуальные слагавшие ее бороздки поддавались. Неожиданно напрягшись, она сообразила, что это может быть, разум связал разрозненные сведения…

— Распечатки! — воскликнула девушка. — Это распечатки. Их тут килограммы и килограммы.

— Скорее тонны и тонны. — Хаим зацепился ногой за хваталку и всем весом тела налег на бумажную баррикаду, но та не шелохнулась. — Все они навалены здесь для службы переработки, которая за ними так и не прибыла.

— Нет, — покачала головой она.

Д'Артаньян посмотрел на нее.

— Их тут слишком много. Если даже они сберегали каждую новость, каждый корпоративный писк со всего Основного Пояса, то все равно материала тут больше чем за полгигасекунды. Не может это быть результатом послевоенной неразберихи.

— Но чем же? За каким хреном было старые слухи на бумаге хранить, если все и так доступно?

Она пожала плечами в скафандре.

— Возможно, это у них хобби такое. Идем на прорыв?

Он наклонился, пошарив лучом фонаря в тунеле с бумажными стенками.

— Не знаю. Если туннель и кончается, я там ничего не вижу… Господи, а если вся скала изнутри набита этим хламом, а мы застрянем и развернуться не сможем?

— Там кто–то жил. Что–то там еще есть, кроме бумаги, — нетерпеливо проговорила она. — Тебя это так беспокоит? Тогда я полезу первой. — *Трусишка.* Она усилием воли подавила в зародыше начавшее формироваться при этой мысли воспоминание. Потом наклонилась и ослабила фиксаторы шлема. —

Если снять скафандры, сможем двигаться свободнее.

— Стой, — он перехватил ее руку, затормозив движение. — Не надо. Служба очистки тут скопытилась, ты себе не представляешь, какой может стоять запах. Или как это может выглядеть. Я лучше первым полезу.

Она увидела его лицо сквозь тусклое отражение собственного. Они стояли шлем к шлему, и резкая, как натянутая струна, линия губ придавала грозный вес его словам.

— Жди меня здесь.

Вспомнив, что ему известно то, чего не знает она, и что большая часть обитателей Основного Пояса погибла от медленного истощения или жажды, она опустила руки и стала ждать. Он полез в глубины бумажной преграды, извиваясь всем телом, как угорь. Тянулись секунды, десятки секунд; наконец тьма утратила форму и стала

безвременной, а перед ее мысленным взором утвердились картины гибели теплой людской плоти, сжатия пищеводов…

Резкий выдох удивления или омерзения донесся из аудиосистемы ее скафандра. Это был Хаим, но уже где–то за стеной.

— Хаим?.. — она испугалась собственного голоса, услышав в нем нежданное давящее напряжение.

— Все в порядке, — бросил он уверенно — на чем основано было это мнение? — Я пролез. Следуй за мной, тут свободно. Но будь готова увидеть несколько трупов.

У нее мурашки побежали по коже, а в пустой яме желудка зародился холодок. Но тут же ей припомнились мегасекунды на корабле в компании замороженного трупа Секки–Олефина, возвращение в Мекку со Второй планеты. Она не понаслышке знакома со смертью. Митили сжала руки, снова расслабила, пробуравила собой бумажную стену и полезла дальше, изворачиваясь и выбрасывая руки, точно пловчиха, царапая пальцами перчаток стены туннеля, подсвечивая себе фонарем скафандра путь в извилистых бумажных внутренностях. Наконец луч расширился, впереди маяком моргнул ответный. Хаим

поймал ее за вытянутые руки и помог выбраться из туннеля; не в силах избежать этого, она позволила ему вытащить себя.

— Спасибо, — она поспешила высвободиться и отвела взгляд. В ярком свете поясной лампы маячила наскоро сляпанная опора из пластиковой сетки на другой стороне стены из распечаток, очевидно, установленная здесь затем, чтобы вся баррикада не провалилась к железному сердцу астероида в его хотя и слабом, но ощутимом гравитационном поле. *Значит, это уже всё.* Но, продолжая поворачиваться и обследовать внутреннее помещение, она видела новые и новые груды распечаток, обрывки пластиковых упаковок, огромные сумки, забитые непонятным содержимым, горы старой одежды и тряпок. В центре тщательно захламленного пространства сохранился небольшой свободный участок с металлическим столиком и стульями, приваренными к дальней стене — видимо, в том направлении гравитационный потенциал был немного выше, но Митили по его линиям не следовала, — и широким пенопластовым матрасом с грудами еще каких–то тряпок… да нет же, *трупов*. Он предупредил, что здесь будут трупы. Глаза девушки приковала бесформенная грязная куча,

ее охватило смешанное с ужасом любопытство. Она проплыла к центру комнатки, выхватывая взглядом и лучом фонаря из тьмы концы костей, безжалостно–белый свод черепа, зияющие темные дыры на месте глаз.

Она резко дернулась в воздухе, пытаясь остановить движение вперед, но не сумела найти опоры и с проклятием стукнулась о металлический столик. Эхо столкновения и крика поглотили мягкие стены из мусора, и комната снова окружила незваных гостей неодобрительным молчанием. Хаим так и завис у дальней стены, будто не в силах придвинуться к трупам.

Она схватилась за столик и пронаблюдала, как в медленном танце кружатся взбудораженные появлением девушки предметы — пустые упаковки с крошками засохшей пищи на кромках, покрытый ржавыми пятнами нож, длинная узкая кость… локтевая, что ли? Она выбросила руку и поймала нож.

— Что ты… как ты думаешь, от чего они умерли?

Она возненавидела себя за этот вопрос.

— От голода, наверное, — отозвался он. — Обычно так и бывает.

Слова прозвучали очень тихо. Руки Хаима были

сложены на животе в жесте, который она приняла было за выражение сочувствия мертвым. Наверняка они с отцом не раз натыкались на подобные могилы. Он снова погрузился в молчание; бледная кость продолжала переворачиваться в воздухе, постепенно поднимаясь по дуге, а он следил за ней глазами.

— А кто они были? Кому бы понравилось жить на… мусорке, ничего не выбрасывая? Они что, с ума сошли? — Удивление и ужас не давали ей ни закрыть глаза, ни отвернуться.

— Разумеется. А как же иначе? — Голос Хаима был тонким, напряженным, как натянутая проволока. — Как и мы, что к ним заявились. Тут ничего нет. Выбираемся отсюда.

Она удивленно поглядела на него.

— Но мы только забрались. Послушай, есть же другие комнаты…

Она жестом обвела мусорные стены и узкие проходы, открывавшиеся во тьму неведомого.

— Забудь. Тут все одинаковое. В этой дыре ничего не найдешь, кроме смерти и хлама.

Он начал проталкиваться обратно ко входу в туннель.

— Да блин, я себе всю задницу стерла, пока сюда протискивалась! Мы никуда не уйдем, пока я не

уверюсь, что здесь ничего ценного.

Забыв, что в руке у нее нож, она сделала энергичный жест. Тело Хаима дернулось от сердитого удивления или, может быть, испуга. Она пристыженно выпустила нож, толкнув его подальше от них обоих. Переместилась в другую сторону, к первому попавшемуся проходу. Оглянувшись, увидела, что он висит недвижимо на прежнем месте.

— Ну как, поможешь мне?

Он покачал головой, свет ее фонаря пробежал по шлему, словно Хаим подмигивал ей. Он не снимал рук с живота.

— Нет. Если тебе охота здесь в грязи поваляться, ступай. Я в этом не участвую.

Она молча развернулась и стала протискиваться в проход.

В комнате за ним оказались новые распечатки, места оставалось лишь столько, чтобы в приступе гневной клаустрофобии развернуться и выбраться назад. Хаим дрейфовал у выхода и безмолвно наблюдал, как Митили перебирается к следующей дыре. Там тоже была в основном бумага, а еще — бесчисленные номера довоенных иллюстрированных изданий, аккуратно разложенные по коробкам. Она выдернула один на пробу,

полагая, что издания эти могут обладать исторической ценностью, но увидела, что страницы слиплись из–за какой–то химической реакции между синтетической бумагой и чернилами.

Она с омерзением выронила их, и слово всплыло в памяти, как потревоженная пыль: *отшельничество*. Она читала о таких людях. Отшельники, так их называли. Физически и психически изолировавшие себя в личном мире. У нее мурашки побежали по коже от ужасающей привлекательности такого поступка: окончательная свобода, окончательная безопасность, окончательная замкнутость этого чрева… Она оттолкнулась от коробки и ринулась обратно в узкий проход.

Миновала Хаима, продолжавшего висеть в безмолвном ожидании, и протолкалась через последний темный проход в последнюю из темных, клаустрофобически тесных комнат. В этой было просторнее: сферическое свободное пространство позволяло развернуться на несколько метров. И качественно она отличалась от прочих: старая хаотически раскиданная мебель, узелки старой одежды и тряпья, какие–то коробки и ящики. Она принялась уныло ковыряться в них, выискивая что–нибудь ценное.

Внезапно ответные призмы света ринулись на

девушку из сундучка, небрежно заткнутого за стол. У нее перехватило дыхание. Она взялась перебирать цветные капли золота, серебра и отвержденной радуги, словно плавившиеся под ее настырными пальцами. Вот ожерелье с сапфирами как горошины, а вот рубин размером с ноготь большого пальца, алмазы… *стекляшки*. Наверняка стекляшки, дурацкая имитация. Искрящаяся радость улеглась, сменившись привычной темной пустотой. Сокровище в этой вонючей норе? С тем же успехом можно было ожидать, что тут солнце взойдет. Д'Артаньян прав, нет здесь ничего ценного, что время тратить зря. Лишь собственное упрямство так задержало тут Митили. Но руки ее снова принялись перебирать украшения, те воспарили из сундучка по спиральным траекториям, заговорщицки переливаясь и подмигивая ей; на кратчайшее мгновение она отпустила фантазию и позволила себе представить, что находка подлинная. Потом выбрала два самых красивых предмета из танцующей в воздухе череды; потемневшее от времени ожерелье со множеством камней и золотистое обручальное кольцо, вероятно, мужское, утыканное поддельными рубинами и слишком массивное для сомкнутых вокруг него пальцев.

Она унесла их с собой, предоставив остальным предметам оседать обратно, и покинула комнатушку с чувством поражения.

— Нашла что–нибудь? — спросил Хаим голосом слишком слабым, чтобы выражать сарказм.

— Так, мусорную ювелирку. — Она защитным жестом выставила зажатые в кулаке находки перед собой. — Моя добыча. Там еще есть, если тебе интересно.

— Я просто хочу поскорей выбраться отсюда.

Он исчез в туннеле бумажной баррикады, похожем на трещину в леднике.

Она последовала за ним в туннель, затем по коридору из темного камня; когда Митили достигла выхода, д'Артаньян уже ждал ее. Они вместе прошли через шлюз. Он закрыл люк с поспешностью человека, за которым гонится смерть. Бесшабашными скачками понесся к *Матери* и от нетерпения чуть не вытолкнул догнавшую его девушку из переходного тамбура корабля.

Ступив на борт, д'Артаньян сорвал с себя скафандр и оставил его кружиться в воздухе, после чего, не дожидаясь, пока разденется Митили, рванулся вперед и вверх по палубам, в свою каюту. Отчасти из беспокойства, отчасти из интереса она пролетела за ним следом и стала прислуши-

ваться в пустоте коридора к звукам за дверью его каюты. Оттуда доносились отчетливые хрипы рвотных спазмов.

— Хаим? — позвала она, дождавшись, пока рвота стихнет, и требовательно забарабанила по двери. Ответа не было. Она рванула дверь на себя и впервые оказалась в его каюте.

— Хаим?

Он посмотрел на нее. Он висел, зацепившись за хваталку у входа в душевую, согнутый пополам в том, что могло бы сойти за молитвенную позу, если б не выражение лица. Боль, а не религия, сковала его плоть.

— Что происходит? — внезапно испугалась она за них обоих. — Могу я тебе помочь?

— Таблетки… в том ящике.

Он вытянул руку жестом указания и мольбы. Митили перелетела через каюту и выдвинула верхний ящик комода. Щелкнули магнитные фиксаторы. Внутри дрейфовала в гнездышке из одежды крупная полупустая бутылка с таблетками.

— Антациды? Это просто антациды…

— Дай сюда! — хлестнул он ее рукой в беспамятстве.

Она отдала ему бутылку. Он полез за таблетками, выронил пригоршню, те закружились в воздухе. Он прожевал и проглотил сразу несколько, продолжая корчить гримасы.

— О Боже! Черт… — Его пепельно–бледное лицо прижималось к напружинившемуся предплечью. — Господи, только бы не кровотечение…

— Что?.. Хаим, Бога ради, скажи, что с тобой!

Она затрясла его.

— Кишки у меня. Язва у меня.

— Язва? — Она выпустила его. — У тебя язва?

Он кивнул.

— О Шива! Почему ты не сказал?

— А зачем? — выдохнул он, не глядя на нее. — Ну что бы ты сделала?

— Это угроза — для нас обоих! — Ее руки в бессознательном жесте сочувствия сомкнулись на животе комбинезона. — Ничего посильнее из лекарств у тебя нету?

Таблетки антацида и бутылка искательно продвигались к полу каюты.

— Не мог себе позволить.

Она до боли закусила язык, затем произнесла как можно тише:

— Думаешь, у тебя кровотечение?

Она мало что знала про язвенную болезнь, но достаточно, чтобы понять причину его страха: прободение без медицинской помощи может привести к гибели.

Он покачал головой.

— Когда я обследовался, то не… Нет. Но мне все хуже и хуже. Никогда раньше так не болело.

— То, что мы там видели… Я не думала, что оно на тебя так повлияет. Я считала, ты достаточно такого повидал… раньше…

Она замолчала, потеряв нить мысли.

— И я ненавидел на это смотреть! Я до сих пор ненавижу! Ненавижу обламываться снова и снова, ни одной стоящей находки, всегда один…

У него слезы набухли на глазах, а потом потекли, распространяясь по лицу блестящей пленкой под ее изумленным взглядом.

— Как те несчастные безумцы в глубине скалы, копаюсь и копаюсь по свалкам, умираю по сантиметру внутри, как вся эта гребаная система!

Тело его сводили судороги боли и фрустрации.

— Но мы не такие, как они, — однако тут ей внезапно припомнилась странная эмоция, охватившая душу в темных недрах астероида.

— Мы хуже их. У нас был шанс поработать командой, и не просто командой, а… — Он снова поднял голову, и она заткнула его одним взглядом, как уже поступала раньше.

— Нет. Ни за что. — Она вздрогнула при звуке собственных слов и резко побледнела. Покачала головой, для чего пришлось использовать все телесные силы. — Не после того, что произошло.

Она поняла, что больше не может сдерживаться под его взглядом, и отвернулась. Лишенные отделки переборки цвета слоновой кости расплывались и растягивались в бесконечность.

— Ты это и сам знал.

— *Ты это и сам знал!* Ты мне даже шанса не дала. Вот потому–то и не могло получиться, даже если б мы что–нибудь нашли… — дыхание с шипением вырвалось у него между зубов. — Убирайся. Оставь меня в одиночестве, пожалуйста.

Она вылетела из каюты, хлопнув дверью, и направилась по узкой шахте к себе. Свернулась калачиком, закрыла глаза, прижалась к поручню у двери, утонув в более глубоком, чем простая темнота, мраке своего сознания, пока не потеряла всякое представление о ходе времени. Но свет ждет ее, она это знала — в этой каюте или за дверью, а может, среди миллиона звезд, без устали полыхающих в ночной глубине. Она жива, она ничего не может с этим поделать, достаточно открыть глаза, чтобы узреть свет, признать его, совершить акт веры. А открыть их, в конечном счете, проще, нежели держать сомкнутыми… Она открыла глаза, болезненно заморгав на ярком свету.

Выпустила металлическую хваталку, в которую вцепилась, оттолкнулась от стены в сторону рундука, кровати и спального мешка. В рундуке лежали немногочисленные вещи, без которых она обойтись не могла, включая маленький клад

переводных книг Древней Земли — ключи, открывавшие выход из одиночного заключения жизни в другие умы и другие миры. Она отщелкнула крышку и со всевозможной аккуратностью стала рыться в растревоженных, медленно воспаряющих из рундука предметах. Наконец отыскала нужную книгу, ту, которой не касалась с той самой минуты, когда Хаим д'Артаньян отдал ее из рук в руки при встрече в Мекке.

Открыла и стала смотреть, как от этого движения сами по себе шелестят страницы. Нерешительными движениями наугад разделила их, паря в воздухе; глаза выхватывали давно знакомую фразу из одного эссе, абзац из другого, заметки, нацарапанные на полях ее собственной рукой в ответ на мысли автора. Перевернув очередную страницу, она вдруг увидела карандашную пометку, сделанную чужой рукой под ее записями. Она там написала: *Смерть на–станет в одиночестве; но не может же это одиночество быть сильнее, чем при жизни?* И ей ответил незнакомец: *Да, да, да…*

Книга выплыла из ослабевших пальцев, ее собственное лицо тоже сделалось теплым и скользким от слез. Она разрыдалась так, как не плакала, сколько себя помнила, и рыдания ее

заполнили пустоту каюты. Все это время она держала собственную жизнь на привязи, принимая презрение мира и позволяя тому ранить душу. Она рыдала, пока не выбилась из сил, зная, что все доступные ей слезы не вымоют этой печали до остатка.

Но тело наконец стало достаточно легким, чтобы совладать с собственной инерцией; она выбралась из каюты и снова пересекла лестничный колодец. Где–то внизу застрекотал кузнечик. Она осторожно, а затем более громко, постучала по двери каюты Хаима, которая все еще была закрыта, и не получила ответа. Она открыла дверь. Сначала показалось, что каюта пуста, потом Митили разглядела контуры тела Хаима в коконе спального мешка, привязанного страховочными ремнями к койке. Перелетела ближе к его постели. Он был жив, но крепко спал. Хамелеон висел над его головой, зацепившись за хваталку. При виде Митили животное пробудилось, посмотрело на нее одним глазом и стало менять цвет. Прежде бледное, оно частично темнело, а частично светлело, инстинктивно приспосабливаясь к новым условиям. Как и всегда. *Два сапога пара*, подумала она, снова поглядев на Хаима, но в этой мысли не было горечи.

Снова воспарив в воздух, она рассеянно перехватила рукой поручень и стала наблюдать за спящим. Пока он спит и беззащитен, она вольна следить за ним, сама оставаясь недоступна, и наконец опустить собственный щит. Она почувствовала, что прошлое стало прошлым, за ошибки заплачено, проступки исправлены, насколько вообще это доступно человеку. Она позволяла прошлому смешиваться с настоящим и вытеснять его до такой степени, что места для новой жизни и завтрашнего дня не оставалось вовсе… А кого она карала, кроме себя самой? Зачем? Можно подумать, она недостаточно настрадалась…

О Боже, есть ли среди живых кто–то, кто не испытывает ненависти к себе самой… к себе самому… (поправилась она, взглянув на лицо спящего) *пускай и в глубочайшей из глубин сердца? Уж тем мы предаем себя и жертвами становимся измены, что живем… и лишь мы сами можем с этим покончить.*

* * *

Хаим заворочался во сне на грани пробуждения, напирая на страховочные ремни спального мешка.

— Хаим?

От звука ее голоса он вздрогнул и проснулся. Глаза открылись и невидяще уставились в потолок.

— Хаим…

Он повернул голову. Тело и спальный мешок провернулись за нею. Лицо сохранило бесстрастное выражение. Он посмотрел на девушку, но промолчал. Глаза были окаймлены красным.

— Ты как?

Он скорчил гримасу, но ей или себе, понять Митили не удалось.

— Не знаю.

— А мне лучше стало. — Она потупилась. — Лучше, чем за долгое время, мне кажется.

Неуверенность возвратилась, влача за собой отвращение. И все же уголек понимания продолжал теплиться под пеплом…

Она старательно раздула из него огонь, опасаясь теперь оставаться одна во тьме.

— Я обнаружила запись, которую ты сделал в моей книге.

На его лице медленно проступило удивление.

— Правда?

Он начал вылезать из мешка.

Она кивнула.

— В таком одиночестве кажется, что никто

больше… — Она выкрутила руку, которой придерживалась за хваталку.

Он неожиданно рассмеялся мягким смехом.

— Так и есть.

Она позволила губам расслабиться и почувствовала, что начинает улыбаться. Потом подняла свободную руку. Собственное лицо ей казалось каким–то странным: улыбка искажала оставленные слезами припухлости.

— Хаим… Я перестала ненавидеть себя. По крайней мере, избавилась от ненависти, которую чувствовала после Второй.

Он затянул спальный мешок и отделился от кокона.

— Значит ли сие, что и мне также будет позволено прекратить ненавидеть себя?

Она сморгнула.

— Да… да, наверное.

Он поискал в ее глазах подтверждение сказанного. Она без прежнего страха встретила его взгляд. Он выпростался из койки, точно отпущенный на свободу узник.

— Ну что, партнеры?

Он потянулся к ней.

Она кивнула, приняла его руку и пожала. И тут же отпустила, но тепло задержалось на ее

ладони.

Хамелеон снялся со своего насеста и начал с большой осторожностью сползать по переборке. Он явно отправился на поиски неуклонно умалявшейся, вечно подвижной своей добычи. Хаим некоторое время наблюдал за ним, затем скрестил руки на груди спальной поддевки и посмотрел в потолок, словно проницая за ним космос.

— И куда же мы теперь отправимся? Куда смотреть, к чему стремиться?

Она резко подергала за хваталку.

— Во блин! Я сейчас не готова ответить.

Она покачала головой.

— Рано или поздно придется ответить, — он расстегнул карманы и сунул туда руки, — и лучше бы сделать это сейчас. Основной Пояс уже перелопатили сверху донизу все, кому не лень. У нас недостаточно припасов, чтобы прочесывать его до тех пор, пока не наткнемся на что–нибудь стоящее. Нужно придумать лучший способ.

— Да, что–то, чего раньше не пробовал никто, или то, чего по каким–то причинам никто не заметил. Вроде той станции на Второй планете, которую использовал Секка–Олефин. — Она развернулась, следуя за его дрейфом к центру каюты.

— Хаим, старатель из нас двоих ты; разве тебе ничего в голову не приходит?

— В том–то и дело, Митили, что старатель я довольно посредственный! И мой старик тоже не блистал. Он был неудачник, и даже когда наткнулся на золотую жилу, находка его прикончила. А я не успел перенять и половины его опыта. — Глаза Хаима стали отстраненными. — Впрочем… Кое–что я помню. Я тебе рассказывал, что в самом начале он так и сыпал планами быстрого обогащения. Мне вспоминается один из них, наименее безумный… Та астероидная фабрика Демархии попросту исчезла во время войны. Ее так и не нашли, никаких следов, и решили в итоге, что ее ядерной бомбардировкой вышвырнуло за пределы системы. Но вероятность этого невелика, скала была такая большая, что скорость убегания… А там целый атомный завод. — Он задумчиво хмурился. — Отец говорил, что даже если фабрику вышвырнуло из передовых троянцев — а именно этого и следует ожидать, иначе бы ее там же и обнаружили, — то орбитальные характеристики до некоторой степени сохранились бы. Это означает, что завод носило бы по Поясу около гигасекунды, а потом он должен был бы проявиться снова.

Она тоже нахмурилась в раздумьи.

— Значит, ее либо разнесло на мелкие фрагменты, либо действительно забросило за пределы системы.

— Если не в новую равновесную точку.

— Но за такой короткий промежуток времени для этого потребовалось бы… двойное или новое столкновение, с какой–нибудь другой скалой… — Они переглянулись, и Митили отпустила фантазию в свободный полет.

— Самое вероятное место — одна из точек Лагранжа.

— Да, и, скорее всего, устойчивая…

— Тыльные троянцы, — закончил он. — В таком случае фабрика может оказаться там. Как новенькая.

Он снова поднял голову к потолку, будто ожидая увидеть ее там.

— Как новенькая? — ее лицо дернулось.

Он передернул плечами.

— Будем реалистами. Если бы фабрику обстреляли так, что реактор был поврежден и начал фонить радиацией, то пропустить такое было бы невозможно, однако из тыльных троянцев никогда не сообщалось о подобных источниках. Если фабрику взорвали, там мало что осталось. Но

если она не повреждена… о, да мы всю Демархию на вырученные средства купим!

Он потер руки.

— Ну и как мы ее найдем среди этих гребаных тыльных троянцев, а?

— Они были преимущественно необитаемы. Любые следы человеческой технологии проявятся на сканере. Сигнальный анализатор Фитча, возможно, окажется решающим нашим преимуществом, которого не хватало другим.

— Но даже сердцевинные троянцы раскинулись на сто сорок тысяч километров с лишним.

Она вообразила себе тонкую слезовидную вуаль астероидов, наброшенную поверх бескрайнего вакуума.

— Я не говорил, что это легкая задачка. Скорее всего, и фабрики–то там вовсе нет, а наш план — чистое безумие. Но ты хотела, чтоб я подбросил радикальную идею. Других у меня нет. Либо мы вытянем счастливую соломинку, либо продолжим медленно задыхаться. — Он пожал плечами. — Выбор за тобой. Что скажешь?

Она глубоко вздохнула.

— Да черт же побери… Ладно, рискнем всем ради троянцев! Что нам, блин, терять? Нечего.

Она подняла руки и резко опустила, целе-

устремленно взмыв вверх.

Его глаза просияли.

— Кроме своих цепей[3], — кивнул он.

* * *

— Ничего.

Хаим поднял взгляд от приборов. Они зависли в шестидесяти градусах позади Диска, в тыльной троянской зоне, более чем на две мегасекунды. Им еще ничего не удалось обнаружить. Ни радиации, ни какого бы то ни было вещества, отличного от тех, что могли здесь сформироваться при коалесценции астероидных скал из первозданной космической пыли.

Митили вздохнула, но промолчала, потому как не могла придумать ответа. Она догрызала пригоршню орехов, чувствуя, как покалывают сведенный голодом желудок твердые кусочки. Припасы подходили к концу. *Мы тратим время зря.* Она пыталась об этом не думать, но безуспешно. Отвела глаза от хамелеона, цеплявшегося за переборку позади похожими на щипцы кончиками лапок. Животное, казалось, льнуло к ним, а

[3] Примечания: 3

Обыграна известная фраза из Манифеста Коммунистической партии Маркса и Энгельса (1848).

может, ему просто нечем больше было заняться. На корабле не осталось ни одного насекомого, а среди неуклонно истощавшихся запасов пищи не было пригодных для ящерки продуктов. Она размышляла, как долго еще протянет зверушка. *Счастливчик*, подумала она со вздохом.

— Хочешь проверить скалу–близняшку? — Хаим повернулся и взглянул прямо на нее. — Дальнее сканирование *что–то* выявило, я же не схожу с ума… — Последние слова он пробормотал вполголоса, как если б не был полностью в том уверен.

Она передернула плечами.

— Мы же сюда прилетели. Почему бы и нет?

Километровый обломок внизу обращался вокруг общего с более крупной скалой центра тяжести; этот второй светился отраженным светом, как шипастая звезда, над краем мрачной безжизненной массы, которую они только что просканировали.

Она снова изменила курс, используя отточенные за последние несколько мегасекунд пилотские навыки. Путешествие полностью изменило ее, отшлифовало ее мастерство летчицы, перевело на новый уровень. Но вскоре в этом отпадет всякая потребность. Она не жалела о

принятом решении, о долгосрочном риске, на который пошла; она сожалела, однако, о том, что удовлетворение лишь подстегивает ее голод, а последний шанс, и с ним судно, неизбежно будут потеряны.

Они сближались со вторым планетоидом. Хаим вывел данные сканирования на основной экран почти формальности ради: через иллюминатор на носу была хорошо различима обнаженная скала. Двойная система камней, дело гиблое: исходный завод не в такой работал. Наверное, и системы дальнего сканирования глючат, в довершение ко всем их несчастьям. Митили равнодушно смотрела, как над плечом Хаима начинают проявляться сводки. В принципе, ничего необычного, высокое содержание железоникелевых руд. Она не ожидала каких–то результатов по углеводородам и сплавам, а потому отвела глаза на безжизненный ландшафт. Проморгалась и снова вгляделась.

— Хаим?

Она бессознательно подергала его за плечо. Он вскинул голову.

— О Боже, — выдохнул он. — О Боже.

Рука его напряглась узелками мышц и задрожала. По поверхности планетенки разливался

прагматичный бесцветный рассвет; нарастающее звездное сияние отражалось от разношерстных башен и куполов. Она насилу оторвала от них взгляд, вернулась к цифрам. Теперь уже ненулевым.

— Девяносто пять, — прошептал Хаим. — Ты только погляди! Погляди! Мы нашли фабрику! Иисусе–Аллах, мы богаты!

Он поймал ее за руку, притянул к себе и раскрутил их обоих, да так, что они взлетели к потолку рубки и соединились в объятиях.

— Он был прав. Старикан был прав, Господи… наконец–то он для меня что–нибудь полезное сделал!

Она услышала собственный смех, накладывающийся на его возгласы и эхо — собственный смех, чуждый, как инопланетные голоса. Руки Хаима сомкнулись вокруг ее талии, она внезапно почувствовала себя твердой, как сталь, и эфемерной, как мыльный пузырек. Она притянула его лицо к себе и поцеловала.

Он безмолвно уставился на нее. Она снова оторвалась от него. Он тоже поцеловал ее, закрыв глаза, напрягся и с неожиданной требовательностью прижал к себе.

Она вырвалась и с трудом направилась обратно

к консоли.

— Я… Я сажаю корабль.

Кровь устремилась во все утолки ее тела, взметнулась в каждой артерии, вене и капилляре; она испытывала ощущение не слабей знакомого ужаса, но то был не ужас. Непослушными руками Митили потянулась к аппаратуре. Хаим кивнул и прокашлялся.

— Да… Посмотрим, что у нас тут.

Он устроился у консоли внизу рядом с ней и добавил сиплым голосом:

— Ты только посмотри, следов радиационной утечки никаких. Наверняка он в отличном состоянии!

Он заулыбался и быстро переориентировал сканеры.

Она следила за сводками и чувствовала, как возбуждение снова меняется, принимает иное качество. Графики и цифры скакали по экрану эратически, случайные флуктуации, как и с самого начала, искажали их. Ей показалось забавным, что спустя добрую гигасекунду фабрика в лучшем состоянии, чем их собственное оборудование. Взгляд ее скользнул по строчкам, задержался в одном месте.

— Хаим? Похоже, на орбите позади кто–то есть.

— Другой корабль?

Она кивнула, указывая на экран.

— Энергетическая активность? — присмотрелся он.

— Не видно…

— Гм. — Он резко выплыл из кресла и задумался. — Наверное, развалюха какая–то. Едва ли он особо ценный. Мы потом проверим, посмотрим, что от него осталось. Но сначала я хочу осмотреть эту фабрику!

Она с ним не спорила.

* * *

Она подвела корабль как можно ближе к источнику данных, почти вполглаза идеально выполнив сложное рандеву. Они проделали ритуал облачения в скафандры и прохода через шлюз на безвоздушную поверхность еще одного незнакомого мира, но казалось, что это впервые. Планетоид поворачивался к солнцу, встречая очередной быстротечный день, и свет далеких Небес серебрил разрушенный причал, подчеркивал мрачный инсектоидный силуэт *Матери* позади — а еще выделял фабрику блистающей гравюрой на фоне темного небосклона. Та, по впечатлению, прорастала из самого камня, как

айсберг из замерзшего моря, ведь основная часть ее располагалась под поверхностью. Прекрасная и несуразная, величественная и ущербная. Митили не была знакома с дизайном завода, но зиявшая с одной стороны дыра показалась ей неестественной.

— Хаим, похоже, туда что–то врезалось.

— Знаю. Но радиации нет. — Он повторял эти слова, как заклинание. — Реактор наверняка цел. Это окупит корабль, и еще останется… много! А глянь только на манипуляторы. Новюсенькие. Есть у меня на примете дома фабрика, которая только за них уже заплатила бы солидную сумму.

Они пересекли отделявшее их от испаряющейся тени завода расстояние, двигаясь внешне непринужденными скачками; положение тел соответствовало приподнятому настроению. Воздушный шлюз, выходивший на мертвый космодром, зиял разверстой в крике вечного изумления пастью, но мрачная картина эта уже не задержалась у Митили на уме. Они проследовали внутрь, в пещерные разломы фабричного чрева.

У входа фонари скафандров выхватили из тьмы широкий туннель. Тот постепенно понижался к

изолированному от внешней среды сердцу планетоида, где до войны обитали сотни рабочих. Миновав вход в туннель, они двинулись дальше, на сам завод. Тусклый свет озарял пространство за полуразрушенной стеной справа, и постепенно глаза привыкали к сумраку. Подняв взгляд, Митили увидела подъемные краны и другие механизмы, названий которых не вспомнила: подобно сталактитам, свисали они с потолка высоко наверху, стены и тени делили фабрику на секции беззвучного таинственного лабиринта, в котором они скользили, как заблудшие души.

— Ты знаешь, куда ведешь нас? — с неожиданной неуверенностью спросила она. — Чего мы ищем?

Хаим, двигавшийся впереди, кивнул.

— Более или менее. Я едва не нанялся на работу в местечко вроде этого и ориентируюсь, что тут к чему. Нужно осмотреть реактор и определить, не поврежден ли он.

Митили бросила взгляд на счетчик радиации у запястья скафандра. На нем по–прежнему ничего не регистрировалось. Она продолжала следовать за неторопливым, методичным Хаимом, не задавая лишних вопросов. Свет стал ярче: они явно приближались к дыре с рваными краями

во внешней, не слишком прочной стенке купола. Она задумалась, что ж это мог быть за объект такой, раз он ударил по фабрике так близко к самому реактору, но ущерба тому не причинил, судя по отсутствию даже малейших утечек.

— Следи, куда…

Силуэт Хаима обрисовался поверх груды обломков рухнувшей стены. Митили последовала за ним, как танцовщица, переместилась над заколыхавшейся поверхностью кучи и увидела, как Хаим резко поворачивает налево, где в более высокой и прочной стене также имелась пробоина.

Внезапный крик расколол аудиосистему ее скафандра, и в тот же миг он пропал из виду. Она резким движением послала себя в длинный скачок, потом в другой, пока не увидела его снова. Хаим упал в новую кучу арматуры и обломков, а теперь пытался подняться. Чуть дальше виднелось то, что вызвало у него вопль: просторная дыра в полу следующего зала.

Митили ухватилась за выступающий конец балки и затормозила рядом с ним.

— Что случилось? — Вопрос был не о нем, а о дыре.

— Его нет.

Они уже думали об одном и том же, заглядывая

за край.

— Реактор исчез!

Она крепче вцепилась в балку, но не нашла слов. В горле застрял ком. *Почему? Где? Кто?*

— Как? — Единственный вопрос, на который ей могли бы сейчас, вероятно, ответить.

— Не знаю. Не знаю… — пробормотал Хаим, подтягивая себя выше. — Господи помоги… Это… — он взмахом руки обвел разрушенную стену, — наверняка проделали умышленно, чтобы вытащить его отсюда. Возможно, взрыв и замедлил скалу настолько, чтобы она сюда притянулась. Думаю, они чертовски спешили, раз выбрали такой грубый способ извлечения.

— Значит, ты думаешь, кто–то обнаружил фабрику после первой атаки и… стащил отсюда реактор?

— Угу, — проворчал он.

— Но что с ним произошло? Почему никаких записей не осталось?

— Не знаю. Если это случилось во время войны, то, вполне возможно, никто так и не узнал. А вдруг реактор до сих пор где–нибудь в Демархии работает? Или же те, кто утащил его, в итоге сами себя взорвали, когда начали с ним возиться, и в этом случае реактор утрачен навеки. Нам–то

достаточно и того, что эта хрень пропала!

Он высвободил из кучи металлический обломок и зашвырнул его прочь. Она пронаблюдала за медленным, грациозным спуском обломка по дуге наружу и в дыру.

Она закусила губу, чувствуя, как ее собственные эмоции выходят из–под контроля, срываются с цепи, начинают раскручиваться.

— Но ведь остальная фабрика все еще здесь! — подкрепила она неоспоримым фактом собственную слабеющую отвагу. — Тут должно быть еще много полезного, на каком–нибудь другом заводе пригодится…

Хаим развернулся к ней. Она пошарила взглядом за лицевым стеклом его шлема. Услышала долгий, медленный вдох.

— Возможно. Внешние манипуляторы — те, замеченные нами на причале. На вид совсем не повреждены. Та фабрика, про которую я тебе говорил — ее манипуляторы сломаны. Если сумеем их отсюда вытащить, то сторгуем за любую цену, какую нам будет угодно назвать. Запчастей нет ни у кого.

— Есть. У меня.

Третий голос, незнакомый, раздался в аудиосистемах скафандров.

Митили недоверчиво покрутила головой. Хаим тоже недоуменно посмотрел на нее. Они повернулись и увидели немыслимое — позади стояла третья фигура. У девушки по хребту поползли мурашки при мыслях о том, кто это может быть: призрак мертвого прошлого, бесплотный страж, готовый покарать расхитителей гробницы?

— Какого черта… — прошептал Хаим. — Кто…

— Только не говори, что позабыл меня, Хаим. Мы совсем недавно встречались в Мекке. Я друг твоего отца — и твой, мальчик мой.

— Фитч! — Хаим непонимающе помотал головой. — Бога ради, как… что ты, черт побери, здесь делаешь?

— Я следую за вами. Вы же не думаете, что это случайность, а?

— Ты все это время отслеживал нас. — Митили была уверена в ответе, поскольку иного объяснения придумать не могла. — Но как? Сигнальный анализатор, который ты нам отдал в Мекке, был без жучков, я проверила!

Фитч приближался, но лицо его все еще было скрыто.

— Ты умница, — мягко проговорил он, — но недостаточно умна, как оказалось. Как там Счастливчик? Ты в его клетку хоть раз по–настоящему

заглядывала? Там и спрятан передатчик. — Он рассмеялся. — Да, жучки обошлись вам в целое состояние!

Она покраснела.

— Ах ты ублюдок… — пробормотала она, услышав, как эхом чертыхается Хаим, и молча прокляла себя: можно было догадаться, что та утечка энергии неспроста.

Когда Фитч еще приблизился, она увидела, что рядом с ним движется нечто массивное, неопределимое. Ее бросило в пот.

— Зачем ты шпионишь за нами? — спросил Хаим, хотя ответ был Митили не менее очевиден, чем ответ на вопрос, как. И ему самому наверняка тоже.

— Я же тебе говорил, Хаим: я знавал твоего отца. Как умного парня. Я понимал, что он оставит тебе какой–нибудь ключ, подсказку. Без него вы бы не пустились наугад в это путешествие. — Теперь она видела его знакомое лицо, так же блестевшее от пота, как и ее собственное. — Вы поступили хитро, попытавшись сбросить с хвоста всех, кто мог бы заподозрить такое. Провели кучу времени в Основном Поясе. Я тоже едва не сдался, я не знал, выдержит ли мой корабль; в Демархию мне на нем уже не вернуться. И все же не сдался. На-

конец–то мои усилия окупились… Я стану богат!

Он выдвинул перед собой то, что принес.

— Послушай, — коротко ответил Хаим, и в этой лаконичности чувствовался нервический страх, — я же тебе сказал, что не беру больше в долю. Никого. Ты проследил за нами до этого самого места, но не думай, что тебе за это причитается.

— Я и не рассчитывал, что вы меня возьмете.

Он поднял принесенный предмет выше, и Митили наконец поняла, что это такое: портативный лазерный резак. У нее вдруг сжались и заныли легкие.

— Фитч… — Хаим примирительным, умоляющим жестом поднял руки.

— Не трудись, д'Артаньян. Я видел, как ты сдал Сиаманга. Ты мне сейчас что угодно пообещаешь, а потом попытаешься выкрутиться. Я не позволю тебе со мной такое проделать.

— Что это значит? — спросил Хаим, понимая, что это означало.

— Это значит, что он намерен убить нас и присвоить нашу находку.

Митили выдвинулась вперед, болезненно четко осознавая неверную поверхность под ногами и яму позади.

— Фитч, послушай, *послушай*, что я тебе сейчас

скажу. Ты не такой человек по натуре, не убийца, не вор. Мы тебе не сделали ничего плохого. Ты не настолько жаден. И ты сказал, что отец Хаима был тебе другом…

Ее изумил собственный тихий, рассудительный голос, каким–то образом звучавший без вмешательства сознания — то накалилось добела от ужаса перед смертью.

Фитч издал смешок; было в нем что–то не менее отчаянное, нежели ее собственный ужас, как если б он не в силах был поверить, что в действительности поступает именно так. Но он помотал головой, а безмолвный резак в его руке не шелохнулся.

— Мы не были близкими друзьями. К тому же, думаю, он бы понял. Он бы понял человека, который всю свою жизнь провел в космосе, состарился раньше срока. А когда ты старишься раньше срока, как и твой корабль, когда за всю жизнь ты не достиг ничего более существенного, нежели просто остаться в живых и продолжать поиски, когда ты знаешь, что родился неудачником, что умрешь старым, нищим, одиноким… когда ты все это знаешь и видишь, как молодая здоровая парочка заполучила корабль и отправилась разведать богатую жилу…

— …ты чуть с ума не сходишь, — закончил Хаим негромко.

— Нет! — воскликнул Фитч. — Ты наконец начинаешь мыслить здраво. Ты осознаешь истинное положение вещей, что никто не виноват в нем, кроме тебя. Я все время жил по законам, и что мне это дало? Ничего. Теперь я буду устанавливать их сам. Больше ничто не имеет значения, в том числе и вы. Не занимайте мое время пустой болтовней, — добавил он, заметив, что Митили пытается вставить слово, — а начинайте отступать.

Он сделал жест лазером. Она оглянулась. До зияющей пасти реакторного зала было меньше двух метров, ее края бородой обрамляла свисающая рухлядь. Если упасть в яму, падение смертельным не будет, но хлам, прилетевший сверху, погребет их там навеки. Ее взгляд метался с изогнутого куска металла к бетонному обломку, она искала импровизированного оружия, понимая, однако, что быстро спасти себя или Хаима от Фитчева резака нечем.

Рядом Хаим резко сместился, но не назад, а вперед, к Фитчу, продолжая протягивать руки. Она с неожиданным омерзением задумалась, не собирается ли он просить пощады. Но не успела и закончить эту мысль, как он пошатнулся и осел

на колени в груду строительного мусора.

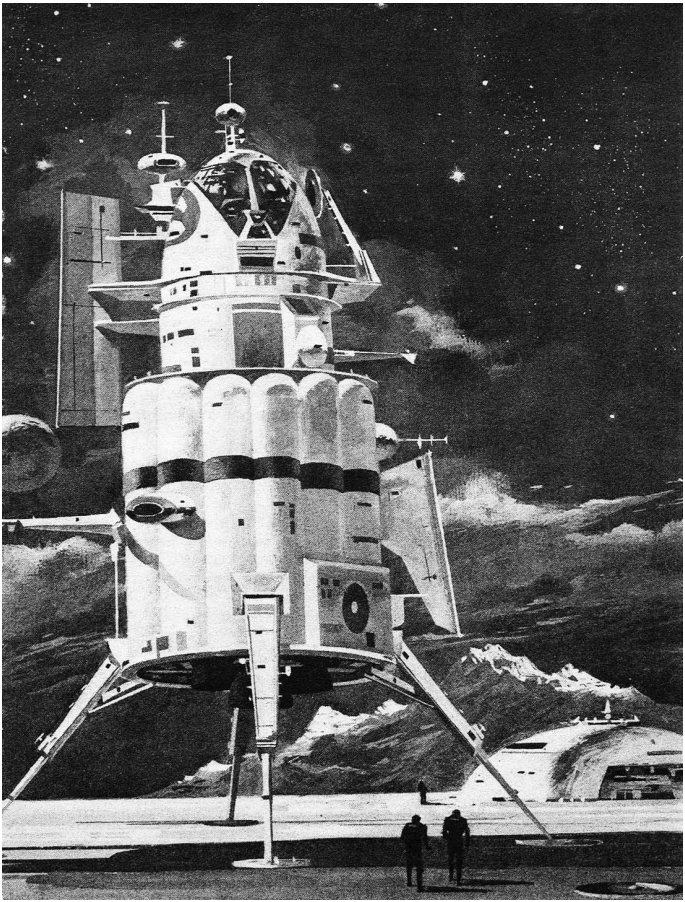
Фитч ругнулся, и ствол лазерного резака слегка вильнул книзу, следуя за Хаимом.

— Вставай.

Его внимание переключалось между ними.

Хаим неловко задергался, подняв медленно воспарившее облачко мусора. Митили удивилась его неспособности восстановить равновесие — неужели он настолько испуган? Но затем, в мгновение ока, он вскочил, пришел в движение — курс на столкновение увел его к оружию в руках Фитча.

— Митили, прочь!



Вопль смешался с его движением, ударом, хаосом, треском молнии. Она опрометью метнулась в сторону; лазер сбойнул, пронзил место, где она была мгновением раньше, и у нее глаза заслезились от вспышки. Она слышала новые удары и вопли, яростно пытаясь проморгаться и вернуть дар зрения мельтешившему тьмой и светом пространству в голове, и по–прежнему цеплялась за выступавшую из груды мусора металлическую балку. Наконец вытянула и воспарила вверх с нею. Периферией пострадавшего зрения углядела борьбу двух мужчин, которые пытались сохранить равновесие в мягком море мусора. Прерывистая кровавая полоса лазерного луча взъерошила тьму. Колено Фитча врезалось Хаиму в живот, отшвырнуло назад, и тот выпустил резак.

Фитча тоже откинуло назад обратным импульсом приданного движения, он воспарил в воздух, немного сориентировался и снова навел лазерный резак. Митили метнула балку, и хотя реакция тела исказила замысел, ей удалось выбить резак из рук Фитча. Оружие по ленивой спирали закружилось в пустоте. Красный луч метался из стороны в сторону, как перст Господень, и до Митили дошло, что в резаке заклинило

переключатель режимов.

— Осторожнее! Осторожнее!

Она вскинула руки, прижала к визору… и беспомощно пронаблюдала, как Фитч пытается ускользнуть с пути луча. Ему это не удалось. Он был застигнут врасплох, тело его истошно дергалось, ухватиться было не за что, отклониться некуда. Он завопил, увидев, что собственное оружие обращается против него же.

Поток усиленного света лениво мазнул его, распорол скафандр, обуглил ткань и плоть, высвободил уловленный внутри кислород, разрушил искусственную экосистему, отделявшую от вакуума снаружи. Предсмертный крик Фитча съело шумом вылетающего в вакуум воздуха, так что больше она от него ничего не услышала.

Поворачиваясь книзу, пылающий палец нацелился на Хаима, но тот оттолкнулся, перестроился в воздухе и, продолжая кувыркаться, вывел из равновесия кучу мусора. Обломки начали оползать в отверстие реактора, увлекая его за собой.

— Хаим! — На сей раз у нее вырвался вопль — его имя. Она видела, как его сносит на край дыры. Он цеплялся за переменчивую поверхность мусорного потока, словно изображал хождение по водам, но попытку эту прокручивали в гро-

тескно замедленной съемке, что придавало ей оттенок пантомимы. Кусок цемента ударил его в грудь, прервал суетливое перемещение вверх и отшвырнул обратно.

В миг, когда началось его падение, Митили швырнула себя к яме с удвоенной силой и, опустившись на сдвигающемся краю дыры, бесстрашно качнулась ниже и наружу. Поймала Хаима в свободном падении, отчаянным захватом выщепив его за ногу, когда соскальзывала в яму. Тело ее дернулось, приданный совместный импульс послал их через гребень лавины бетона и металла ко дну ямы. Нога стукнулась о цемент с такой силой, что, казалось, зубы от удара скрежетнули, а кости скрипнули о соединительную ткань.

— Шевелись! Шевелись!

Ей не требовался хриплый крик Хаима, чтобы понять, как нужно действовать дальше — уходя от лавины, снова оттолкнуться и слепо прыгнуть по полу. Он последовал за нею, вместе они достигли дальней стены и снова чувствительно ударились, пока позади с неумолимым безмолвным грохотом обрушивались на пол потоки хлама. Она устроилась у подножия стены, обмякла от боли и усталости, не в силах обернуться.

— Спасибо, — густым голосом произнес Хаим, изможденно опускаясь на корточки рядом с ней. — Господи, спасибо, что ты не сбежала.

Он рассмеялся с болезненной иронией.

Она вскинула голову. Все ее тело вдруг неудержимо задрожало.

— Дурак! Безмозглый подонок! Ты зачем на него полез? Ты на него с голыми руками бросился, это чудо, что он тебя не изжарил! Что ты, блин, доказать–то пытался?

В аудиосистеме скафандра снова зазвучал смех, усталый и хриплый. Она недоверчиво вслушивалась.

— Никак не могу тебе угодить. — Он приподнялся, опираясь на ее плечо. — Наверное, я пытался доказать тебе, что случившееся на Второй не повторится.

Она прильнула к нему, их тела соприкоснулись скафандрами. Лица встретились в молчании — стекло у стекла.

* * *

Они погребли Фитча, единственного жителя города мертвых, в заброшенном поселении под фабрикой. Митили, чувствуя прилив смятенных эмоций, слушала, как Хаим произносит речь над

телом. Он назвал Фитча символом всего человечества Небесной системы, а то, что его убило, — символом того, как человечество на Небесах уничтожало себя. Не технология была тому виной, но безудержная алчность.

Потом они активировали эвакуационное оборудование звездолета, вырезали из развалин фабрики манипуляторы и подняли их. Сжимая сокровище своими паучьими лапами, *Мать* двинулась восвояси, проложила себе путь через безлюдные пустоши пространства туда, где продолжало биться угасающее сердце Демархии. Хаим не пытался принуждать девушку к какой–либо близости, но она ощущала, что его к ней тянет, и была благодарна за это. Она не чувствовала ни потребности отталкивать его, ни привлекать, покуда еще не готова, а вместе с тем испытывала благодарность, что он ее понимает; и это самое понимание невольно влекло ее к спутнику. Путь за пределы Демархии представлялся бесконечностью одиночества, совместное возвращение же было как погожий денек, свет которого чем дальше, тем уверенней размывал тени прошлого.

Задолго до возврата в сферу влияния Демархии они вышли на радиосвязь и доложили о находке.

Они представляли себе, какой будет реакция, и не обманулись в ожиданиях. Но когда впереди показался планетоид Калькутта, Митили внезапно ощутила, как снова растет напряжение у нее внутри.

— Митили… что тебя гнетет? — Хаим внимательно изучал ее лицо поверх подносов с едой на металлической столешнице. Хамелеон угнездился у него на плече и тоже глядел на нее одним из независимо движущихся глазков. Аппетит Хаима казался непритворным, Митили же сидела, вяло ковыряя липкую смесь бобов и риса, словно капризная девчонка. — Что опять не так?

Она отвела взгляд от медиапроигрывателя, установленного рядом со столом; из него лился какой–то развлекательный бубнеж.

— Ничего, — пробормотала она, не найдя приемлемого ответа.

— Ты меня не проведешь. Скажи мне, в чем дело. Я в чем–то ошибся?

Отчаяние на его лице так поразило ее, что она, сама того не желая, рассмеялась.

— Нет. Нет, дело не в тебе, Хаим. Это… не знаю. Я просто… мне ненавистно думать, что это так заканчивается. — Смех ее увял. — Ирония судьбы. Я ненавидела это путешествие, этот корабль, — *и*

тебя, с трудом прикусила она язык. — По пути туда. А теперь мне горько думать, что наше путешествие завершается.

— Да? — Абсурдное выражение его лица не менялось, в отличие от эмоций, проявленных в голосе. — Но это не конец, а лишь начало. Теперь корабль наш, насовсем. Мы свободны…

— Свободны для чего? Свободны закончить свои дни так же, как Фитч?

Она тут же пожалела о сказанном, но, услышав собственные слова, наконец сообразила, что именно ее гложет.

Он откинулся в кресле и скорчил гримасу, как если бы эта идея ему до сих пор на ум не приходила. Но покачал головой.

— Нет. Не так все будет. Потому что.. — он помедлил. — Потому что обратное путешествие кажется нам приятней не из–за денег или по контрасту с их первоначальной нехваткой. Это потому, что мы вместе. — Его пальцы стиснули край стола. — Блин, да если потребуется, мы газы на этом корабле возить станем, чтобы заработать на жизнь! Но я полагаю, мы всегда сумеем прожить старательством, если по–настоящему захотим. А я хочу. Такая находка *многого* стоит. Она важна не только для нас самих, но и для всей

Демархии. Она позволяет выиграть еще немного времени нам всем.

Глаза его стали отстраненными.

— О, если бы гребаный реактор остался на месте!

Тень сомнения накрыла ее разум; после всего, виденного в Основном Поясе, она была склонна ему поверить.

— Думаешь, реактор бы спас Демархию?

— Не… не знаю. Думаю, помог бы. В любом случае, мы бы его продали за такую сумму, что я смог бы осуществить мечту Секки–Олефина. Подбить демархов на колонизацию Второй планеты.

— Ты по–прежнему веришь словам старого чудака? — не сдержалась она, чуть повысив голос.

— Но они вполне разумны! — ответил он не менее резко. — Он объяснял, что Вторая планета ничем не хуже некоторых районов Древней Земли. Не хуже Антарктиды. А в Антарктиде люди жили.

— Антарктида. — Она покачала головой. — Антарктида была покрыта льдами, ты это знаешь? Ну да, он прав. Вторая планета ничуть не лучше.

— Но это настоящая планета, как и Земля… — Он подался вперед, хамелеон настороженно накренился, уцепившись за его воротник, и по-

моргал. — Там не требуется искусственная среда, как в космосе. Не нужна технология ее создания, не нужно все с нуля производить. Воздух, вода… все, что душе угодно. Естественное окружение.

— И еда? И тепло? — снова не сдержалась она. — Ты что, всерьез полагаешь, будто на Второй планете выжить проще? Там чересчур холодно. Человеческие поселения в Антарктиде существовали только потому, что остальная Земля, где климат лучше, могла себе позволить их обеспечивать. Пока на Земле не достигли высокого уровня технологии, в Антарктиде никто не селился.

— И откуда ж ты так наслышана про Землю, а? — язвительно бросил он.

— По книгам училась. Ты их видел… — На сей раз ей удалось удержаться от упрека. — Помнишь ту книгу по экологии, которую я тебе показывала? Неужели ты ничего из нее не понял про *естественные среды*?

— Не так много. — Он потупился. — Я о другом думал… Ты уверена, что это невозможно, да? Ты думаешь, мы Демархию из огня да в полымя затянем? Ты полностью уверена, что Секка–Олефин спятил и не понимал, о чем говорит?

Она кивнула.

— Дурацкая была мечта, Хаим. Ему попросту

требовалось как–то отвлечься, он же застрял там совсем один. — Увидев его лицо, она заговорила мягче. — Если хочешь, прочти эти книги сам.

Он покачал головой.

— Но в другом он не ошибался. В том, что происходит на Небесах, с Демархией и нами. В конце концов нас всех ждет смерть. Если не основать колонию на Второй, бежать будет некуда. Ничего нельзя будет противопоставить… лишь цепляться за жизнь, покуда можем. Делать то, чем мы и так заняты; это уже что–то… — Он медленно покатал консервную банку по столешнице, наблюдая за бесцельными движениями рук.

— Да. — Она кивнула, почувствовав внутри великую тяжесть. От нее не суждено будет избавиться до конца жизни. — Наверно… наверно, стоит нам продолжать изыскания. Мы уживемся. Мы неплохая команда.

Принужденно улыбнувшись, она вдруг поняла, что верит своим словам.

Из рубки донеслось требовательное звяканье, подобное звону рассыпавшихся монет: начинался последний этап перехода к Калькутте. Митили расстегнула кармашек комбинезона и рассеянно полезла в него. Вытащила украшения, найденные на безымянном планетоиде, где переменился

ход их жизней. Отделила кольцо от ожерелья и отдала ему.

— Возьми, — сказала она с веселостью, которой почти не испытывала. — На память. В кои–то веки предстанем перед публикой богатыми ублюдками. Если даже это подделка, другого момента у нас может и не быть.

Он рассмеялся, обрадованный переменой темы, и охотно принял тяжелое кольцо. Покрутил в пальцах.

— Тот, кто носил его, наверняка весил не меньше тонны, хе–хе. — Он просунул палец в кольцо; то едва удерживалось.

— Возможно, его носили поверх перчатки скафандра. — Она распутала витиеватые подвески и покачала головой. — Кто бы ни носил такую штуку, с них бы сталось проявить вульгарность и надевать украшение снаружи.

— Может, оно древнее. Наши предки были намного мускулистей.

Хаим прищурился, разглядывая внутреннюю поверхность ободка. Внезапно напрягся, поёрзал, поднес кольцо ближе к глазам.

— Мити… скажи мне, что ты там видишь.

Он передал ей кольцо так осторожно, что она озадачилась, не пришло ли ему в голову сыграть

с нею какую–нибудь шутку.

Но она приняла кольцо и поднесла к свету. Рассмотрела едва заметные, почти стершиеся символы на внутренней стороне, и ее пальцы тоже онемели.

— Че… четырнадцать карат?

Она уставилась на него. Глаза еще болели от натуги.

— Оно настоящее? — выдохнула она. — О Шива! Не может оно…

Она поспешно подхватила ожерелье, выбрала камень соответствующего оттенка и провела им по стеклу, закрывавшему циферблат часов. Появилась ощутимая подушечками пальцев царапина. *Настоящее.*

— А там их была целая куча…

— О Боже. — Он стал бить себя руками по лбу.

— Ну ничего. Когда продадим манипуляторы, снова слетаем туда и заберем остальное. — Она вскинула ожерелье, понаблюдала, как оно апатично болтается в воздухе. — Может, с приходом тьмы оно и будет значить мало, но пока вокруг хватает слепых самодовольных богатых ублюдков, которые его купят и обеспечат нас на первое время. — При этой мысли она почувствовала злорадное удовольствие. Хамелеон спускался по

груди расшитой рубашки Хаима. — Счастливчик… — Она покачала головой. — Ты оправдал свое имя. Как только доберемся домой, малыш, я тебе столько кузнечиков накуплю, что из ушей полезут!

Она усмехнулась.

Хаим фыркнул, тоже развеселившись.

— Да уж, мы его не подведем. — Он потрепал хамелеона по пятнистой зеленоватой спинке. Потом покрутил кольцо на пальце, и глаза его потемнели опять. — Все это настоящее.

— Хаим?

Он покачал головой.

— Да так… Я просто подумал о золоте дураков… о дурацких мечтах. Митили… — Он протянул к ней руку и накрыл ее ладонь своей. — Может, я тороплю события, но хочу это сказать сейчас, пока мы… наедине.

Она опустила взгляд на свою руку, снова посмотрела ему в лицо, удивленная его внезапными запинками.

— В чем дело?

— Мити… Я хочу жениться.

— Что-о? — Она поморгала, потом снова. — Жениться? А на ком?

— На тебе, блин! А на ком еще? Да, знаю, знаю…

— он не давал ей перебить себя, — я тороплю события. Я не пытаюсь тебя подгонять. Выбор за тобой, как было всегда. Я просто хочу, чтоб ты знала, что я… что я этого…

Его рука сжалась.

Она нервно высвободила свою, потеребила воротник.

— Тебе известно, что я бесплодна. Я никогда не смогу иметь детей.

У нее комок подкатил к горлу, и она умолкла.

— Знаю. Меня это устраивает. Я не хочу детей. Не хочу отпускать их в мир без будущего.

— Тогда зачем? Зачем вообще жениться?

— Потому что это накладывает обязательства. Я буду помнить, что мне есть ради чего жить, даже если будущего у нас нет. Наша собственная жизнь окажется не так уж плоха, если постараемся урвать от нее все лучшее. И потому что… — он перехватил ее взгляд, — потому что, думается мне, я люблю тебя, Мити.

Он глубоко вздохнул.

Она опустила глаза, сцепила пальцы, изогнула их, словно проверяя, идут ли они ей. Снова подняла взгляд. У нее саднило горло; она все еще бессильна была озвучить слова, которые так долго таила в себе, в надежде, что он прочтет ответ по

ее глазам раньше, нежели слова сорвутся с губ.

— Я… не готова сейчас ответить *да*, Хаим. Но я и не говорю — *нет*.

Она расплела пальцы и спокойно подала ему руку.

Он усмехнулся.

— Блин. А я ведь еще могу уломать человека на свою задумку, если захочу этого.

* * *

Они наконец покинули корабль и стали спускаться по длинному кабелю на калькуттский причал. Там яблоку негде было упасть от журналистов, корпоративных и самозанятых; гомон вопросов белым шумом глушил аудиосистему скафандров. Но когда они насилу отбились от любопытствующей толпы, оказалось, что встречает их, собственно, лишь один человек. Митили заметила эмблему на его темном скромном скафандре: серебряная восьмиугольная звезда, обрамленная слезой. Символ Демархии. Хаим покосился на нее и прошептал:

— Абдиамаль, что ли?

Она кивнула. И представила себе самодовольную улыбку другого, литанию иронических поздравлений, которые он наверняка пригото-

вил, узнав об их успешном возвращении.

Резко нахмурившись, Митили слегка пихнула Хаима локтем.

— Держись от меня подальше, д'Артаньян. Надеюсь больше никогда тебя после эдакого не увидеть!

Он уставился на нее. Она подмигнула ему. Изумление миновало; д'Артаньян слабо улыбнулся и кивнул.

— Да я и сам того же мнения, глупышка! Если Абдиамаль мне еще хоть раз попадется, я ему как следует зубов поубавлю.

— Придется тебе действовать в порядке живой очереди... — Изобразив удивление, она злорадно воскликнула: — А, вот и вы, Абдиамаль!

Абдиамаль оглядел их и покачал головой. Лицо его было кислым.

— Гм. Ну что ж, у меня к вам, э-э, всего один вопрос.

Они остановились, храня прежнее грозное выражение.

— И какой?

— Вы не собираетесь меня пригласить на свою свадьбу?

Двое молча, недоверчиво посмотрели на него, затем переглянулись между собой. Хаим мед-

ленно стащил с пальца, затянутого в перчатку, золотое кольцо и размашистым жестом опустил его на раскрытую ладонь Абдиамаля. Они улыбнулись, обошли его с двух сторон, взялись за руки и пошли дальше по космодрому.

Вернор Виндж. Рассказы

Сухой мартини

Догадывалась ли я, что Хорек Фаулер станет известным человеком? Да ни в жисть. Иногда мне думается, что Галактике было бы куда лучше, если б этот гаденыш оказался чуть ближе к месту своего первого эксперимента. Возможно, успешных примеров колонизации у нас насчитывалось бы меньше, но и плохие ребята бы не получили в свое распоряжение гиперновые.

В 78-м Хорек служил у меня офицером по науке на Нельсоне Бонде. Ох и славные были деньки. Телепорт–двигатель всего пару десятилетий как изобрели. Человеческая раса наконец постигла свою восхитительную уникальность: жизнь во Вселенной встречается повсеместно, однако, если не считать Матери–Земли, никого умнее водорослей там не водится.

Вы, конечно, в курсе, и вас это совсем не беспокоит; стараниями Хорька переделка планет выглядит элементарным занятием. Но в 78-м там, в туманности Ориона, нам она такой не казалась.

Третья планета звезды, проходившей по общим каталогам под номером 34920029, представляла

собой мир земного типа, с почти круговой орбитой, расположенный в самой середке умеренной зоны своей системы. Не чаще раза на миллион систем находишь такую куколку. Настоящий рай. Но не без мелких недостатков, куда от них деться. Именно за этим — исправить недостатки — и наняло нас Агентство Продвинутых Проектов. Видите ли, третья планета была на миллиард лет старше Земли, и когда–то здесь вполне могла существовать жизнь. Затем, как обычно везде и случается, океаны либо улетучились в космос, либо впитались в кору, оставив по себе лишь бескрайнее высохшее дно. А вот кометное облако системы никуда не делось. АПП заказало нам восполнить океаны кометной водой и насадить на планете первоначальную форму землеподобной экосистемы.

Тут–то и выдвинулся на передний план Хорек Фаулер. Его техники рыскали в местном облаке Оорта, готовя к телепортации пару тысяч комет. А Хорек, вы спросите, где — на окраине, вместе со своими людьми? Хренушки. Он не вылезал из базового лагеря на третьей планете, на склоне горы, что в древности, подобно Мауна–Кеа, вставала из утраченных этим миром океанских вод. Я указала ему на это, и Хорек не замедлил предоставить

кучу объяснений.

— Но, мадам капитан, я ведь занимаюсь исследованиями океанского дна.

— Лейтенант Фаулер, вам следует обращаться ко мне капитан Ли.

— Э-э, гм, да, мэм.

Хорек словно бы искал чего–то глазами в небе. Я застигла его довольно далеко от лагеря, уже после заката. Звезда OK34920029 удалена всего на пятьдесят светолет от крайних метелок туманности Ориона. Вид открывался не такой, какого можно было бы ожидать по красочным астрофотографиям с цветастыми фейерверками. Едва различимые глазом вихри и завитки раскинулись на все небо, Меч Ориона занимал добрых пятнадцать градусов, а половину неба мрачным знамением укутало темное молекулярное облако.

Хорек жестом обвел небосклон.

— Мэм, у нас там всего два спутника слежения, а дно требуется закартировать с сантиметровой точностью. Мы, гм, обязаны увериться, что кометы попадут в точно назначенные места.

— Фаулер, но стометровой точности вполне достаточно. Кого колышет, если мы попутно разбомбим с орбиты чью–то недвижимость?

— Э, гм, да… — Ага! Он наблюдает за огоньком, медленно пересекающим северную часть небосвода. Яркая искорка была не одним из наших спутников, но кораблем службы контроля качества АПП, Уинстоном П. Сандерсом[4].

Хорек в своих мемуарах утверждает, что великая идея посетила его еще до отлета Нельсона Бонда с Земли, но это чушь собачья. Для трюка, который он в конечном итоге провернул, топографическая карта высокого разрешения действительно пригодилась, но я-то знаю, что на тот момент он еще до этого не докумекал. Понимаете ли, что бы там Хорек ни наплел в своих мемуарах, а вокруг базового лагеря Фаулер слонялся по куда более простой причине.

Он указал на тускнеющий и удаляющийся к горизонту огонек Уинстона П. Сэндерса.

— Вы как думаете, Шейла к нам еще заглянет?

Шейла. Контракт–менеджер АПП. Хорек втюрился по уши.

— Хорек, ну твою дивизию! Ты что, на свидание собрался?

— Ну, я же знаю, если б она мне только шанс дала, то мы непременно бы понравились друг

---

[4] Примечания: 4
Более известен в НФ как Пол Андерсон.

другу! Я ее приглашал спуститься. Опрокинуть стаканчик. У меня особый талант к очень сухим мартини. Уверен, если выждать достаточно долго, она непременно соблазнится.

О Боже.

Я сграбастала Хорька Фаулера за шею и респиратор.

— Лейтенант, внимание. Шейла Мбабе — офицер АПП, профессионал. Она если и появится, то внести финальный штрих в нашу работу, а не на свидание с кем–то из моего экипажа, ясно?

Даже не вдаваясь в профэтику, я себе вообразить не могла, чтобы Хорек вызвал у нее какой бы то ни было интерес.

— Да, мэм.

В голосе Хорька слышалось отчаяние. Это значит, что и тогда он еще не додумался до великой идеи. Я вспоминаю, как он отвернулся и поднял голову к сиянию Ориона. Он думал про Шейлу Мбабе, сухой мартини и неизбежное отступление в бездны межзвездного пространства — чтоб себя понапрасну не изводить.

— Мэм, а вы никогда не задумывались, что там, в молекулярных облаках?

Я пожала плечами. Я все еще не вполне успокоилась от осознания, какой хмырь у меня в

экипаже засел.

— Газ. Пыль. Куча маленьких звезд пытается родиться на свет.

Он задумчиво похихикал.

— Ага, а их старшие братья и сестры сдувают прочь то, что может пригодиться малышне. Газ — в основном водород, атомный, молекулярный, ионизированный. Но воды и органики тоже хватает. Ближайшая долька облака, Седалище Ориона, диаметром четыре световых. Молекула тут, молекула там, в миллион раз больше воды, чем во всех океанах, когда–либо попадавшихся человеку.

— Да, и вода эта совершенно недосягаема. Были бы наши желания рыбами, Фаулер, ты бы стал богачом. Вам, техникам, хватило бы пары тысяч комет ближнего космоса, чтобы набить карманы.

— Но, возможно, проще было бы… О Боже.

Фаулер опустил взгляд. Я не могла быть уверена тогда, во мраке, но думаю сейчас, что у него глаза полезли на лоб. Он больше ничего не сказал, но, клянусь, в тот самый миг чувака посетила великая идея. Господи избави. Неужели без моего вмешательства этого бы не случилось?

Шейла Мбабе строго придерживалась бухгал-

терии контракта. Не телепортируй мы кометы на дно высохших океанов третьей планеты к условленной дате, плюс–минус, Шейла с нас бы суровый штраф содрала.

Я убедила ее, что мы идем по графику. На бумаге все так и выглядело; Хорек предоставил отчеты своей команды. Несколько сотен тщательно позиционированных термоядерных зарядов обкорнали кометы таким образом, чтобы наша аппаратура для телепортации уже могла с ними справиться. Но у меня имелись серьезные сомнения, что он играет честно. Я заметила, что Хорек сутками напролет понукает корабельные компьютеры. *Я просто конфигурацию комет выверяю,* объяснял он, хотя его программы были не из стандартной библиотеки. Он разобрал и переделал систему удаленного телепорта, установленную на Нельсоне Бонде. На этот случай у него было другое объяснение: *Я просто проверяю, справится ли телепорт со всеми кометами по графику*. Но мой системщик, Джим Рассел, сообщил, что в действительности телепорт от этих действий расфокусировался.

Я предоставила Хорьку полную свободу рубить сук, на котором сидит. Когда настанет великий день, наш телепорт ничего не выудит, и Хорек

выставит себя на посмешище. Да, нас обложат штрафами, нам придется все переделать, но у меня появится законный повод наподдать Хорьку под зад так, чтоб до самого Солнца катился, и наконец все исправить.

И в тот день, когда кометный дождь должен был обрушиться на третью планету, Хорек оказался в центре шоу. Шейла Мбабе оставалась на орбите. Коротышке не удалось ее выманить на коктейль, но в кои–то веки он завладел полным ее вниманием.

Мои корабль и экипаж не сдвинулись с места на горе третьей планеты. Мне представлялось вероятным, что точка изначальной высадки — самое безопасное место, если учесть, как основательно Хорек расфокусировал телепорт. Но лейтенант Фаулер не лукавил. Думаю, к тому моменту он и вправду все рассчитал. Ну, почти все. Оказалось, что он не учел одной небольшой, но практически роковой детали.

Хорек оборудовал претенциозный подиум для себя, меня, нескольких членов экипажа и Шейлы Мбабе, чье отсутствие, впрочем, бросалось в глаза. Он даже утащил у кока поллитра вермута и поставил бутылку на льняную скатерть перед камерами. Выглядело это крайне патетично.

Фаулер приступил к заготовленной речи:

— Здравствуйте, Шейла. Я обещал, что мы уложимся в определенный контрактом срок, и сегодня вы увидите, что так оно и есть. Вот как все выглядело раньше. — Он указал на миллиардолетнее мертвое океанское дно под сухим голубым небом. — Сегодня, Шейла, здесь появятся океаны!

На плоском экране виднелось лицо Мбабе. Наверное, по мужским понятиям она красотка; основные инстинкты у Фаулера соответствовали норме. Мбабе неловко улыбалась, явно понимая, что имеет дело с фанфароном.

— Лейтенант, но мгновенные океаны нам не нужны. Даруйте нам две тысячи точно нацеленных, рассчитанных на мягкое столкновение комет.

Это значит, что и она не понимала истинных планов Хорька. В те годы АПП, как и все остальные, полагало, что для сотворения океанов — и даже всякой контрактной мелочевки — потребуется сперва доставить кометы, а потом выждать несколько десятилетий, пока лед растает.

Глаза Хорька загорелись.

— О нет! Я могу сделать кое–что получше. Вы никогда не задумывались… — он обвел взмахом

руки голубой небосвод, — что в межзвездной среде хватит вещества на все мыслимые нужды? Воды, кислорода, водорода. Органики, начиная со строительных блоков сложных углево…

На красивом личике Мбабе возникла темно–синяя гримаска недоумения.

— Лейтенант, вы вообще о чем? Вы предлагаете телепортировать целые кубические светогоды межзвездной среды? Но это невозможно и не будет возможно никогда. Энергобаланс как свести прикажете?

— Не говоря уже о том, как импульсы погасить, — добавила я. Пора было продемонстрировать профессиональное недоверие. — Лейтенант, а чем вы в действительности занимались на протяжении недель, отведенных вам под позиционирование комет?

— Именно этим! — воскликнул Хорек. — Портирование двух тысяч комет — дискретная задача! Она всегда сложнее протяженного случая. Там, в Седалище Ориона, йоттатонны тончайших газов. Бортовым телепортом Бонда можно пользоваться практически на манер радиоприемника. Теперь наш телепорт превратился в совершенно новое устройство — я позволю себе называть его телечерпаком. Его можно настраивать на опреде-

ленные химические соединения, позиционируя улов в точности по тем координатам и векторам скорости, какие нам требуются. Лишь крайне малая доля межзвездного вещества, доступного в Орионе, удовлетворяет всем критериям, но и ее более чем довольно!

— А… а, понятно.

У Шейлы Мбабе был вид лучезарной девчонки–выпускницы, но она достаточно давно работала контракт–менеджером, чтобы такие вот чудики в кумаре могли ей голову заморочить. Взгляд ее переместился… она поискала меня.

— Капитан Ли, мне представляется очевидным, что Нельсон Бонд не выполнил ключевое требование 37а, сформулированное как *доставка протоокеанического вещества на океанское дно целевого мира*, а именно, третьей планеты OK34920029. Вам не кажется, что проще опустить дальнейшие формальности и сразу обсудить штрафные взыскания?

Видимо, она понимает, что тут всего один чудик в кумаре, подумала я. Штраф мы переживем почти без последствий, но для этого нужен будет новый офицер по науке.

А Хорек не собирался умолкать.

— Нет, нет, нет! Шейла, я действительно могу

проделать все то, о чем говорю! Как жаль, что тебя сейчас здесь нет, мы бы отметили мое достижение самым классным сухим мартини во Вселенной. Гляди же!

Он сбросил со стола какую–то белую тряпку, игравшую роль скатерти, и под ней обнаружилась здоровенная красная кнопка. Коротышка явно запаниковал, не рассчитывая, что его так быстро прервут. Он протянул руку и решительно ударил по красной кнопке…

Вы наверняка догадались, что я не из фанатичных поклонниц Хорька. У него были просчеты, некоторые — астрономического масштаба, и не последним из них я считаю его полные вранья мемуары. Но вынуждена отдать ему должное: математику Хорек выверил безукоризненно. Человечество впервые попробовало на вкус улов телечерпака Фаулера. Хорек закартировал океанское дно третьей планеты с сантиметровой точностью, необходимой для аккуратного распределения телепортируемой материи. Сейчас это легко, но вы не учитываете одной маахонькой детали: Хорек был первым, и ему с первой попытки все удалось. (Полагаю излишним уточнять, что в противном случае нам всем пришел бы конец.)

Все сработало настолько идеально, что на лице

Мбабе проявился искренний гнев.

— Капитан Ли, это что еще за глупые шутки? А ну выключайте цифровую анимацию.

— Что?..

Я подняла взгляд от экрана и лица Мбабе — и увидела раскинувшийся до горизонта океан. Секундой раньше здесь были глубочайшие каньоны и сухое океанское дно. В следующее мгновение — мирные волны.

— Шейла, он настоящий! — Хорек с трудом сдерживался, чтобы не пуститься в пляс. — Черпак сработал идеально! — Он схватил вермут и ринулся с ним на… пляж. Ну а как еще это было теперь назвать? — Я поднимаю символический тост, Шейла. Именно на него я тебя и приглашал!

Мы уставились на Фаулера, бегущего навстречу ласковому прибою. Голос рассудка в моей голове успокоительно заверял, что это все спецэффекты. Как ни идеальны были согласование скоростей и сброс избыточной кинетической энергии, побочных эффектов не избежать. Он только что обрушил на эту планету миллионы гигатонн воды. Я вспомнила термин, которого доискивалась: изостатическое равновесие. Или, вернее, отсутствие такового.

— Фаулер! Ноги в руки и возвращайся! Сейчас

начнутся землетрясения. Столько воды!

И земля под моими ногами вздрогнула слабым предвестником надвигающихся катаклизмов.

Хорек рассмеялся, но остановился на краю прибоя.

— Но у нас еще минут десять до первого цунами! — прокричал он в ответ. — И потом, капитан, это ведь не вода!

Я поглядела на системщика. Тот пожал плечами. Я подняла респиратор и принюхалась.

— Боже правый.

Фаулер отплясывал джигу на трясущейся скале, пытаясь не разлить вермут, и хохотал как безумец, кем он, собственно, и являлся.

— Океан из чистейшего этилового спирта! Видишь, Шейла? Весь мир упьется! А теперь всего одна ма–аленькая унция вермута за…

Да–да, за самый сухой мартини во Вселенной. Но Хорьку следовало поторапливаться: Джим Рассел схватил меня за плечо и указал на море. Мгновение назад воздух был чист и прозрачен, был таким и до появления этилового спирта. Теперь же… над горизонтом собиралась светящаяся дымка. Фиолетовая, все более яркая, она возносилась в небеса. Хорек просчитал все угрозы космического масштаба, но…

— Хорек! Это никакой не мартини! Это фламбе со вкусом третьей планеты!

Фаулер вскинул голову и издал приглушенный вскрик ужаса. Швырнул вермут в море и ринулся догонять нас вверх по склону, к Нельсону Бонду, соревнуясь в скорости с накатывавшим на скорости звука фронтом взрывной волны.

Этанольный пожар бушевал по всей планете, но тектоника плит оказалась еще энергичней. Кубические километры породы взлетали в воздух. Нельсону Бонду и Уинстону П. Сэндерсу пришлось несколько недель укрываться на орбите. Плотные тучи мудреного химического состава скрывали из виду самый сухой мартини во Вселенной. Даже после того, как свободный кислород весь израсходовался, в тучах продолжали грозно сверкать молнии и вспышки взрывов.

Не замедлили явиться военные, ученые и журналисты всех мастей. В мемуарах Фаулер утверждает, что его достижение повергло их в ошеломленную немоту. Возможно. А мне помнится, что Нельсона Бонда взяли под орбитальную стражу, пока Агентство Продвинутых Проектов пыталось решить, какой из следующих вариантов им удобней:

а) мы запороли терраформирование планеты

так, что вовек не разгрести,

б) мы открыли новую эру планетарной инженерии,

в) и то, и другое.

Хорек держался бодрячком, но ясно было, что он сильно нервничает. Он заявил, что черпак мог перенести воду с меньшими затратами, чем этиловый спирт — и, кажется, до него начало доходить, что именно такая альтернатива была бы предпочтительна.

Я держала гаденыша в неведении, а сама пыталась убедить АПП, что им лучше прибегнуть к варианту в), немного смягчив формулировку: *революционное достижение, подтверждение принципа, который после устранения неизбежных погрешностей позволит с легкостью терраформировать новые миры*. Хорек утверждает, что я приписала себе все его заслуги. Это не так! Но, честно говоря, мне доставляло удовольствие наблюдать, как он дергается. В конце концов, он чудом нас всех не поджарил заживо.

Когда АПП согласилось объявить телечерпак Фаулера прорывом в прикладной науке, я спустилась к Хорьку в каюту и поболтала с ним напоследок. Я собиралась поведать ему эту новость, но не прежде, чем он еще разок на вертеле

прокрутится.

Я обнаружила, что стены каюты украшены его новыми планами. Планеты в направлении ядра Галактики, считая от гигантских молекулярных облаков Ориона, терраформировать будет легко. Избыточное тепло поглотят сами туманности. И — во прикол! — открылись возможности для новых видов оружия. Зачерпнуть как следует водорода из ГМО, сжать его в цельную массу, превосходящую весом обычные звезды, и потенциально высвобождаемая энергия будет как при вспышке гиперновой.

Но Хорьку не сиделось на попе ровно.

— Не понимаю. Где же Шейла? Это же все для нее.

Я обозревала грандиозные планы галактической инженерии Хорька Фаулера. Страшно подумать: низкорослый гаденыш, шестьдесят килограммов непокорных гормонов и сумасбродных мнений, переворачивает вверх тормашками всю Вселенную. Я открыла было рот сказать ему, что решили в АПП. Хорек не слушал меня.

— Нужно еще что–нибудь ей показать. Думаю, несложно настроить черпак на несколько разновидностей химических соединений. Бьюсь об заклад, высшие сахара и насыщенные высоко-

молекулярные спирты в ГМО имеются. И вообще все, что там присутствует либо в виде газа, либо в виде крупиц межзвездного вещества, можно выгрести. Даже хиральность попробую подстроить. — Глаза его загорелись. — Да!

Вот поэтому я и утверждаю, что присутствовала при всех величайших моментах Хорька Фаулера и приложила руку к его свершениям. Не умолчи я тогда о вердикте АПП, он бы наверняка не додумался еще кое до чего. Полагаю, вы понимаете, про что я.

Инцидент с шоколадным сандеем.

Предварительная оценка параметров уравнения Дрейка: извлечение из мемуаров капитана Ли

На момент открытия планета Ли оказалась больше всего сходна с Землей из всех экзопланет. Если вы стары и наивны, то наверняка подумаете, что вторая экспедиция состояла из целой флотилии, а экипажи располагали аппаратами для всестороннего изучения этого места. Увы, даже тогда, в 66-м, такое решение не выглядело практичным. У Агентства Продвинутых Проектов работы было выше крыши. АПП оплатило мне и экипажу моего корабля, *Фредерика Пола*, дорогу туда и обратно, однако с условием привлечь кого–нибудь из исследователей, получивших медийную известность. Еще они настояли на переименовании планеты. Мир Ли стал Раем.

Путь в Рай, ох–хо. Надо было сразу заподозрить неладное. За годы сотрудничества с АПП у меня выпадали случаи, когда мы оставались довольны друг другом (см., в частности, гл.4 и 7), но такое переименование вносило крайнюю путаницу. Планета была совершенно обычная для бринов-

ского класса, сиречь относилась к тому почти единственному в своем роде типу водных миров, где поверхностные океаны существуют в течение геологически значимых отрезков времени. Океаны эти чрезвычайно глубоки, практически граничат с верхними слоями мантии, однако суша отсутствует. А вот мир Ли являл собою исключение: какая–то асимметрия структуры ядра воздвигла над уровнем моря не слишком устойчивый супервулкан.

Помимо переименования (и это важнее), АПП предоставило ученым экспедиции чрезмерную самостоятельность. На звездолете, покоряющем космические бездны, должен быть только один босс. Если команда хочет выжить, лучше бы начальнице знать, что делать. У меня давнее убеждение, сформированное, кстати, по итогам этой самой экспедиции: ученые обязаны подчиняться приказам капитана. Да, офицер по науке может натворить дел даже в этом случае (см. гл.8), но, по крайней мере, я хоть как–то их контролирую.

Вообще говоря, на пути в Рай меня сопровождали поистине классные специалисты, и среди них особо выделялась Пак Дэ. Большинство авторитетных ученых считают открытие, сде-

ланное Пак, важнейшим за первые двадцать лет межзвездной эры. С другой стороны, были среди ученых и те, кто такими являлся лишь номинально, а по сути — журналистами. Ну и Рон Охара. Это отдельная статья расходов.

Мы высадились у экватора, на восточном берегу единственного крупного массива суши планеты Ли. Это был остров шириной немногим менее сотни километров. Как раз взошло местное солнце. Такое время подгадал Тревор Дхатри, наш продюсер сетевого шоу — простите, документалист экспедиции, хотела я сказать. Впрочем, вы ведь и так наверняка смотрели видео. Впечатляет даже при известной обманчивости. Я провела *Фредерика Пола* над океаном, плавно снижаясь, и под нами распростерлись, миля за милей, песчаные пляжи, ласкаемые великолепным прибоем. Рассветные тени были достаточно глубоки, чтобы скрыть такие детали, как отсутствие городов и растительной жизни. Человеческий глаз ведь наделен уникальной способностью преобразовывать прямые линии и тени, экстраполируя их в уличные сетки, лесистые холмы и сочетания цветов, не имеющие с реальностью ничего общего. Вдалеке возносились укрытые голубоватой дымкой горы, меж центральных пиков плавали

облачка, на самых вершинах виднелись клочки снега.

Видео получилось шедевральным, спору нет. Легко себе вообразить Большой Остров Гавайского архипелага. И ведь не скажешь, что какой–то фокус использован: нет, просто планету Ли показали в лучшем возможном свете. Температурные условия на пляжах действительно соответствовали мягкому сезону Ривьеры, а далеко на вершинах гор действительно лежал снежок. Разумеется, ролик мастерски затушевывал *не столь существенные* отличия; например, половину этого мира — все высокие и средние широты — сковывали льды, а в атмосфере практически отсутствовал свободный кислород. Я не пытаюсь язвить, честное слово. Эти различия и вправду не так принципиальны.

К счастью, мои пассажиры не столь невежественны насчет подобных факторов, как аудитория сетевых шоу. Не прошло и часа после высадки, а геологи уже рассредоточились по холмам, ориентируясь на данные с зондов. Еще час, и глубоководные аппараты Пак Дэ, снабженные пробоотборниками, опустились на самый древний из доступных участков океанского дна.

У нас с командой были свои задачи. Первым

делом системщику предстояло оценить сейсмоопасность. После посадки мы еще восемь часов не смогли бы стартовать обратно, и команда трудилась в поте лица, с головокружительным проворством готовя все на случай, если придется эвакуировать пассажиров и драпать без оглядки.

Я же старательно изображала безразличную усталость, но когда Тревор увел своих медийщиков с мостика, тут же затеяла разговор по душам с системщиком.

— Возможна ли эвакуация через восемь часов от высадки, и если да, то нужна ли?

Джим Рассел отвлекся от мониторов.

— Ответ на первый вопрос — да, в предположении, что Пак с Охарой… — оба настаивали, что сами будут управлять глубоководными аппаратами, — соблюдают правила ТБ на экскурсии. Что до второго вопроса… — Он перевел взгляд на центральный экран, по которому скользили графики сейсмических временных рядов. — Ну, проблема в том, что у нас поверочного образца как такового нет для дальнейших прогнозов, но если верить моделям, то период сейсмической стабильности здесь не меньше сорока часов.

— Сейсмической стабильности, гм?

Я дочь полка. На Земле успела пожить везде,

от Анкары до Янгона. Я была в Турции в 47-м, когда там случилось землетрясение. Нас потом неделями эхо–толчки донимали, но куда им до этой планеты. С момента посадки палуба не переставала подрагивать у меня под ногами.

Джим улыбнулся.

— Капитан, честно говоря, если ощутимые толчки прекратятся на пару часов, это будет очень скверным предзнаменованием.

— Гм. Ну ладно. Большое спасибо.

По крайней мере, есть на что ориентироваться.

— Я всегда пытаюсь увидеть стакан наполовину полным, капитан. За беспокойство платят не мне, а вам. Ваша работка могла быть и посложнее.

Он махнул рукой, указывая на обзорный экран. Там показывали, как Тревор Дхатри подгоняет ученых и членов экипажа, чтобы в темпе фотогеничный базовый лагерь раскидывали. Теперь мне стало ясно, почему спонсоры оплатили самую современную дыхательную аппаратуру: прозрачные гаджеты едва прикрывали нос и рот.

— Дхатри акцентирует все внимание на райской природе этого места, — продолжал Джим, — но если ему это надоест, то, думается, драма о первооткрывателях быстро превратится в фильм катастроф.

Я кивнула. Я и сама об этом размышляла.

— Лучше не привлекать к этому излишнего внимания. С другой стороны, пассажирам не стоит *чересчур* расслабляться. Если подлодки опустятся ниже экскурсионных глубин, все наши меры предосторожности будут напрасны.

Равновесие довольно деликатное.

Я взяла одну из этих игрушечных на вид кислородных масок и вышла из корабля. Бли–ин. Как это тупо и опасно! Первооткрывателям следует высаживаться на планету в герметичных скафандрах с кислородными баллонами соответствующей ёмкости. А в нашем веселеньком базовом лагере почти все разгуливали в рубашках с короткими рукавами, некоторые даже в шортах и футболках. Босые!

Я прохаживалась по лагерю, ненавязчиво проверяя, как там мой экипаж, и убеждаясь, что они отдают себе отчет в сложившейся ситуации: оделись, по крайней мере, так, чтобы выжить при неудачном падении.

— Эй! Капитан Ли! Сюда! — Это был Тревор Дхатри, он махал мне рукой с небольшой возвышенности за лагерем, выдающейся в море. Я пошла к нему, не переставая размышлять, как лучше всего пробудить в нем осторожность и

не воззвать при этом к мелодраматическим инстинктам продюсера. — Как вам наша картинка из Рая, капитан? — Тревор жестом обвел пейзаж. О да, зрелище впечатляющее. Внизу обширный участок с валунами и галькой, за ним — пляж; легко было представить, что находишься на каком–нибудь курорте дома. Чуть изменив ракурс, можно было поймать корабль и суетившихся вокруг него ученых. Я подумала, не предостеречь ли его насчет опасностей этого ландшафта. Было похоже, что склон образовался *недавно*.

— Разве наш базовый лагерь не чудесен, капитан?

— Гм. Да, прикольно. Но мне казалось, Тревор, что основная цель экспедиции — поиски инопланетной жизни.

Я жестом указала на его босые ноги.

— Не следует ли внимательней отнестись к потенциальному загрязнению?..

— А, вы марсианский скандал вспомнили? — рассмеялся Тревор. — Нет. Рядом с местом высадки загрязнение неизбежно. По марсианскому опыту известно, что низкоуровневое загрязнение в глобальном масштабе продлится еще годы. Все наши усилия по очистке сконцентрированы на пробоотборниках в ключевых местах. Напри-

мер, выносные манипуляторы глубоководных аппаратов полностью стерильны. Осмелюсь гарантировать отсутствие даже неорганических загрязнений.

Он передернул плечами.

— Ну а более поздние экспедиции и даже наши дальнейшие вылазки… да, тут есть о чем беспокоиться.

Он обернулся к морю.

— Вот поэтому сегодня такой важный день, капитан Ли. Не знаю, с чем вернутся Пак и Охара, но обвинений в том, что мы засрали эту планету, как до того Марс, не должно возникнуть.

Ну да, значит, помимо общеизвестного противостояния, у Пак с Охарой есть и другие поводы с пылу с жару хвататься за любой шанс. Я глянула на данные слежения, поступавшие от Джима Расела.

— Подлодка Пак на глубине более шестнадцати километров, Тревор.

— Да, у меня там полно камер внутри. Не переживайте, эти лодки способны погружаться и на двадцать. У Пак Дэ теория, что окаменелости обнаружатся в районах резкого перепада подводных глубин.

— Вы уверены, что она не нарушит правил ТБ

на этой экскурсии?

— Абсолютно, мэм. Из них двоих Дэ более законопослушна. А Рон Охара, если вы заметили, держится у берега, практически на глубине аквалангового погружения. — Его взгляд на мгновение застыл — надо думать, он наблюдал через свои камеры, что там у Охары. — Я чувствую. Чувствую, что сегодня нам предстоит сделать важное открытие.

Так–так. Значит, пока я хлопочу за корабль, команду и ученых, Дхатри только и думает, что ему следующий невод принесет. Я передала Джиму Расселу просьбу внимательно присматривать за искателями океанских приключений, чтоб от стада не отбились, и позволила нашему самоназначенному документалисту проводить меня обратно в центр базового лагеря. Это вполне отвечало и моим желаниям: не нравилось мне торчать на вершине десятиметрового утеса в мире, где семибалльные толчки по нескольку раз на неделе случаются.

В лагере до меня стало доходить, о чем это Дхатри. Разумеется, дело было не в науке, и его подход слабо пересекался с исследовательскими методиками. Дхатри на полном серьезе строил планы колонизации. Неудивительно, что он

упрямо зовет эту планету Раем. Я так обескуражилась, что пустила все на самотек и позволила ему таскать меня по лагерю, не забывая, однако, держать физиономию несгибаемой капитанши во главе неустрашимого отряда ученых и техников. Следила я в основном за данными с подлодок. К тому же видеопоток, передаваемый Тревором, был какой–то суматошный, действие все время прыгало с места на место, сюжетная связность отсутствовала. Ничего общего с сетевыми роликами моего детства. Но потом я сообразила, что наблюдаю, так сказать, передачу из будущего: Тревор Дхатри был первопроходец по натуре и четко просек, что в ближайшее время самые важные видео перестанут транслироваться в прямом эфире. Даже самые быстрые межзвездные полеты отнимают часы. Для этой экспедиции *Фредерик Пол* покинул базу в Иллинойсе почти на четыре дня. Дхатри был волен скомпоновать месиво отрывков в любой мыслимый сюжет, и драгоценная журналистская оперативность его ничуть не стесняла.

Я еще не вернулась на корабль, когда на весь лагерь завыла сирена. Я вызвала системщика, а шум продолжал нарастать.

— Что это такое, черт подери?

— Это не мы, капитан, — ответил голос Джима. — Это… гм, какой–то сигнал, установленный научниками.

У Дхатри, судя по всему, имелась более конкретная информация. Когда завизжала сирена, он прервал очередное интервью и принялся сканировать камерами весь лагерь, запечатлевая реакцию ученых и членов команды.

— Да, да, да! — восклицал он в крайнем возбуждении. — Мы еще не знаем, что случилось, но можем определенно утверждать, что наша экспедиция совершила первое значительное открытие. — Он повернулся ко мне. — Капитан Ли явно удивлена не меньше нашего.

Угу. Я не нашла слов.

Я позволила ему оттащить меня туда, где столпились ученые.

Тревор на ходу объяснял:

— Я всем отрядам выдал тревожные кнопки — в смысле, подключил к нашей ленте новостей. Сирена сигнализирует о максимальном уровне новостной ценности. — Голос его еще звучал возбужденно, но хоть уже не так маниакально, как мгновением раньше. Он заговорщицки улыбался. — Какая прелесть эта асинхронная журналистика! Если облажаюсь, всегда смогу все представить

в лучшем виде прежде, чем мы в сети появимся. — Мы сблизились с остальными участниками и стационарными дисплеями. К Тревору отчасти вернулась присущая ему официальная невозмутимость. Камеры переключались с лиц на экраны и снова на лица. — Итак, что тут у нас?

Океанолог глянул на Тревора.

— Это с одной из подлодок. От Пак Дэ.

— Дэ?! — Клянусь, Тревор на миг онемел от неописуемого изумления. — Пак Дэ! Невероятно! И какие у нее новости?

Я переключила свои личные экраны на данные с подлодки Пак. Аппарат по–прежнему находился на глубине шестнадцати километров. Слава небесам, новость крайней важности была связана не с ее погружением ниже этого уровня. Подлодка либо на дне, либо в нескольких метрах выше, не движется. Так, требования ТБ соблюдаются, но она на таком склоне, что при первом же крупном толчке вероятны серьезные проблемы. Меня туда ни за какие коврижки не заманишь. Я летаю среди звезд, но при одной мысли о пребывании взаперти в крошечной каюте, под слоем воды толщиной шестнадцать тысяч метров, мне становится дурно.

Я услышала, как все вокруг разом задержали

дыхание. Перевела взгляд обратно на стационарные дисплеи и увидела то же, что и все остальные. И поняла, зачем было забираться на такую экстремальную глубину. Прожекторы Пак озаряли склон, возносящийся над лодкой. На первый взгляд — ничем не примечательная грязная стена, если бы не трещина, открывшаяся в ней после недавнего толчка. В свете прожекторов блеснуло что–то круглое, твердое. Масштабная линейка удостоверила, что объект почти сорока сантиметров в обхвате. Внимательно приглядевшись к нему, можно было различить шишковатые выступы неправильной формы.

Океанолог склонился к экрану.

— О небо, — вымолвил он. — Похоже на водоросли.

Мгновение все молчали. Даже моя команда — ну, кроме кока, — осознавала значение такого открытия.

— Окаменелые водоросли, — уточнил голос Пак Дэ. Она казалась очень довольной.

Разом заговорили все, кроме Тревора: тот орудовал камерами, впитывая каждый фрагмент. Недоверие проявили многие, прежде всего из отряда Рона Охары: на видео был заметен один–единственный объект. Если это и вправду живой

организм (или то, что было живым организмом когда–то), как следует расценить находку? Пак и ее спутники настаивали, что окаменелости наверняка миллионы лет, а в придонные слои ее занесло невесть какими геологическими циклами. Отряд Охары не впечатлился, сочтя камень метаморфической породой.

— Люди, люди, эй! — прозвучал голос словно бы отовсюду вокруг. Наверное, из той же аудиосистемы, какая издала вопль сирены. Секундой позже я сообразила, что это Рон Охара, и говорит он на нормальной громкости.

— Лично я, — продолжил Охара, — не подвергаю сомнению значимость открытия доктора Пак. Я уверен, однако, что, сконцентрируйся она на более мелких водах, сумела бы обнаружить проявления ныне существующей коллективной жизни.

Пак Дэ на своей подлодке аж поперхнулась, не найдя слова для ответа на это оскорбление, смешанное с выражением поддержки. С другой стороны, собеседник ведь признал за *Пак* авторство величайшего открытия в истории звездных экспедиций. Поэтому, подумав немного, она весело ответила:

— Рон, я очень благодарна, но мы же оба видели

данные предварительных геномных проб с драги. Если на планете и существовала сколько–нибудь развитая жизнь, то было это очень давно.

— Я не согласен. У меня…

Пак перебила:

— У тебя теория. Слышали мы все твои теории.

И то правда. Охара ежедневно в кают–компании проповедовал.

— О нет, это уже не теория. — В его голосе так и слышалось ехидство, и я догадывалась, что последует дальше. В конце концов, подлодка Охары не случайно обреталась у берега на глубине считанных метров. — Взгляните–ка, что я поймал.

Охара вывел на все экраны трансляцию со своей лодки. Освещение было тусклым, похожим на реальный солнечный свет. Но достаточным, чтобы я сообразила, что сильно ошибалась в своих догадках. Грудная часть туловища достигала в длину пятнадцати сантиметров, а клешни добавляли еще примерно десять. Конечности явственно шевелились, а не просто колыхались по воле течений. Существо легко было бы принять за земного омара, если б не иное число клешней и зеленоватый окрас тела.

Звездолет *Фредерик Пол* совершал свой девяностый рейс. Мои корабль с экипажем посетили

восемьдесят семь звездных систем, не удаляясь, однако, от Земли дальше, чем на несколько тысяч световых лет. При этом Фред Пол оставался одним из самых продуктивных кораблей раннего периода исследований. Открытие мира Ли само по себе стало большим достижением. Второй визит обещал нечто экстраординарное.

Через час после заката все собрались на борту, и стало ясно, что у нас намечается гражданская война. В итоге пришлось мне их приструнить.

— Народ, клянусь, если немедленно не возьмете себя в руки, я выкину ваш хлам за борт, и мы нынче же ночью возвращаемся в Чикаго!

На миг все пассажиры объединились против общего врага — меня.

— Вы не имеете права! — вскричали в унисон Охара, Пак и Дхатри.

— Вы связаны контрактными обязательствами перед Агентством Продвинутых Проектов, — добавил Дхатри.

Я зловеще улыбнулась.

— Это так, но данное условие не имеет значения. У АПП четкие указания насчет управления кораблем. Компетентное лицо, то есть я, вправе прервать экспедицию в любой момент, если сочтет, что поведение участников создает угрозы

для всей миссии.

У некоторых глаза полыхнули гневом, но, справедливости ради, не у многих. Большинство, включая Пак Дэ, выглядели несколько пристыженными. Спустя миг Тревор понуро кивнул в знак капитуляции. Рон Охара оглядел свою фракцию и не нашел поддержки.

— Ну что ж, — произнес он по возможности рассудительно, — вы знаете, я всегда готов к переговорам. Но моя находка потрясает воображение. — Он махнул рукой в сторону аквариума, установленного посередине стола в кают–компании. — Мы не имеем права откладывать дальнейшие исследования, что бы ни…

Пак перебила его, не глядя в мою сторону.

— Что предлагаете, капитан?

Охара требовал направить все ресурсы корабля на раскрутку сделанного им открытия, прочесать драгой побережье континента и предоставить его техникам все наше оборудование для подводных исследований. Пак отстаивала приоритет своей находки и недвусмысленно намекала, что Охара мошенник, каких свет не видывал. Я должна была для начала не позволить им перегрызть друг другу глотки. Жестом я показала стоявшим в кают–компании садиться. Мы заняли главный

конференц–стол, исполнявший также функции капитанского рабочего и заваленный всяким хламом. Мне явилась идея.

— Хватит этих драк за распределение ресурсов, — сказала я. — Данные последних сейсмоанализов показывают, что по крайней мере на ближайшие сто часов мы в безопасности. Остыньте, ребята. Пора поужинать. У нас легкие напитки для аперитивчика… — я предоставляла им выбор, но была уверена, что Печенька разбавит вино водой, — а потом обсудим, гм, не столь чувствительные темы. Я за арбитра, если что.

Возможно, после сытного ужина получится добиться чего–то, что может сойти за равное распределение ресурсов между Пак, совершившей экстраординарное открытие, и Роном Охарой, явившим *чудо*.

Все были недовольны, но с оглядкой на мои угрозы жаловаться не пытались. Я видела по личному каналу, как Джим Рассел обменивается сообщениями с коком и командой. Я передала вокруг стола прихваченную с собой коробку бирманских сигар. К ним, разумеется, не притронулся никто, кроме меня. Я закурила. Минуту–другую все молчали, переглядываясь друг с другом и нерешительно покашливая. Наконец один япо-

нец нарушил молчание.

— Как насчет всем по «Доджерсу»?

У Охары и Пак вид был откровенно унылый. Каждые несколько секунд почва под *Фредериком Полом* слегка подрагивала, напоминая, что как оптимистичны бы ни были сейсмические оценки, а на этой планете вещественные доказательства способны исчезнуть в мгновение ока.

Когда кок принес коктейли, Охара откинулся в кресле и начал:

— Капитан, будьте же серьезны. Нам нужно поскорее решить этот вопрос.

Он махнул в сторону аквариума. В центре сосуда плавало зеленоватое создание, словно вылезшее из старого научно–фантастического кино. Отряд Охары прозвал его Фрито — понятия не имею, почему. Не боясь показаться напыщенной, я могла заявить, что Фрито — самое невероятное живое существо из когда–либо встреченных человеком. Я заметила, что омар совсем не так подвижен, как на видео. Наверняка Рон не удосужился продумать систему снабжения бедолашной подделки кислородом.

— Рон, остынь. — Пережить бы ужин… Тут я поймала нервный взгляд Печеньки, и его голос прозвучал в ухе по личному аудиоканалу. — Ка-

питан, вы меня извините, но я не могу найти никаких блюд банкетного уровня.

Мы загружали то же, что и всегда: первоклассные ресторанные блюда для пассажиров и свежую еду для команды. Полеты недолги, надобности в иных припасах не возникает. Я недоверчиво зыркнула на кока.

— Наверняка блюда где–то здесь, мэм, — продолжил Печенька по личному каналу, — я просто не могу разобраться с новой системой упаковки.

Я смерила Печеньку еще одним взглядом и отвернулась к Охаре.

— Сначала поужинаем как следует, а потом вернемся к вопросам ресурсного распределения. Мы кое–что особенное припасли на этот вечер, не так ли, Печенька?

Печенька Смит служит у меня коком с самого начала. В звездоплавании, как и в науке в целом, он чурбан чурбаном, но шеф–повар из него отличный. И не лишенный обаяния. Кок одарил всех широченной улыбкой.

— Да, мэм, самое лучшее.

И удалился, сопровождаемый ассистентами в белых одеждах. На прощание Печенька добавил по личному каналу, не столь уверенным голосом:

— Я еще поищу, капитан.

А впрочем, если даже с логистикой банкетных деликатесов мы начудили, Печенька наверняка соорудит что–нибудь выдающееся даже из стандартного пайка. Трудность в другом: как занять их до того времени слабоалкогольным вином и беседами о перспективах, достойных лучшего шампанского? Эх, этим бы на обратном пути заморочиться. У многих пассажиров эго прямо расцветает от пребывания за столом в кают–компании. (К тому же они под ногами у экипажа не болтаются, но это уже другая история.) Эти научники так и фонтанировали теориями. До сегодняшнего дня все споры было принято трактовать в контексте профессиональной социализации; в конце концов, им за такое в универах и платят. Требовалось как–то возвратить их к этому абстрактному пути рассуждений, чтобы перестали друг другу волосы выдирать за то, кто какую аппаратуру на следующие двенадцать часов получит.

— Итак, — проговорила я, обведя взглядом стол, — сегодня подлинно великий день для науки.

Я немного притушила освещение. Теперь большая часть света проникала через окно, из которого открывался панорамный вид главной

сенсорной мачты корабля. Иллюзия стеклянного окна, выходящего на закат, была совершенной. Если не считать дыма моей сигары, дрейфующего над столом, вечер выдался необычайно ясный. Я заметила, как перенастраивает свои камеры Тревор Дхатри. Он уже выжал все, что мог, из противостояния Пак с Охарой, и теперь смотрел наружу. Тихие прекрасные сумерки, впрочем, не требовали магических манипуляций Тревора.

Я показала на небо.

— Космос. Последний фронтир.

От этих слов, как всегда, у меня мурашки по спине пробежали.

— Внимательно присмотритесь, и увидите, как загораются звезды.

Так оно и было на самом деле. Я скормила видеопоток программе усиления четкости, но подправила разрешение ровно настолько, чтобы можно было, когда глаза привыкнут к сумраку, уловить звезды, возникающие из самых глубин тьмы.

— Мы всего лишь в четырех сотнях светолет от Земли, а уже ни единого знакомого созвездия. Если вы не увлекаетесь практической астрономией, то вообще ничего не опознаете. Наше поколение

добралось туда, где прежде не бывал никто.[5] Человечество получило ответы на вопросы, занимавшие нас от начала времен. *Здесь, сегодня* мы вносим колоссальный вклад в дальнейшее расширение этих ответов. Что бы мы, зная эти ответы, сказали предыдущим поколениям?..

Кто–то из группы Пак тут же отозвался:

— Что даже у нас ответы лишь частичные.

— И это так, — поддержал его голос с дальнего конца стола, — но знаем мы достаточно, чтобы дать предварительную оценку верным ответам — спустя много поколений неуверенности.

Благословен будь Джим Рассел.

Я подхватила идею Джима:

— Теперь у нас имеются надежные данные для оценки даже самой этой неуверенности. Возьмем, к примеру, основное уравнение, которым пользовались раньше биологи в исследованиях возможности внеземной жизни.

— Уравнение Вентера–Бостона?

— Нет–нет. Раньше. — Про Вентера–Бостона эти ребята слишком хорошо наслышаны. — Я про уравнение Дрейка — вопрос о числе цивилизаций, с которыми потенциально может быть

---

[5] Примечания: 5

Отсылка к крылатой фразе из Звездного пути.

установлен контакт. Вы помните.

Воцарилась тишина.

— Да, — наконец ответила Пак Дэ, — это хороший вопрос. Более общий, чем в случае Вентера–Бостона.

Рон Охара в кои–то веки согласился с ней:

— Да. Я… Когда изобрели межзвездный привод, мы, ученые, слишком сосредоточились на проблемах ближнего прицела и позабыли о том, что двигало всю затею.

— В таком случае, быть может, действительно полезно остановиться и оглянуться, — заметил Дхатри. Тема его, судя по всему, непритворно заинтересовала. Я это видела по движениям камер. — Эй, кто–нибудь, дайте определение уравнения Дрейка и приведите примеры его решений.

На Земле, конечно, все моментально бы нарыли ответ. Хомякам не понять одиночества глубокого космоса. В глубоком космосе мгновенной интернет–связи не существует, а путь домой отнимает часы и дни. Меня это очень радует, поскольку избавляет от бесконечной суеты социальных сетей и тривиальных поисковых запросов. Но такая изоляция для некоторых попросту непереносима. Они ищут выход из положения, запасая перед отлетом петабайты сетевых данных. В этом случае

стоило поблагодарить какого–то инет–хомяка, выскочившего вперед с цитатой из Википедии.

Уравнение Дрейка (1960). Формула, предназначенная для определения числа внеземных цивилизаций в Галактике, с которыми у человечества есть шанс вступить в контакт. Выражается произведением средней скорости звездообразования R на следующие параметры:

fp * *ne* * *fl* * *fi* * *fc* * *L*

где *fp* — доля звезд, имеющих планеты,

ne — среднее количество планет (и спутников) с подходящими условиями для зарождения цивилизации,

fl — вероятность зарождения жизни на планете с подходящими условиями,

fi — вероятность возникновения разумных форм жизни,

fc — доля цивилизаций, развивающих технологию до уровня, сигналы с которого позволяют обнаружить их присутствие в космосе,

L — время, в течение которого такие цивилизации посылают в космос сигналы, позволяющие обнаружить их присутствие.

Серебристые буквы парили в дыму моей сигары.

Давно я не видела уравнения Дрейка. По ка-

юткомпании прокатились шепотки: вероятно, среди молодежи его многие впервые видят. Уравнение затрагивало проблемы, выходящие за рамки их близорукого подхода.

Пак тихо рассмеялась.

— И сколько же систем исследовали АПП с остальными агентствами?

На этот вопрос был ответ *у меня*, поскольку я отслеживала рейтинги своего корабля:

— По состоянию на текущий месяц? Тысячу пятьсот две. Если считать и автоматизированные экспедиции, — им я не доверяла, робот может пропустить что–нибудь, важное для опытного исследователя, — то примерно четыре тысячи.

Пак пожала плечами.

— Четыре тысячи. Из сотен миллиардов.

— Но ведь новейшие модификации межзвездного привода позволяют с легкостью достичь любой точки в Галактике.

Это заговорил Хьюго Мендес, наш старший астроном. Мы его взяли на случай, если навигационные проблемы закинут корабль *по–настоящему* далеко от дома.

— Я согласен с господином Расселом. Мы повидали достаточно, чтобы сделать неплохие оценки… — Он помолчал, вчитываясь в опре-

деления. — Но, понимаете ли, некоторые из приведенных здесь параметров кажутся не слишком информативными.

— Да, — сказал кто–то из протеже группы Пак, — но прикол же отчасти именно в том, чтобы наблюдать, как реальность корректирует воззрения древних.

На несколько мгновений всех пленила старомодная версия нашего настоящего.

Первый параметр, *fp*, был встречен дружным хохотом.

— Почти у любой нормальной звезды имеются планеты, — сказал Мендес. — Полно планет. Слишком много планет. Они сталкиваются друг с другом, носятся по диковинным орбитам, их выбрасывает за пределы систем. По мере миграции звезды на диаграмме Герцшпрунга–Рассела у многих светил появляются планеты второго и третьего поколений.

Пак Дэ кивала.

— Помню, как читала про попытки великих математиков девятнадцатого века доказать долговременную устойчивость нашей, Солнечной системы. Им это так и не удалось, но никто не догадывался, что корень зла — не в используемом математическом аппарате. Лишь одной планет-

ной системе на сотню везет задержаться в зоне стабильности хотя бы на миллиард лет.

Кто–то пририсовал к плавающему в воздухе вики–фрагменту смайлик у параметра *fp* и подписал: *Почти 1.0, и что с того?*

Тревор подался вперед.

— Второй параметр, *ne*, почти неотличим от нуля, если принять во внимание неустойчивость большинства планетных систем, на которую указал Хьюго.

— Ладно, значит, ограничиваемся только теми системами, какие сохраняют устойчивость в течение достаточно длительного времени.

Мгновение все молчали.

— Гм, а знаете, — это снова Джим Рассел, но непонятно было, в действительности ли он увлечен дискуссией или просто делает вид, — если учесть неизбежный для наших колониальных планет экспорт жизни, то *ne* окажется почти равным единице.

— Терраформирование, ага. Обманный прием.

Тут у меня в ухе прозвучал голос Печеньки.

— Капитан! Думаю, я наконец понял, куда эти гребаные логисты запихнули наши припасы для банкета. Я сейчас перетащу контейнеры на камбуз. Тут не все, но ужин получится неплохой,

разве что десерт слегонца подкачает.

Я откинулась в кресле и пробормотала:

— Превосходно. Работай с тем, что у тебя есть.

Десерт меня действительно не интересовал, поскольку ясно было, что в умиротворяющие приманки он, скорее всего, уже не сгодится. Я пропустила мимо ушей вердикт спорящих насчет *ne*, они уже переключились на *fl*, долю пригодных для обитания миров, где при определенных условиях развивается жизнь. Так–так, а что, это проблема? Пак с Охарой снова ощерились друг на друга.

Я стукнула по столу винным бокалом.

— Дамы и господа, почтенные профессора! Разве *fl* не самый простой параметр из всех?

Джим понял мой замысел.

— Гм, ну да. В межзвездном пространстве, по крайней мере обследованном нами, простых органических веществ вполне достаточно, чтобы почти на любой пригодной для жизни планете такая жизнь возникла, хотя бы примитивная, бактериальная. Поэтому *fl* равен единице, это точно.

— Лишь технически, — возразил кто–то из сотрудников Охары. — Да, бактерии и археи развиваются довольно быстро, но ничего большего

не порождают. До Рая мы ни разу не находили свидетельств перехода к эукариотическим формам жизни, не говоря уж о многоклеточных. Но сегодняшнее величайшее открытие профессора Охары все изменило.

Техник энергичным жестом указал на слабо светящегося в сумраке Фрито.

Я ожидала, что кто–нибудь из сторонников Пак взорвется, но Дэ ответила почти любезно:

— Мы… проверим невероятные утверждения профессора Охары, но с остальным я соглашусь. Сегодня мы продемонстрировали, что и вне Земли могут развиваться много более сложные формы жизни, чем бактерии — или могли в прошлом. Переход реален. После того, что случилось сегодня, я дала бы параметру *fl* реалистическую оценку по крайней мере в 0.01.

За столом кивали. Поскольку мы уже открыли десять бриновских планет и еще несколько, где в течение некоторого срока существовал поверхностный океан, ее оценка звучала правдоподобно.

— Отлично, — вмешалась я, прежде чем Охара успел ответить, — и это выводит нас на более интересную территорию, а именно к параметру *fi*, доле пригодных для жизни миров, где разви-

вается разум.

Тревор рассмеялся.

— Думается, Землю можно причислить к таким мирам, но если не учитывать ее в этих расчетах… — На миг у него сделался разочарованный вид. — Мы за пятнадцать лет посетили целые тысячи миров. И ничего не нашли.

Странное дело. Тревор Дхатри всегда казался неунывающим лидером группы поддержки, я и не думала, что его могут посещать пораженческие настроения. Хотя, вероятно, в окончательную редакцию сетевого шоу эта его фраза не войдет. Ну, мне почему–то так виделось.

Он помолчал, потом оживился, видимо, сообразив, как обойти ограничение.

— С другой стороны, — бойко продолжал он, — наше сегодняшнее открытие вселяет уверенность, что шансы на существование разумной инопланетной жизни отличны от нуля, и отличны заметно. Располагая достаточно широкой выборкой, мы наверняка отыщем соседей по Вселенной.

— Это не имеет значения. Фактически мы одни. — Это заговорил Хьюго Мендес. — Вы вспомнили о том, сколько миров нам удалось осмотреть. Хорошо, пусть так, но для визуальных наблюде-

ний нам доступно пространство едва ли не до космологического горизонта, и современные обсерватории способны наблюдать за всем происходящим там ежесекундно. Если бы инопланетная цивилизация где–нибудь существовала, разве не задавалась бы она такими же вопросами? Разве не подавала бы сигналы, которые мы могли бы распознать? Но мы ничего не наблюдаем. Каковы бы ни были остальные факторы, я сомневаюсь, что в наблюдаемой Вселенной есть хотя бы одна цивилизация, кроме нашей, по крайней мере, способная к сигнализации. — Он махнул в сторону серебристой формулы. Параметр *fc* обзавелся примечанием: *0 или так близок к 0, что это не имеет значения.*

Мы приближались к концу списка. Мне искренне не хотелось возобновлять споры о том, кто заслуживает исследовательской аппаратуры, а кто нет. Пускай еще немного остынут, и я смогу вынести соломоново решение, разделив ресурсы пополам, чтобы Пак смогла немного поработать по–серьезному. Я обратилась к Печеньке по личному каналу, подгоняя его:

— Ну когда там первое блюдо? Или хотя бы раздразнить аппетит?

— Не больше пяти минут ждать осталось, мэм,

чесслово!

Печенька совсем запыхался, чувствуется.

Я снова сосредоточилась на своих научниках. Заявление Хьюго Мендеса некоторым пришлось явно не по вкусу. Возможно, такая позиция грозила им урезанием грантов. Еще пять минут мы тут, наверное, убьем, решила я, но может и реальная грызня начаться. Улучив момент, я вернула их к нити рассуждений:

— Дамы и господа, нам осталось рассмотреть лишь один параметр из первоначального списка Дрейка, а именно — срок, в течение которого цивилизация остается коммуникабельной.

Охара рассмеялся:

— Ну, *мы–то* остаемся. У нас несколько полноценных колоний. Думаю, что время *L* может оказаться очень долгим.

Трудно было с этим спорить.

— Ну–у, не знаю. — Это заговорил кто–то из программистов, юноша с повадками заносчивого отличника. — Я бы сказал, что *L* с таким же успехом может равняться нулю.

Тревор Дхатри с интересом посмотрел на него.

— Да ну. Мы же здесь, разве нет?

— А так ли это? — Программист подался вперед, расплывшись в улыбке. — Вас никогда не

интересовало, почему прогресс компьютеров фактически остановился с 13-го по 19-й, как раз незадолго до изобретения межзвездного привода?

Тревор пожал плечами.

— Компьютеры стали так хороши, как только возможно, и всё.

— Может, и так. А может… — юноша выдержал многозначительную паузу, — может, компьютеры *продолжили совершенствоваться* и в конце концов достигли сверхчеловеческого уровня. И перестали в нас нуждаться. Возможно, межзвездный двигатель так и не был изобретен. Возможно, сверхразвитые ИИ просто спихнули человеческую расу в симулятор межзвездных путешествий, куда–нибудь на старую стойку среди гугловских сервер–ферм.

— А… ага, — отозвался Тревор. — А что, интересная космология, нетрадиционная.

Надо отдать Тревору должное, он не вылупился на программиста, как большинство. Я? О, я-то полагала, что фанатики Сингулярности давно вымерли или в дома престарелых переехали. Но вот вам живой пример, и не из старперов ведь. Наверное, как и в случае Нострадамуса, некоторые пророчества просто неистребимы.

Неловкое молчание прервал Печенька, сунувшись в кают–компанию.

— Капитан? Ужин готов.

Как нельзя более кстати. Я жестом пригласила его зайти. Пока вносили серебряные чайники и столовые приборы, я прибавила освещение. Фрито спрятался за какими–то камнями у себя в аквариуме, явно обеспокоенный суетой. Я надеялась, что они с Охарой будут вести себя тихо и не испортят нам отличную трапезу.

Что бы ни сообразил Печенька, а пахло восхитительно. Пока тарелки и подносы расставляли по столу, кок изображал шеф–повара:

— Дамы и господа, я предлагаю вашему вниманию блюдо, достойное лучших ресторанов НьюЙорка. Я лично заказал его для нашей экспедиции.

Он соврал. Печенька тосковал по нью–йоркским денькам своей карьеры, но за логистику всецело отвечало АПП, и коку разрешалось лишь высказывать общие пожелания.

— Прошу простить мне задержку, возникшую этим вечером. Грузчики все перепутали.

— Угу, — сказала я, — мы только начинаем привыкать к новым универсальным контейнерам. Они на вид одинаковые, только ID-кодами

различаются.

Рон Охара с подозрением принюхался и побледнел.

— А где именно вы взяли эти… ингредиенты?

Печенька–Печенька, невинная душа. Сам того не зная, он положил конец научной карьере.

— О, в 14-й космической лаборатории. Они там живыми хранились.

Он подал знак официантам, и те одновременно подняли серебряные крышки.

— Омары, жаренные в панцире!

Пахло омаром. И даже выглядело совсем как омар, если не считать лишних клешней и зеленоватого мяса.

Неудивительно, что Фрито забрался в укрытие.

* * *

Рона Охару, разумеется, прижучили. Дискредитировали по полной. Он отбрехивался заявлениями, что всех омаров выловил за один раз в тот же день, но сородичей Фрито было слишком много, чтобы в это поверить. Рон намеревался впоследствии выпустить их в океан, заручившись моим содействием и разрешением использовать глубоководные аппараты.

Печенька решил все мои проблемы одним ве-

ликолепным coup de cuisine[6]. Пак Дэ получила в свое распоряжение все необходимое для эпохального обследования планеты Ли. В ходе этого были обнаружены еще два образца, известные ныне как строматолиты Пак. Анализ на Земле занял месяцы и годы. Окаменелости претерпели метаморфические искажения, детали структуры организмов сгладились. Но было похоже, что это и вправду остатки какого–то раннего эукариота, относящегося, несомненно, к эпохе, удаленной от нас в истории планеты Ли на несколько глобальных катаклизмов. Увы, после первоначальных находок Пак ничего больше обнаружить не удалось. Высказывались даже сомнения в их подлинности. Чушь, конечно. Изотопные соотношения в окаменелостях Пак *идеально* соответствовали тому, что можно было ожидать по изотопным параметрам коры мира Ли.

Прошло тридцать лет после нашего полета к планете Ли и предварительной оценки параметров уравнения Дрейка. Уравнение понемногу снова обрело известность, в основном потому, что умудряется сочетать равно грандиозные возможности для торжеств и разочарований. За

---

[6] Примечания: 6
Здесь: кулинарный переворот (франц.).

тридцать лет мы колонизировали шесть планет земного типа. Еще некоторое количество — в процессе терраформирования, например, телепортации океанов. (О моем личном вкладе в разработку этой технологии см. гл.8.)

Последние тридцать лет совершили революцию в звездоплавании, но не сказать, чтобы к лучшему. Достигнутый уровень терраформирования удовлетворяет многих, к лучшему они не стремятся. Щедрые поначалу, правительственные источники финансирования заметно усохли. С другой стороны, суперскалярные расширения межзвездного привода позволяют достичь любой цели меньше чем за десять дней. Любой в наблюдаемой Вселенной? Да, но ведь это только начало. Большая часть Вселенной так далека, что свет, исходящий от нее, никогда не достигнет Земли и любого места, доступного наблюдению с Земли. Вот почему ошибки системной памяти так опасны для звездолетчиков — можно потеряться так далеко от дома, что потом хоть всю оставшуюся жизнь прыгай, а знакомых небес не увидишь. Хьюго Мендес тебе не помощник, это уж точно. (Если вы кэширующий хомяк или располагаете доступом к планетарному интернету, можете сами поискать по словам *космологический гори-*

зонт или, еще лучше, прочесть в моей книге *За дальним горизонтом: путешествие капитана Ли к космическим антиподам*.)

В эти дни передовых исследователей манят супракосмологические расстояния. Они обычно ограничиваются визуальным поиском той единственной, исключительной звезды, одной на миллион, а потом возвращаются. Стратегия эта обладает двумя преимуществами. Во–первых, она может рано или поздно забросить нас в дальний утолок Вселенной, где дрейковская статистика работает лучше. Во–вторых (это более прагматичное соображение), так удобнее сохранять проприетарный контроль над результатами экспедиций, чтобы не зависеть от прихотей бухгалтеров АПП. Без такой инновации «Планеты на продажу» никогда бы не раскрутились.

И что же мы обнаружили Там, Вовне? Маленьких зеленых человечков (а хотя бы и маленьких зеленых омаров) не нашлось. Как не нашлось и ни одной устойчивой планетарной экосистемы с пригодным для дыхания парциальным давлением кислорода, никаких эукариотов или даже цианобактерий. Еще на четырех мирах имеются ископаемые водоросли вроде тех, какие открыла Пак на планете Ли. Следовательно, переход к

сложным формам жизни вне Земли и впрямь возможен. Думаю, это вопрос времени, когда мы наконец их обнаружим. Некоторые говорят, что наше дело безнадежное, и требуют сосредоточиться на гипотетических неорганических формах жизни в экстремальных средах — на поверхности нейтронных звезд, на аккреционных дисках черных дыр. Это все хорошо, но экстремистам слишком жирное финансирование требуется. А никаких признаков, что экстремальная жизнь вообще возможна, нет.

Путешествие к планете Ли было полно сюрпризов. Кое о каких мы не узнали, пока в Чикаго не вернулись. Вебкаст Тревора произвел колоссальный фуррор по всей Земле, даже больший, чем открытие Пак и драматичный провал аферы Охары. Видео убедило миллионы людей в том, что на той планете действительно рай — прямая ложь для этого не потребовалась. Более того, геологи заключили, что, хотя на планете давно назрела глобальная перестройка коры (извержение Кракатау в мировом масштабе, чтобы вы понимали), и такая катастрофа может случиться практически без предупреждения, за считанные часы, — вероятность, что это произойдет в ближайшие десятилетия, тем не менее невелика.

Агентство Перспективных Проектов с готовностью оседлало волну. Мир Ли получил приоритет в программах терраформирования. Зато его понизили планетам вроде Эдема или Дорадо, устойчивым, практически неотличимым уже от земных Антарктиды и Сахары соответственно, если не считать небольшой коррекции атмосферного баланса. Пятьдесят миллионов добровольцев записались в очереди на мир Ли.

Прошло тридцать лет. Планета до сих пор не взорвалась. В Раю проживает миллион сорвиголов. (Да, так они называют этот мир. Может, мне бы стоило радоваться, что мое имя не связали с предприятием, обреченным на катастрофу. Но ведь это я открыла его. Что плохого в имени Ли, блин?)

В прошлом году по приглашению правительства планеты я и сама там побывала. Меня удивило, что президентом Рая оказался не кто иной, как Рон Охара! Мне устроили шикарный прием и турпоездку по всему континенту в сто километров шириной. Города красивы, но отличаются странностями, каких не найдешь на Земле. Где еще встретятся вам архитектурные дизайны, рассчитанные на еженедельные толчки каждый интенсивней, чем в Анкаре за *сто лет*

в сумме? Где еще нормы строительства требуют оснащать каждый дом встроенным кораблем для немедленной эвакуации на орбиту? (Снаружи они напоминают толстостенные дымоходы с широкими отверстиями для выпуска дыма.) Короче, приняли меня по–королевски. Даже поручили открыть статую первооткрывательницы (то есть свою собственную) в столице. Очевидно, против моего имени они все–таки ничего не имеют.

Все это время я пыталась уразуметь, кто в действительности стоит за шикарным приемом — и если Рон, то почему? Может, он предвидит, что планета разорвется на ошметки как раз в дни моего визита?

Я старалась не отходить далеко от дымоходов.

В последний день поездки меня пригласили отобедать с Роном в его президентской резиденции, недалеко от Первой Гавани. Мы устроились на веранде, в каких–то двухстах метрах от места, где когда–то стоял исходный лагерь. Утес давно обвалился на пляж, но с террасы открывался вид не менее чарующий, чем в своеобразном рекламном видео Тревора. Легко было вообразить, что сидишь на курорте недалеко от Мауна–Кеа. В отличие от моего предыдущего визита, кислородные маски не требовались!

Все эти годы после возвращения экспедиции в Чикаго я не видела Рона. Он несколько постарел, но, впрочем, я наверняка тоже. Когда нас оставили наедине за напитками, он поднял кружку с пивом в своеобразном тосте за пейзаж.

— Рай — самый простой проект терраформирования с начала эпохи межзвездных полетов. Мы забросили сюда несколько миллионов тонн океанических бактерий в качестве затравки — и, хоп, не прошло и трех десятилетий, а концентрация кислорода в атмосфере выросла до приемлемого для дыхания уровня.

Учитывая сомнительную предысторию инвестиции, это казалось только честным. Но я промолчала. Я лишь затягивалась сигаретой и созерцала пейзаж. Утеса отсюда видно не было, лишь море вдали (и несколько, без преувеличения, безумных серферов на волнах). Ближе, над обрывом, раскинулись лужайки. Между двух пальмовых деревьев на флагштоке реяло знамя планеты.

— Ты видела наш флаг, капитан?

— Да. — Флаг встречался повсеместно. Зеленый омар с избыточным числом клешней на синем поле. — А кстати, как там Фрито поживает?

Рон рассмеялся.

— Фрито, или, точнее, его потомство — в полном порядке. Мы усовершенствовали их биологию так, что они теперь фильтруют планктон. Они стали самым многочисленным видом крупных животных в океане — жиреют на новом планктоне. Но ты знай, что их добыча запрещена законом. — Он улыбнулся. — Я не вынесу снова зрелища жареного омара на ужин.

Я тоже улыбнулась. Он казался не слишком напряженным.

— Господин президент, я всегда хотела задать один вопрос. Неужели такая примитивная афера вообще имела шансы на успех?

— Ты знаешь, мне кажется, я отчасти и преуспел. Я полагал, что Рай начнет извергаться еще прежде, чем сюда подоспеет третья экспедиция. А я тем временем бы всех очаровал подводными съемками родичей Фрито, но вы их зажарили.

— Ну да, но и без меню Печеньки… как только бы мы вернулись на Землю, квалифицированный анализ ДНК Фрито…

У Рона сделался пристыженный вид.

— Гм. Я не сомневаюсь, ты читала, что и свои академические заслуги я несколько, как бы это сказать, переинтерпретировал. На самом деле у меня была степень по социологии. Я добавил ге-

ны зеленого цвета обычным конструктором для энтузиастов, число клешней поменял, все такое. Тревор заверил, что подделка будет выглядеть вполне правдоподобно. Думаю, он меня в какой–то мере за нос водил. Ему ведь достаточно было, чтобы подделку не разоблачили раньше, чем видео попадет в эфир с топовыми рейтингами. А твой кок даже этого шанса нам не оставил.

Он откинулся в кресле. Для мошенника, чью грандиозную аферу я обессмыслила, выглядел он на диво спокойно и уверенно.

— Но то было тридцать лет назад. Разве не чудесно все вышло? Я бы сказал, что в Раю нам повезло. Ты с коком разоблачила Фрито так быстро, что меня и не подумали в тюрьму сажать. А видео Тревора все равно стало хитом. Вся эта известность только помогла развитию территории.

Он усмехнулся.

— Жизнь прекрасна.

Гм.

— Завтра же Раю может прийти конец, ты в курсе?

— Да.

Рон поставил кружку пива на столик и похлопал ладонями по животу.

— Но мы, обитатели Рая, все время начеку. К

тому же, — он искоса поглядел на меня, — ты с коллегами неустанно работаешь на нас! Я так понимаю, вы открыли уже десять миров с характеристиками, достаточно напоминающими Рай.

Мы в «Планетах на продажу» не раскрываем точных цифр, но я ответила:

— Примерно. И все они так же нестабильны, как эта планета. Тебе что, культура одноразовых миров по нраву?

— Угу, а что такого. Если в цене сойдемся. Традиционное терраформирование, конечно, тоже пригодится. Так или иначе, а человечество расширяется. — Он улыбнулся сияющему дню. — Еще несколько десятилетий назад мы были заперты на одной маленькой планете, тесной и опасной. Мы стояли на краю глобальной катастрофы. Мы прошли по очень узкой тропе, но у нас получилось. И хотя параметры *fl*, *fi* и *fc* оказались близкими к нулю, мы обнаружили, что *L* на практике, вероятно, безгранично. Вся Вселенная стала нашей частной лужайкой! Проблема только в деревьях, траве и домашних животных. Биологи продолжают поиски высших форм жизни; я слышал, Пак Дэ покоряет пределы запределья. Окаменелые водоросли повергают ее в экстаз, но… это уже неважно. Через тысячу лет нам,

людям, уже не будет грозить никакая опасность. Через сто тысяч лет профессора станут спорить, откуда пошло человечество — из одного источника или со множества миров. Через миллион лет… гм, к тому времени жизнь колонизирует всю Вселенную и эволюционирует в новые виды. Некоторые, готов побиться об заклад, не уступят смекалкой нам самим. Тогда и проведем *новую* оценку параметров уравнения Дрейка!

Как знать, а вдруг Рон прав насчет будущего? Такая точка зрения сейчас весьма популярна. Но я не могу ждать миллион лет или хотя бы тысячу. К тому же земная жизнь, распространяясь, искажает интересующие нас факты. Так случилось на Марсе, так едва не случилось на планете Ли. Мне бы хотелось ее опережать, открывая вам, уважаемые клиенты, новые уголки Вселенной. Я остаюсь исследовательницей, чья опора — прочный вакуум реальности, а взор устремлен за этот горизонт.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Фредерик Пол ворвался в мой мир примерно в 1957-м, когда я прочел Торговцев космосом (написанных в соавторстве с другим моим любимым автором, Сирилом Корнблатом). Мне было три-

надцать.

Торговцы космосом выделяются среди множества занимательных произведений, повстречавшихся мне, прежде всего тем, как мастерски демонстрируют они влияние пропаганды и экономики на саму ткань нашего мира. Разумеется, и другие авторы НФ обращались к этим социальным аспектам, но Фред, как обнаружил я, умеет исследовать не только социальные аспекты, а и технологические, на которых они зиждятся. Думаю, именно у Фреда я впервые прочел про выгрузку сознания в компьютер. А потом были Невольничий корабль и Туннель под миром.

Они подвернулись мне в период формирования личности, но составляют лишь малую часть из всего написанного Фредом. В более поздних его романах обсуждаются физические пределы астрономической Вселенной. Чудесное странствие и для писателя, и для читателя.

Спасибо тебе, Фред.

Вернор Виндж. Что, если Сингулярность так и НЕ случится?

Доклад на семинаре по проблемам долгосрочного планирования человеческой цивилизации в Long Now Foundation, 15 февраля 2007 года

Предварительные замечания

По тому, как называется моя лекция, ясно, что я хотел бы дать определение тому, что понимаю под Технологической Сингулярностью, и кратко обсудить его.

Итак, представляется вероятным, что с доступной нам ныне или в достаточно близком будущем технологией мы способны будем сотворить существ, превосходящих людей во всем, что касается интеллекта и творческих способностей, либо сами превратиться в таковых. После этого события, которое я называю Технологической Сингулярностью, дальнейшая история для нас так же непостижима, как опера для плоского червя.

Из сказанного почти автоматически явству-

ет, что долгосрочное планирование в варианте будущего, где Сингулярность состоится, бессмысленно.

Однако возможно, что Сингулярности не произойдет. В этом случае планирование за пределами срока в следующие пятьдесят лет обретает значительную практическую важность. Да и потом, хороший писатель–фантаст (или сценарист) всегда рассматривает альтернативные варианты.

В дальнейшем обсуждении также подразумевается, что сверхсветовые путешествия никогда не будут возможны.

Важное замечание для тех, кто выпал из контекста: я все еще считаю Сингулярность наиболее вероятным некатастрофическим результатом нашего близкого будущего.

Катастрофических сценариев изучено много (см., например, работу [королевского астронома Великобритании] Мартина Риса *Our Final Hour*), но сегодня я попробую сосредоточиться на тех вариантах будущего без Сингулярности, где мы все равно выживаем.

Век напрасных мечтаний

Возможное объяснение “неудавшейся Сингулярности” в том, что мы так и не научились

правильно “писать код” (или, если вам угодна более мистическая трактовка, “не нашли душу в железе”). Вот некоторые симптомы:

• Разработка программ продолжает доминировать над *созданием* программ.

• Программные проекты, в которых делаются попытки адекватно использовать стремительно растущую мощь железа, терпят все более сокрушительные неудачи.

• Провалы программных проектов становятся так сокрушительны, что их не исправишь ни за какие деньги, и единственной разумной альтернативой видится полный отказ от продолжения работы.

• Впечатляющие провалы крупных проектов, рассчитанных на полную автоматизацию. К примеру, диспетчеру–человеку случается иногда столкнуть пару самолетов, но полностью автоматизированная система способна загнать в одну точку пространства–времени десяток самолетов.

• Такие неудачи ведут к снижению спроса на усовершенствованное оборудование, которое не получается толком использовать. Производители железа пересматривают графики выпуска усовершенствованной продукции. Закон Мура перестает действовать даже несмотря на то, что

физические преграды, сдерживающие его, еще не достигнуты.

• В итоге стагнируют даже базовые исследования в сопряженных областях наук о материалах. Среди прочего потому, что новые поколения компьютерных систем, предназначавшиеся для них, так и не увидели свет.

• Последними в потолок усовершенствований упираются аппаратные накопители простых и существенно структурированных данных. Конечным результатом будут исключительно хорошие аудиовизуальные инструменты индустрии развлечений (ничего трансцендентного в них не окажется) и очень крупные базы данных (но программное обеспечение, необходимое для эффективной работы с ними, не появится).

• Большинство найдет не слишком удивительным тот факт, что не только обещания сильного ИИ не сбылись, а и другие амбициозные проекты, существенно опиравшиеся на перспективу ИИ (скажем, нанотех–ассемблеры), ускользают от реализации.

Этот ранний период получит имя Века Напрасных Мечтаний.

Более подробные характеристики раннего периода

• На дворе 2040 год. Техногики в домах престарелых озадаченно бродят из угла в угол, скребут затылки и жалобно восклицают: “Но… но… а где же Сингулярность?”

Некоторые последствия могут показаться довольно обнадеживающими.

• Закон Эдельсона утверждает, что число важных идей, которые *не были* своевременно высказаны, растет экспоненциально. На мой взгляд, это связано с головокружительным продвижением по пути к прогрессу и неспособностью обычных людей за ним поспеть. Если прогресс замедлится, это, возможно, даст нам время догнать его (хотя базы данных по биологическим наукам, думается, в любом случае будут разбухать со скоростью, превышающей любые возможности анализа).

• Возможно, у нас наконец появится время оглянуться на век глючных программ и кое–что переписать, но на сей раз рационально, с чувством, толком, расстановкой. (Ага, щас.)

С другой стороны, шансы человечества выжить в этом веке становятся еще сомнительней:

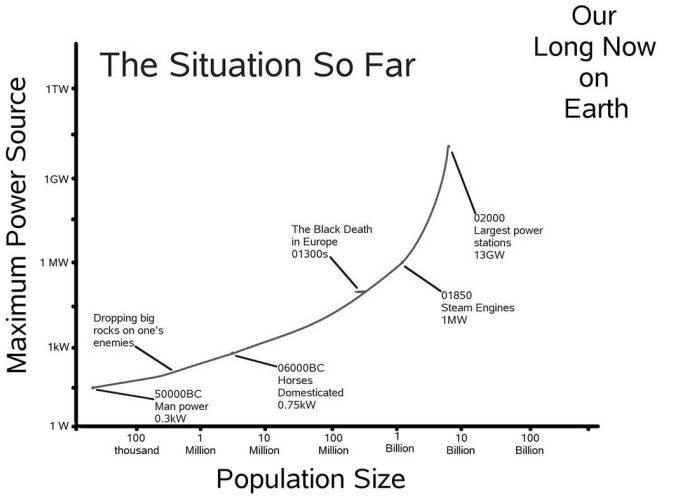
• Угрозы экологического и ресурсного толка никуда не исчезнут.

• Угрозы военной природы также никуда не денутся. В первые годы XXI века нас основательно

(и оправданно!) отвлекла опасность ядерного терроризма. Мы склонны игнорировать уроки 1970–1990-х, когда десятки тысяч ядерных ракет рисковали в любой момент свалиться народам на головы, причем даже без четко выраженного политического повода к этому. Мы прошли по узкому коридору и выжили. Однако откат к стратегиям взаимного гарантированного уничтожения весьма вероятен, а в сочетании с нагрузкой на окружающую среду он может без труда привести цивилизацию к гибели.

Обзор перспектив, открывающихся для проекта Long Now

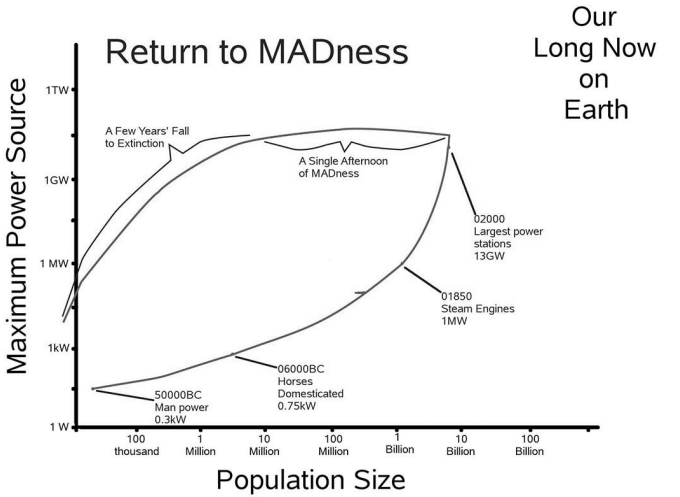
Предположим, что человечество переживет XXI век. Когда Век Напрасных Мечтаний закончится, какие перспективы откроются для долгой человеческой эры? Я хотел бы проиллюстрировать некоторые возможности диаграммами, охватывающими весь интересный для Long Now период, от десятков тысячелетий до нашего времени до десятков тысячелетий после нашего времени, но без отчетливых временных отсечек (это кажется разумным, если представить себе всю человеческую эпоху как единое длительное Настоящее).



Я не стану строить привычного графика численности населения в зависимости от времени, а займусь построением графика зависимости технологий от численности населения. Вот наше нынешнее положение дел:

Не слишком впечатляюще. Больше всего впечатляет, однако, как неуклонно и упрямо мы продвигаемся. Даже Черная Смерть едва царапнула кривую технологического прогресса. Возможно, так и должно было быть — а может, мы просто не видели всей картины. (Отмечу,

что экстремальные положения справа — по населению — или вверху — по разрушительному потенциалу технологии — скорее всего будут означать катастрофу цивилизации на Земле.)



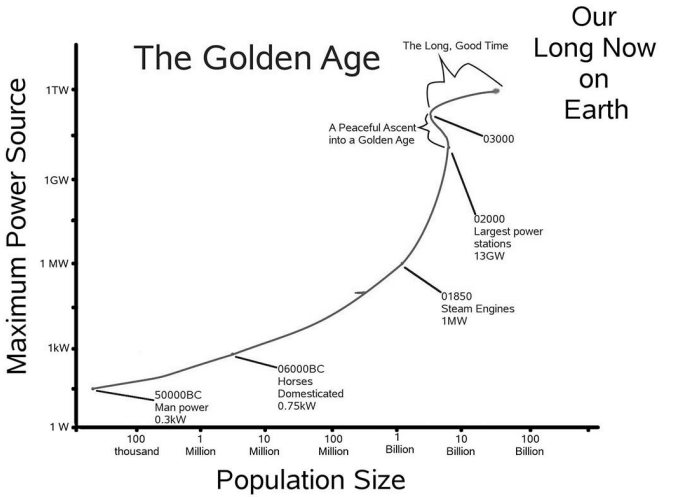
Без Сингулярности вырисовываются три вероятности (равноправных сценария):

Сценарий 1: Возврат к безумию взаимного гарантированного уничтожения

Я обещал, что попытаюсь избегать экзистенциальных катастроф, но хочу подчеркнуть, что они никуда не делись. Избежать их — важнейшая

долгосрочная задача.

• Сценарий “скверного денька”, занимающий верхнюю часть диаграммы, должен быть очень хорошо знаком тем, кто помнит такие книги, как *Fate of the Earth* Джонатана Шелла, и концепцию ядерной зимы TTAPS [Turco, R.P., et al. (1983). *Nuclear Winter: Global Consequences of Multiple Nuclear Explosions*, Science 222: 1283–92].



Как и многие, я скептически отношусь к материалам, представленным двумя источниками выше. С другой стороны, эффекты максимально

мощного обмена ядерными ударами не поддаются точному прогнозированию. Специфическая логика планирования в модели взаимного гарантированного уничтожения провоцирует все время немного повышать порог допустимого ущерба, так что умнейшие люди и колоссальные ресурсы отвлекаются на то, чтобы обеспечить все более масштабные потери. Не могу назвать другой подобной угрозы, где наши же таланты столь очевидно направлены к нашей потенциальной гибели.

Сценарий 2: Золотой век

Этот сценарий призван сбалансировать пессимизм предыдущего. В нашу эпоху просматриваются тенденции, которые могут послужить его опорой.

• Пластичность человеческой психики на временных масштабах не дольше жизни поколения. Если людям дать надежду, обеспечить доступом к информации и средствам общения, они очень быстро начинают действовать гораздо умней собственных элит.

• Если даже Сингулярность не настанет, Интернет останется воплощением этих тенденций. Об этом моя недавняя книга, Конец радуг. Хотя, впрочем, в ней появляются и вроде бы трансче-

ловеческие персонажи, так что судите по своему усмотрению…

• Этот сценарий схож с описанным Гюнтером Стентом в книге *The Coming of the Golden Age, a View of the End of Progress* (правда, в моем варианте уйдут еще тысячи лет, чтобы как следует прибраться — закон Эдельсона суров, но справедлив).

• Сокращение популяции (загиб кривой влево) происходит мирно и в конечном счете ведет к установлению всеобщего высокого уровня жизни.

• В очень дальней перспективе намечается новый рост как энерговооруженности, так и населения.

• Цивилизация, по всей вероятности, приходит к актуальному на долгое время выводу, что счастье для многих лучше счастья для немногих. Можно выдвинуть и аргументы в поддержку обратной позиции. За длительное время, думается, будут испытаны обе возможности.

Что же происходит в конце этого периода долгого Настоящего (спустя двадцать или пятьдесят тысяч лет)? Даже без Сингулярности разумно предположить, что в какой–нибудь момент вид становится чем–то большим.

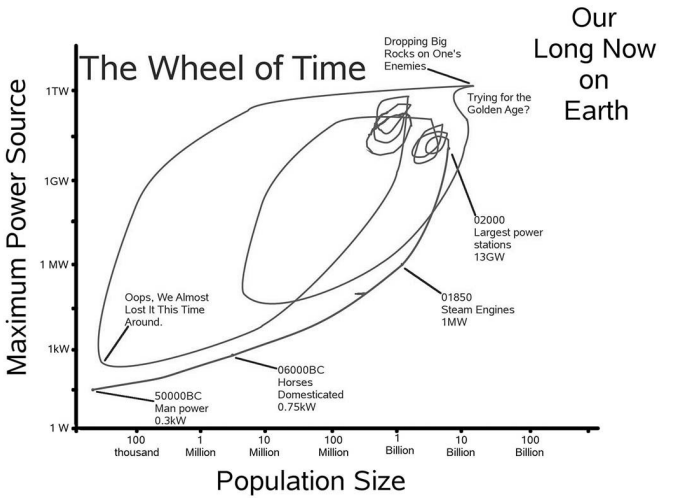
• Возможная политика, применимая к большинству сценариев: **[молодые] старики важны для будущего!** Исследования, направленные на продление жизни, могут оказаться одним из важнейших шагов в поддержку долговременной безопасности человечества.

• Здесь в явном виде отвергается мнение, что преобладание лиц старшего возраста омертвляет социум. Я не говорю о мрачной старости, какая всегда была известна (и испытана). Мы понятия не имеем, кем будут люди физически молодые, но при этом весьма старые. Вероятно, их роль в обществе будет чем–то аналогична роли очень пожилых членов племени (в возрасте от 35 до 65) у первобытных людей.

• Проект Long Now — естественное занятие для тех, кто не только ожидает, что их прапрапра…правнуки будут живы через пятьсот лет, но и сами рассчитывают там оказаться.

Как только мы углубимся в будущее, долгосрочная перспектива окажется не менее важна, чем опыт далекого прошлого.

Сценарий 3: Колесо Времени



Боюсь, он куда вероятней “Золотого века”. Сценарий “Колесо Времени” исходит из представления о динамической природе Земли и природы, а равно способности нашей технологии порождать ужасающие катастрофы. Рано или поздно, даже при наилучшем возможном планировании, происходят мегакатастрофы, цивилизации гибнут или впадают в заторможенное состояние. Так появляются циклы катастроф и возрождений на графике:

- Какова будет амплитуда таких циклов в

терминах потерь населения и степени технологической деградации?

• Какова будет продолжительность таких циклов?

На эти вопросы пытались ответить многие, хотя исследовались в основном сценарии, отнесенные к у после первого возрождения. Отмечу работы Гаррисона Брауна *The Challenge of Man's Future*, Германа Кана *О термоядерной войне* и Вернора Винджа *Глубина в небе* (в последней наиболее сильными игроками в долгосрочной перспективе оказываются археологи и расхитители программных свалок). Хотелось бы привести здесь больше ссылок такого рода, но мы почти ничего не знаем о подобных циклах. Кроме того, что в худшем случае они способны погубить все население Земли.

How to deal with the deadliest uncertainties

Девизом этой лекции можно назвать фразу "Кто знает?.." Но зачастую эта мантра применяется к самым серьезным проблемам:

• Насколько в действительности опасно взаимное гарантированное уничтожение? В конце концов, "мы же пережили XX век".

• Насколько всеобъемлющей является угроза изменений окружающей среды?

• Как быстро оправится человечество от глобальной катастрофы? Возможно ли в принципе полное восстановление от нее? Какие катастрофы окажутся наиболее проблемными?

• Насколько близка технология к тому, чтобы превзойти уровень взаимного гарантированного уничтожения государствами и вложить силу, достаточную для убийства всех людей на Земле, в руки безответственных раздражительных индивидов?

• Как в долгосрочной перспективе скажется на социуме обилие молодых стариков?

• Как скажется на перспективах долгосрочного выживания человечества [здесь могла быть ваша любимая катастрофа]?

Мы делаем, что можем, для сценарного прогнозирования. Однако имеется и другой инструмент, превосходный, если он вам доступен: опыт.

• Не обязательно пробовать на себе все наркотики, чтобы узнать, какие из них смертельно опасны.

• Нельзя наперед узнать, какие риски заложены в различных комбинациях образа жизни и питания. Даже опыт родителей не всегда полезен, но проекты вроде Фрэмингэмского могут служить первым приближением.

Увы, наш опыт опасен своей ограниченностью, ведь у нас, по сути, только один эксперимент в работе. Можем ли мы как–то улучшить положение дел в рамках проекта Long Now? В “Золотом веке” станет возможна постановка серийных экспериментов по крайней мере для наименее опасных переменных: осторожных долговременных опытов с различными выборками по размеру популяции и времени искусственно продленной жизни. (Результаты некоторых и отражаются на “загибе влево”, см. график “Золотого века”).

Обеспечить наступление бессрочного “Золотого века”, впрочем, невозможно. Всегда сохраняется опасность, что наши опыты уничтожат цивилизацию. (Лично мне сценарий “Колеса Времени” кажется намного вероятнее “Золотого века”).

Разумеется, существуют способы получить недостающий опыт и вместе с тем увеличить шансы на выживание человечества. Это:

Лучшая надежда человечества — самодостаточные внеземные колонии

Это мнение снова обретает популярность у футурологов и некоторых весьма влиятельных мыслителей, например, Хокинга, Дайсона и Риса. Некоторые отстаивали его десятилетиями. Разумеется, внеземные колонии были неотъемлемым

элементом множества произведений научной фантастики XX века. Как приятно видеть, что в новом веке эта идея, похоже, удостоится большего внимания публики.

Важное замечание для тех, кто выпал из контекста: я не рассматриваю внеземные колонии как альтернативу или средство избежать Сингулярности. Не исключено, что в некоторых сценариях Сингулярности будут задействованы космические колонии, но эта идея наталкивается на трудности.

Ответы на выдвинутые возражения:

Гонка за безопасностью колоний в космосе отвлечет нас от жизненно важной проблемы расчистки свалки, в которую мы превратили Землю? Мне кажется, эта точка зрения недостойна логических дебатов. [Дополнение от 11 февраля 2008 г.: ну а если вы готовы положиться в вопросе выживании человечества на добрый нрав Матери–Земли, вы явно пропустили открытия естественных наук XX века.]

Гонка за безопасностью колоний в космосе подразумевает, что там ничейная территория? Да. Две практически важнейшие загадки, стоящие перед нами, это “возможна ли Сингулярность?” и “одиноки ли мы во Вселенной?”

Настоящая космическая гонка будет слишком опасна в кратковременной перспективе? В этом возражении что–то есть. Настоящая, полномасштабная космическая гонка означает дешевый доступ в космос, граничащий с широкой доступностью оружия массового поражения. В долговременной перспективе человеческой расе от этого будет гораздо безопаснее, но в кратковременной — вероятен риск, надеюсь, что небольшой.

В Солнечной системе нет места, способного обеспечить функционирование человеческой цивилизации, а звезды слишком далеки? Цивилизации пояса астероидов могут накопить больше богатства, чем планетные, а звезды — оказаться не так уж далеки, даже на сравнительно низких скоростях. Более того, межзвездные радиосети несложно наладить даже с технологиями уровня 1980-х. Со временем десятки, сотни, тысячи различных культур человечества станут обмениваться опытом через века. Не исключил бы экспериментов вроде Фрэмингэмского — но для смертельно опасных и неоднозначных факторов!

Что такое реальная космическая программа, а чем она не является

С 1957 по 1980 гг. мы, люди, сделали достойные первые шаги в космосе. Мы (говоря так, я имею в виду талантливых инженеров и ученых, а также смельчаков–исследователей) обнаружили несколько вариантов применения космических технологий. Они оказались так полезны, что окупаются даже при стоимости запуска на низкую околоземную орбиту порядка 5–10 тыс. долл. США за 1 кг. Мы осуществили пилотируемые и автоматизированные миссии, в ходе которых была сорвана завеса с давних загадок Солнечной системы и путешествия в космосе.

С 1980 по настоящее время? Хм, запуск на низкую околоземную орбиту по–прежнему обходится в 5–10 тыс. долл. США за 1 кг. И, насколько могу я судить, новая программа НАСА “Vision for Space Exploration” [сменившаяся с тех пор программой “Journey to Mars”] исходит из аналогичных оценок. В 1970-м такой подход был бы разумен. Мы тогда делали стартовые подходы к важнейшим проблемам и практическому приложению результатов, вопрос о цене не поднимался. Ныне же, в начале XXI века, такие космические предприятия человечества подобны кропотливому покрытию скульптуры двойным слоем фальшивого золота.

Во–первых, ограничения на выводимый в космос полезный груз поистине смехотворны, если не считать неприемлемо дорогого политически (или откровенно балабольских планов, от которых в будущем всегда можно отказаться).

Во–вторых, из–за такой стоимости полезный груз должен быть колоссально надежней и компактней аналогичного промышленного железа — и потому, автоматически, колоссально дорог.

Я верю, что многие искренне симпатизируют пилотируемым полетам в космос и относятся к такой перспективе с большим энтузиазмом. Эти люди мыслят масштабно, однако их симпатиями и энтузиазмом склонны злоупотреблять.

Присутствие в космосе — залог долгосрочного выживания человека. Вот почему я подчеркиваю: необходимо сразу же отвергать любую инициативу пилотируемых космических миссий, *если она не увязана* с задачей существенно удешевить доступ в космос (по крайней мере в *десять раз*).

Институциональные изменения на пути дешевого доступа в космос

Существуют способы реактивного перемещения в космосе, которые становятся экономичными, *как только космический аппарат удалится от Земли*. Эти методы приведут внутреннюю

Солнечную систему в состояние, экономически эквивалентное Земле для европейских исследователей XVIII века.

“Бутылочное горлышко” здесь — переправка грузов с Земли на орбиту. Его можно преодолеть несколькими способами. Какой из них окупится? Кто знает.

Однако это трудное препятствие наверняка можно обойти:

• Учредив премии вроде X-приза.

• Сформулировав реалистичные экономически задачи (правительств и/или крупнейших корпораций) наподобие: “Если сумеете снизить стоимость вывода на орбиту до X долл./кг, мы гарантируем вам заказы на Y тонн ежегодно в течение Z лет”.

• Переориентировав НАСА на фундаментальные опытные разработки, в духе предшественника этой структуры — НАКА.

И, наконец, наиболее вероятным способом, который, увы, вполне может положить начало сценарию “Возврата к безумию”:

• Возобновив гонку космических вооружений.

(Фу, гадость!)

Зарубежная фантастика

